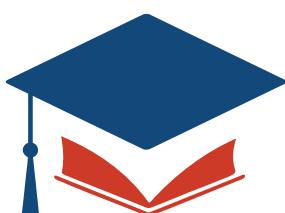

ISSN 2071-3622

Прикамского
социального
института

№ 3 (90) 2021

Пермь

ВЕСТНИК ПРИКАМСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
VESTNIK PRIKAMSKOGO SOCIAL'NOGO INSTITUTA
BULLETIN OF PRIKAMSKY SOCIAL INSTITUTE

2021. № 3 (90)

Научный журнал

Учредитель: автономная
некоммерческая организация высшего
и профессионального образования
«Прикамский социальный институт»

Адрес учредителя, издателя, редакции:
614010, Пермь, ул. Куйбышева, 98А
Тел.: (342) 214-26-76
E-mail: psi.nauka@mail.ru

Издается с 2001 года, выходит 3 раза в год

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

В журнале публикуются научные материалы,
которые связаны с анализом социально-
экономических и правовых отношений,
посвящены актуальным проблемам
развития общества и личности, носят как
теоретический, так и экспериментальный
характер. Приоритетное исследовательское
направление журнала – теоретические
и практические вопросы совершенствования
системы обеспечения национальной
безопасности

Позиция авторов статей может
не совпадать с мнением редакции

Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются

Компьютерная верстка Л. Н. Голубцовой

Выход в свет 16.12.2021. Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 18,60. Тираж 100 экз.
Заказ № 1547/2021. Свободная цена

2021. No. 3 (90)

Science journal

Founder: the Prikamsky Social Institute

Address of the founder, editor, publisher:
Kuibyshev st., 98A, Perm, Russia, 614010
Ph.: (342) 214-26-76
E-mail: psi.nauka@mail.ru

Published since 2001, 3 times a year

The journal is included in system
of the Russian Science Citation Index

The journal publishes scientific
materials that are connected with
the analysis of socio-economic and legal
relations, and devoted to the urgent problems
of society and personality. Moreover, they are
both of theoretical researchers' results and
make known specialists' experience in different
spheres. Priority direction of the journal is
to discuss theoretical and practical issues of
improving the national
security system

The position of the authors of publications
may not coincide with the opinion
of the editorial board

The copyright materials reviewed
and will not be returned

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Пермского национального
исследовательского политехнического университета.
614099, Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113.
Тел.: (342) 219-80-33.
© АНО ВПО «ПСИ», 2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Никитина Инна Филипповна – канд. юрид. наук, ректор Прикамского социального института

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Аренков Игорь Анатольевич – д-р экон. наук, профессор Высшей экономической школы Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Безукладников Константин Эдуардович – д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания иностранных языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Булахтин Максим Анатольевич – д-р истор. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета

Голохвастова Наталия Вениаминовна – канд. ист. наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, проректор по научной работе Прикамского социального института (заместитель главного редактора)

Игнатенко Виктор Васильевич – д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Иркутского областного государственного казенного учреждения «Институт законодательства и правовой информации имени М. М. Сперанского»

Кузнецова Ольга Анатольевна – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Пастухов Павел Сысоевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминастики Пермского государственного национального исследовательского университета

Похмелкин Виктор Валерьевич – канд. юрид. наук, доцент, научный руководитель Научно-исследовательского и внедренческого центра Прикамского социального института

Руденко Марина Николаевна – д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательства и экономической безопасности Пермского государственного национального исследовательского университета

Светлаков Андрей Геннадьевич – д-р экон. наук, профессор кафедры организации аграрного производства Пермского государственного аграрно-технологического университета имени академика Д. Н. Прянишникова

Хочрадел Ребекка – доктор наук (PhD), Бизнес-колледж Университета Дельта (Кливленд, США)

Шевелева Светлана Викторовна – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета

Шедяков Владимир Евгеньевич – д-р социол. наук, канд. экон. наук, доцент (Киев, Украина)

Шестова Татьяна Юрьевна – д-р истор. наук, профессор кафедры теории и практики управления Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Юлдашева Оксана Урниakovna – д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой маркетинга Санкт-Петербургского государственного экономического университета

EDITOR IN CHIEF

Nikitina Inna Philippovna – Cand. of Juridical Sciences, Rector, Prikamsky Social Institute

EDITORIAL BOARD

Arenkov Igor Anatolyevich – Dr. of Economic Sciences, Professor, Higher School of Economics, Saint-Petersburg State Economic University

Bezukladnikov Konstantin Eduardovich – Dr. of Pedagogic Sciences, Professor, Head of the Department of Methodology of Teaching Foreign Languages, Perm State Humanitarian Pedagogical University

Bulakhtin Maxim Anatolyevich – Dr. of Historical Sciences, Professor at the Department of Public Administration, Department of History and Archaeology, Perm State University

Golokhvastova Natalia Veniaminovna – Cand. of Historical Sciences, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Vice-rector for Scientific Work, Prikamsky Social Institute (deputy editor)

Ignatenko Viktor Vasilyevich – Dr. of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Leading Researcher of the Irkutsk Regional State Treasury Institution “Institute of Legislation and Legal Information named after M. M. Speransky”

Kuznetsova Olga Anatolyevna – Dr. of Juridical Sciences, Professor at the Department of Civil Law, Vice Dean for Scientific Affairs of the Faculty of Law, Perm State University

Pastukhov Pavel Sysoyevich – Dr. of Juridical Sciences, Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Perm State University

Pokhmelkin Victor Valeryevich – Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor, Scientific director of the Research and Innovation Centre, Prikamsky Social Institute

Rudenko Marina Nikolayevna – Dr. of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Entrepreneurship and Economic Security, Perm State University

Svetlakov Andrey Gennadyevich – Dr. of Economic Sciences, Professor at the Department of Organization of Agricultural Production, Perm State Agro-Technological University named after Academician D. N. Pryanishnikov

Hochradel Rebecca – Philosophiae Doctor (PhD), Assistant Professor, College of Business of the Delta State University (Cleveland, USA)

Sheveleva Svetlana Viktorovna – Dr. of Juridical Sciences, Professor, Dean of the Law Faculty, Southwest State University

Shedyakov Vladimir Evgenyevich – Dr. of Sociological Sciences, Cand. of Economic Sciences, Associate Professor (Kiev, Ukraine)

Shestova Tatiana Yuryevna – Dr. of Historical Sciences, Professor at the Department of Theory and Practice of Management, Perm branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Yuldasheva Oksana Urniakovna – Dr. of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Marketing, Saint-Petersburg State Economic University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Голохвастова Наталия Вениаминовна –
канд. истор. наук, заведующая кафедрой теории
и истории государства и права, проректор
по научной работе Прикамского социального
института (заместитель главного редактора)

Головкина Дарья Витальевна – канд. юрид.
наук, доцент кафедры гражданского права
и гражданского процесса Прикамского
социального института; доцент кафедры
предпринимательства и экономической
безопасности Пермского государственного
национального исследовательского университета

Зябрева Вероника Сергеевна – декан факультета
психологии и управления Прикамского
социального института

Маринкин Денис Николаевич – канд. юрид.
наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного
права, уголовного процесса и криминалистики
Прикамского социального института

Калугин Алексей Юрьевич – канд. психол.
наук, доцент кафедры психологии и педагогики
Прикамского социального института

Каминский Борис Борисович – канд. юрид.
наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права Прикамского социального
института

Карнаухова Людмила Исмагиловна –
заведующая кафедрой дизайна Пермского
гуманитарно-технологического колледжа,
член Международной общественной ассоциации
«Союз дизайнеров», Общероссийской
общественной организации
«Союз дизайнеров России»

Николаева Ирина Николаевна – декан
юридического факультета Прикамского
социального института

Субботина Яна Владимировна – канд. с.-х. наук,
доцент, зав. кафедрой экономики и управления
Прикамского социального института

Советов Игорь Константинович – канд. юрид.
наук, доцент, заведующий кафедрой
конституционного, муниципального
и административного права Прикамского
социального института

EDITORIAL STAFF

Golokhvastova Natalia Veniaminovna –
Cand. of Historical Sciences, Head of the Department
of Theory and History of State and Law, Vice-rector
for Scientific Work, Prikamsky Social Institute
(deputy editor)

Golovkina Daria Vitalyevna –
Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor
at the Department of Civil Law and Civil Procedure,
Prikamsky Social Institute; Associate Professor
at the Department of Entrepreneurship
and Economic Security, Perm State University

Zyabreva Veronika Sergeevna – Dean
of the Faculty of Psychology and Management
Prikamsky Social Institute

Marinkin Denis Nikolaevich – Cand. of Juridical
Sciences, Associate Professor, Head of the
Department of Criminal Law, Criminal Procedure
and Criminalistics, Prikamsky Social Institute

Kalugin Aleksey Yuryevich – Cand.
of Psychological Sciences, Associate Professor
at the Department of Psychology and Pedagogy,
Prikamsky Social Institute

Kaminsky Boris Borisovich – Cand. of Juridical
Sciences, Associate Professor at the Department
of Theory and History of State and Law,
Prikamsky Social Institute

Karnaughova Lyudmila Ismagilovna –
Head of the Department of Design,
Perm Humanitarian-Technological College,
a member of the International Association
“Society of Designers”, a member
of “Association of Designers of Russia”

Nikolaeva Irina Nikolaevna – Dean of the Faculty
of Law Prikamsky Social Institute

Subbotina Yana Vladimirovna –
Cand. of Agricultural Sciences. Sciences, Associate
Professor, Head. Department of Economics
and Management, Prikamsky Social Institute

Sovetov Igor Konstantinovich –
Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Constitutional,
Municipal and Administrative Law,
Prikamsky Social Institute

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	6
Похмелкин В. В.	
НОРМАТИВНЫЙ АКТ КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ.....	6
Советов И. К.	
ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	15
Голохвастова Н. В.	
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЛАСТИ КРЕПОСТНЫХ СЛУЖАЩИХ УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ВОТЧИНЫ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКИХ ВОТЧИН СТРОГАНОВЫХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА).....	24
Ефимовских В. Л.	
БОРЬБА ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ С СУЕВЕРИЯМИ В РОССИИ В XVI–XVII ВЕКАХ.....	30
Алексеев А. Н.	
ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С ПОМОЩЬЮ СЛУЖЕБНЫХ СОБАК	41
Бойко П. В.	
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АДВОКАТА И ДОВЕРИТЕЛЯ.....	49
Шиханов В. А.	
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ КОНВОИРОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ	58
Маринкин Д. Н., Маленьких Ю. В.	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	63
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ	68
Абдрахимов В. З., Шапиро С. Р., Абдрахимов Д. В.	
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ	68
Максименко И. И., Пепеляева А. Р.	
ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА НА ОСНОВЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА	76
Рожков Е. В.	
МЕХАНИЗМЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ УПРАВЛЕНИИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ	83
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА	90
Пискунова В. В.	
ПСИХОДИАГНОСТИКА ВОДИТЕЛЯ КАК КОМПОНЕНТ ОБУЧЕНИЯ В АВТОШКОЛЕ.....	90
Шиляева И. Ф.	
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ, СКЛОННЫХ К ПЕРФЕКЦИОНИЗМУ	96
Шумкова С. В.	
КОНЦЕПЦИЯ ЗАВИСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ШКОЛЫ МЕЛАНИ КЛЯЙН.....	105
Третьякова М. В., Терскова А. С.	
ШКОЛЬНАЯ НЕУСПЕВАЕМОСТЬ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	112
Зябрева В. С., Глухова В. А.	
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ	117
Пузанкова И. Е., Стоюшко О. Д.	
ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ НА СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОТДЕЛА ОХРАНЫ УЧРЕЖДЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ	123
НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ	129
Вершинина Д. Б.	
СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИН-ПАРЛАМЕНТАРИЕВ ИРЛАНДИИ: НА ПУТИ К ГЕНДЕРНУМУ ПАРИТЕТУ?....	129
Бурмистрова Е. С.	
ЭКОФЕМИНИЗМ: МЕЖДУ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ И ГЕНДЕРНЫМ РАВЕНСТВОМ (НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ «ЖЕНЩИНЫ, БОРЮЩИЕСЯ ЗА ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ»)	137
Снигирев С. А.	
ПРОБЛЕМЫ ЖЕНЩИН В ПОВЕСТКЕ БРИТАНСКИХ ПРОТЕСТОВ 2016–2020 ГОДОВ	145
Тихомиров Н. В.	
ПРЕПОДАВАНИЕ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	152
Титкина Е. О.	
ПЕРСПЕКТИВЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРОГРАММ АСПИРАНТУРЫ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА БЕЗОПАСНОСТИ	158
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ	163

CONTENTS

JURISPRUDENCE	6
Pokhmelkin V. V.	
NORMATIVE ACT AS A LITERARY WORK.....	6
Sovetov I. K.	
LEGAL RESPONSIBILITY OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN THE MECHANISM OF ENSURING NATIONAL SECURITY	15
Golokhvastova N. V.	
CONCEPTS OF POWER OF SERFS EMPLOYEES OF THE URAL MINING ESTATE (ON THE EXAMPLE OF THE PERM ESTATES OF THE STROGANOVS THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)....	24
Efimovskikh V. L.	
STRUGGLE OF THE CHURCH AND THE STATE AGAINST SUPERSTITIONS IN RUSSIA IN THE XVI-XVII CENTURIES	30
Alekseev A. N.	
FEATURES OF SAFETY IN THE INSTITUTIONS OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM WITH THE HELP OF SERVICE DOGS.....	41
Boyko P. V.	
TOPICAL ISSUES OF SECURITY IN THE FIELD OF RELATIONS BETWEEN A LAWYER AND A CLIENT	49
Shishanov V. A.	
FOREIGN EXPERIENCE IN THE ESCORT OF PRISONERS	58
Marinkin D. N., Malenkih Yu. V.	
CURRENT PROBLEMS OF PROSECUTOR'S SUPERVISION IN THE RUSSIAN FEDERATION	63
ECONOMICS AND MANAGEMENT.....	68
Abdrakhimov V. Z., Shapiro S. R., Abdrakhimov D. V.	
PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY IN RUSSIA ON THE EXAMPLE OF THE CONSTRUCTION INDUSTRY.....	68
Maksimenko I. I., Pepelyaeva A. R.	
INCREASE OF LABOR PRODUCTIVITY BASED ON IMPROVEMENT OF STAFF MOTIVATION SYSTEM	76
Rozhkov E. V.	
MECHANISMS FOR THE INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE MANAGEMENT OF MUNICIPAL PROPERTY	83
PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY	90
Piskunova V. V.	
DRIVER PSYCHODIAGNOSTICS AS A COMPONENT OF TRAINING IN DRIVING SCHOOL	90
Shilyaeva I. F.	
PROBLEMS OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF STUDENTS WHO ARE PRONE TO PERFECTIONISM	96
Shumkova S. V.	
THE CONCEPT OF ENVY IN MELANIE KLEIN SCHOOL RESEARCH	105
Tretyakova M. V., Terskova A. S.	
SCHOOL FAILURE AS A PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEM	112
Zyabreva V. S., Glukhova V. A.	
PSYCHOLOGICAL SAFETY OF PROFESSIONAL ACTIVITY: EMOTIONAL BURNOUT	117
Puzankova I. E., Stoyushko O. D.	
THE INFLUENCE OF INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL QUALITIES ON THE STRESS RESISTANCE OF EMPLOYEES OF THE SECURITY DEPARTMENT OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE.....	123
SCIENCE AND EDUCATION.....	129
Vershinina D. B.	
SOCIAL PORTRAIT OF FEMALE MEMBERS OF IRISH PARLIAMENT: ON THE WAY TO GENDER PARITY?.....	129
Burmistrova E. S.	
ECOFEMINISM: BETWEEN SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND GENDER EQUALITY (THE CASE OF THE "WOMEN ENGAGE FOR A COMMON FUTURE" ORGANIZATION).....	137
Snigirev S. A.	
WOMEN'S PROBLEMS IN THE BRITISH PROTEST AGENDA 2016-2020	145
Tikhomirov N. V.	
TEACHING THE NEWEST HISTORY OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF ENSURING NATIONAL SECURITY	152
Titkina E. O.	
PROSPECTS FOR IMPROVING THE CONCEPT OF POSTGRADUATE PROGRAMS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL FRAMEWORK OF THE NATIONAL SECURITY SPACE	158
GUIDELINES FOR PREPARING ARTICLES FOR PUBLICATION	163

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 6–14.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 6-14.

Научная статья
УДК 340.1

НОРМАТИВНЫЙ АКТ КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Виктор Валерьевич Похмелкин

Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, psi2001@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает нормативный акт как литературную форму, определяя его основные характеристики, общее и отличия от литературного произведения вообще. В составе нормативного акта выделяются и исследуются такие существенные элементы, как тема, проблема и идея, присущие всякому литературному произведению. Подчеркивается, что нормативный правовой акт является литературно изложенным решением социальных проблем, выраженным в юридической форме. Обращается внимание на регулятивный характер нормативного акта, что отличает его от других литературных произведений. Отмечается, что появление / изменение нормативного правового акта обусловлено социально-экономическими, политическими и иными факторами. Для того чтобы нормативный правовой акт нашел эффективное применение в реальной жизни, он должен быть подчинен основным канонам, на которых базируется любое литературное произведение.

Ключевые слова: нормативный правовой акт, литературное произведение, нормотворчество, концепция нормативного акта, юридическая форма, регулятивный характер, тема, проблема, идея.

Для цитирования: Похмелкин В. В. Нормативный акт как литературное произведение // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 6–14.

Original article

NORMATIVE ACT AS A LITERARY WORK

Viktor V. Pokhmelkin

Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, psi2001@mail.ru

Abstract. The author considers a normative act as a literary form, defining its main characteristics, general characteristics and differences from a literary work in general. As part of a normative act, such essential elements as a theme, problem and idea inherent in any literary work are singled out and investigated. It is emphasized that a normative legal act is a literary solution to social problems, expressed in a legal form. Attention is drawn to the regulatory nature of the normative act, which distinguishes it from other literary works. It is noted that the emergence / change of a regulatory legal act is due to socio-economic, political and other factors. In order for a normative legal act to find effective application in real life, it must be subordinate to the basic canons on which any literary work is based.

Keywords: normative legal act, literary work, rule-making, the concept of a normative act, legal form, regulatory nature, theme, problem, idea.

For citation: Pokhmelkin V. V. Normative act as a literary work. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 6-14. (In Russ.)

1. Литературная ипостась нормативного акта: общее и особенное

Еще в середине шестидесятых годов прошлого века видным советским правоведом А. А. Ушаковым был выдвинут и обоснован подход к законодательству как разновидности литературы и к законодательному акту как к литературному произведению [1, с. 52–57]. Но странное дело: несмотря на отсутствие весомых научных опровержений, этот взгляд не получил мало-мальского теоретического развития и серьезного практического применения.

Особенно пострадало от такого упущения нормотворчество, понимаемое здесь как создание (разработка, составление) нормативных актов. Убежден, что грамотное нормотворческое проектирование возможно только при учете закономерностей и канонов, по которым создается литературное произведение. Стихийно так оно и происходит, иначе ни один проект нормативного акта просто не был бы написан. Однако стихийность чревата пороками и ошибками, приводящими к резкому снижению качества законодательства и нормативного регулирования в целом. Причем качества не только специфически-юридического, но и социального, что усугубляет общественную энтропию.

Не жалуют «законодательную литературу» и филологи. Про нее чаще всего забывают при классификации литературы на виды¹. В лучшем случае вспомнят про наличие «официальной литературы», к которой относят, в том числе, законы и другие нормативные акты. Однако в целом литературоведение как наука ориентируется на исследование художественного литературного творчества, не уделяя другим видам литературы должного внимания.

Под литературой в широком смысле понимается совокупность любых письменных текстов². В более узком значении – совокупность письменных произведений, имеющих определенное внешнее оформление [1, с. 54]. Дискуссии вокруг объема этого понятия вполне объяснимы в эпоху Интернета, когда обмен письменными текстами, доступными для чтения и комментирования третьими лицами, становится едва ли не главной формой общения. Не вторгаясь в идущие споры, ограничимся бесспорными классическими признаками литературы и посмотрим, как они проявляются в интересующем нас предмете.

Термин «литература» (от римской *litera* – буква) применяется только в отношении *текста*, то есть информации, выраженной средствами языка в виде определенной последовательности речевых единиц (слов, словосочетаний, предложений) [2]. Следовательно, звук и изображение как информационные носители рассматриваемым понятием не охватываются.

Для того чтобы стать литературным, текст должен быть выражен *письменно*, получить внешнюю предметную форму, в которой его можно было бы прочитать. Устная речь сама по себе свойствами литературы не обладает, но может стать литературным текстом, будучи записанной самим оратором или другими людьми.

Литературным является не любой письменный текст, а лишь имеющий характер *произведения* – определенного продукта творческой деятельности людей. Именно литературное произведение образует субстрат литературы, ее исходную единицу. Последняя же в своей целостности представляет не что иное, как совокупность литературных произведений.

Литературное произведение как категория, в свою очередь, обладает набором существенных, атрибутивных признаков, к которым можно отнести следующие:

1. *Авторство*. Любой литературный текст создан (написан, продиктован, подписан) человеком (группой людей), принимающим на себя ответственность за его содержание. Подчеркну, что речь идет об авторстве не в гражданско-правовом, а в более общем, произ-

¹ См., напр.: Литература [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Литература> (дата обращения: 09.09.2021).

² Там же.

водственном аспекте, в каком, например, можно говорить о столяре, смастерившем стол, или о строителях, построивших дом. Авторство литературного произведения может быть не установлено либо оспорено, но это не означает его отсутствия.

2. *Творческий характер*. Каждое литературное произведение отличается хоть незначительной, но новизной, пусть весьма скромной и даже неэстетичной, но оригинальностью, уникальностью. Используя выражение М. М. Бахтина, можно сказать, что оно «занимает самостоятельную позицию по отношению к действительности» [3, с. 280]. Литературное произведение неповторимо в его индивидуальности. В том числе и потому, что в нем непременно проявляется неповторимая, уникальная личность его автора.

3. *Целостность и завершенность*. Литературное произведение воспринимается во-вне как нечто, имеющее внутреннюю и внешнюю определенность (качественную специфику и количественные границы), отличающее его как от других произведений, так и от нелитературной реальности. Проявлениеми указанных признаков выступают: наличие названия, явно выраженные (обозначенные) начало и конец литературного произведения, структурирование текста посредством выделения абзацев, параграфов, глав и т. п. Завершенность не означает полной неизменности. Однако после внесения изменений литературное произведение приобретает новую редакцию и тем самым другую целостность и завершенность.

4. *Наличие концептуальных литературных компонентов – темы, проблемы, идеи*. Под темой в литературоведении понимается круг жизненных явлений, отобранных и освещенных в литературном произведении [4, с. 52; 5, с. 347], объективная основа его содержания [6]. Проблему (проблематику) такого произведения образует жизненно важный вопрос (вопросы), требующий изучения и разрешения. Идеей считается основная мысль произведения, выражающая отношение автора к теме и проблеме. В совокупности указанные компоненты образуют концептуальное ядро литературного произведения и определяют его социальное значение. Традиционно их анализируют применительно к произведениям художественной литературы. Полагаю, что скрупулезный анализ позволяет найти тему, проблему и идею и у других литературных произведений с учетом их видовых особенностей.

Нормативные акты содержат цельный, завершенный письменный текст и, безусловно, являются продуктами социального творчества. Каждый из них представляет собой самостоятельное и по-своему уникальное произведение, занимающее собственное место в общем нормативно-регулятивном строю.

Несколько сложнее обстоит дело с авторством. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (с последующими изменениями) предусмотрела, что законодательством стран-участниц охрана авторских прав может распространяться на официальные тексты законодательного, административного и юридического характера и на официальные переводы таких текстов (ч. 4 ст. 2). Однако Гражданский кодекс Российской Федерации исключил все официальные документы из числа объектов авторских прав (пп. 1 п. 6 ст. 1259).

Следует признать, что именно с цивилистической точки зрения упомянутое положение ст. 1259 оправданно. На нормативный акт как публично-правовой и политический документ не могут распространяться авторские права, охраняемые гражданским законодательством, но это не значит, что он вообще лишен авторства. И автор этот настолько часто упоминается в юридических публикациях, что уже стал фигурантом нарицательной. Речь идет о законодателе (нормоустановителе) – коллективном или единоличном субъекте нормотворчества, отвечающем за составление, принятие (утверждение) и обнародование конкретного нормативного акта.

Обобщенность, неперсонализированность авторства связана с одной из существенных специфических черт нормативного акта как литературного произведения – *обезличенностью*, обусловленной его социально-регулятивным назначением. Наличие этой и других

особенностей, в которых и через которые проявляются общие признаки, свидетельствует о том, что совокупность нормативных актов представляет собой одну из разновидностей литературы (назовем ее «нормотворческой»¹).

Основанием деления литературы на виды «являются специфические особенности содержания и формы, имеющиеся в различных видах литературы в целом и в отдельных ее частях – произведениях. Это, в свою очередь, связано с тем, что различные виды литературы отражают различные виды общественного сознания, отличающиеся друг от друга своим предметом, своим содержанием, своей формой» [1, с. 54]. Нормативные акты являются продуктами в первую очередь правового и политического общественного сознания, чем в значительной степени определяется специфика их содержания и формы.

Существенные отличительные черты нормотворческой литературы определяются ее социальной миссией, связанной с регулированием общественных отношений посредством установления правил должного и дозволенного поведения. Конечно, она выполняет и другие социальные функции: познавательную, воспитательную, коммуникативную и даже эстетическую. Нельзя не согласиться с А. А. Ушаковым в том, что нормативный акт – «своеобразное синтетическое, комплексное литературное произведение» [1, с. 57]. Однако все перечисленные функции нормотворческой литературы носят вспомогательный характер и не специфичны именно для нее. Лишаясь же регулятивного заряда, нормативный акт теряет свое качество и становится чем-то принципиально иным.

Социальное назначение нормотворческой литературы обуславливает особенность ее воздействия на сознание людей. Научная литература апеллирует главным образом к интеллекту (разуму), художественная еще обязательно и к чувствам. И научное, и художественное произведения приглашают читателя к размышлению. Для последнего важно еще и сопреживание. При этом читательская воля для обоих видов литературных произведений по большому счету не столь важна. Хорошо, конечно, когда научный трактат или роман еще и побуждают к социальной активности, но здесь это не основное. Для нормотворческой же литературы воля читателей имеет первостепенное значение. Нормативный акт пишется и доводится до сведения людей не для того, чтобы вызвать у них размышления и тем более переживания, а для соблюдения и исполнения его предписаний. Внутренний мир человека, в который непременно пытается проникнуть художественное произведение, законодателя интересует только при определении признаков общественно опасных актов поведения, подлежащих запрету и наказанию. Мотивы же и чувства субъекта, поступающего правомерно, небезразличные для юридической науки, автора нормотворческих произведений оставляет равнодушным.

Нет смысла отрицать, что нормативный акт находится на противоположном литературном полюсе по отношению к произведению художественной литературы. Однако между ними нет непроходимой стены, а есть отношения взаимовлияния и даже взаимопроникновения. В оригинальном эссе Анастасии Семеновой вообще утверждается: «Черты, которые мы находим в текстах постмодернизма, присущи и статье нормативно-правового акта... И получается, что разницы никакой нет: быть может, статья закона – самый загадочный и многогранный литературный текст из всех когда-либо созданных» [7]. Не будучи литературоведом, не берусь оценивать приведенное суждение, но по собственному опыту знаю, что любовь к художественной литературе и наличие представления о канонах, по которым она создается, служат основательным подспорьем в нормотворческой деятельности, делая ее процесс более одухотворенным, а ее произведения – более человечными.

¹ А. А. Ушаков называл ее «законодательной литературой» (Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. С. 52–57). Считая принципиально неправильным включать в законодательство подзаконные акты (и уж совсем точно – муниципальные и локальные), думаю, что данный термин может применяться только в отношении законов (законодательных произведений) в точном политико-юридическом смысле.

2. Литературная концепция, сюжет и композиция нормативного акта

Как уже отмечалось, концепция литературного произведения складывается из определения темы, постановки проблемы (проблем), выдвижения и формулирования идеи (идей). Догадываюсь о возможном возражении против использования этих понятий применительно к концептуальным основам нормотворчества. Действительно, на первый взгляд может показаться, что речь идет о подмене давно признанных и специфических именно для правоведения категорий. Стоит ли говорить о теме, проблемах и идеях нормативного акта, если можно оперировать соответственно категориями «предмет регулирования», «цели и задачи», «принципы и методы регулирования».

Думаю всё же, что литературоведческие понятия в данном случае не подменяют и не вытесняют теоретико-правовые. Они вполне могут уживаться, дополняя друг друга, фиксируя разные аспекты одних явлений. Различия сразу становятся очевидными, как только вы приметесь писать пояснительную записку, служащую обязательным сопроводительным документом для большинства видов нормативных актов. Попробовав обойтись традиционными для юридической науки терминами, можно споткнуться уже в самом начале при обосновании актуальности... чего? К предмету нормативного регулирования как совокупности определенных общественных отношений вряд ли применима оценка как актуального или неактуального. А вот для темы такая характеристика весьма органична. Упоминание целей и задач вполне уместно в пояснительной записке, но вы рискуете сформулировать их весьма абстрактно, пока не выявите реальных, конкретных проблем, ради разрешения которых задуман и создан проект нормативного акта. Принципы и методы крайне важны. Однако они достаточно абстрактны для раскрытия смысла проекта, в то время как связанные идеи отражают его основное содержание.

Тема, проблема и идея – не изолированные, а взаимозависимые категории, образующие в своей цельности концепцию нормативного акта как литературного произведения. Тематика отражает проблемную сторону предмета нормативного регулирования. Проблематика образует область постановки социально и юридически значимых вопросов. Идеи выражают отношение нормоустановителя к проблеме и формулируют принципиальные нормативные решения. «От того, какие стороны и явления общественной жизни освещаются в нормативном акте (тема), как истолковываются, с каких позиций они ставятся и преподносятся (идея), какие цели, задачи при этом решаются (проблема)..., зависит уровень законодательной деятельности» [1, с. 64].

Тематика, проблематика и идейная насыщенность зависят от формата нормативного акта. В крупных, кодифицированных законах тема глобальна и по существу сливаются с отраслевым предметом регулирования. Общая для таких актов проблема (необходимость обеспечить целостное, внутренне непротиворечивое и социально адекватное урегулирование соответствующего комплекса общественных отношений) распадается на множество более частных, но весьма значимых проблем, решаемых в рамках отдельных разделов и глав. Идейный каркас носит сложный, многоуровневый характер и базируется на системе основополагающих идей (принципов), как правило находящих отражение в общих положениях кодекса. В нормативных актах среднего формата в зависимости от их разновидности темами являются социальные институты, процессы или ситуации; проблемами – противоречия и конфликты, связанные с их возникновением, функционированием (протеканием) и прекращением; идеями – предлагаемые нормативные способы решения проблем (разрешения противоречий и урегулирования конфликтов). Наиболее узкую тематику и проблематику имеют фрагментарные нормативные акты, подчиненные, как правило, одной или немногим взаимосвязанным задачам, для решения которых требуются относительно несложные правовые средства.

Проблематика нормотворческой литературы всегда носит дуалистический характер, имеет две стороны: социальную и юридическую. Ни один нормативный акт не издается без нацеленности на содействие полному или частичному разрешению проблем, находящихся

в общественной жизни, но вне непосредственной правовой реальности. Это могут быть экономические, политические, культурологические, социально-классовые, национальные, религиозные и другие проблемы, как глобальные, имеющие количественные параметры и воспроизводящиеся на каждом новом уровне их решения, так и локальные, решаемые раз и навсегда. Повышение уровня жизни населения, экономического роста, производительности труда, ограничение инфляции, снижение безработицы, преступности, дорожно-транспортных происшествий – примеры глобальных социальных проблем. Однако непосредственно воздействовать даже на их частичное решение никакое законодательство не может. Этого часто не понимают парламентарии-дилетанты (не говоря уже о носителях обыденного сознания), раз за разом предлагающие меры по ужесточению наказания как панацею от преступлений и административных правонарушений.

Для того чтобы нормативные средства были эффективными, способными помочь смягчить остроту глобальной или разрешить локальную социальную проблему, последняя должна иметь юридическую составляющую. Один из самых именитых советских ученых-юристов В. Н. Кудрявцев писал: «Первый и основной вопрос всякой правовой регламентации заключается в том, *разрешить* или *запретить* данный вид поведения, то есть отнести ли его к правомерному или противоправному» [8, с. 105]. Юридическую форму социальная проблема приобретает тогда, когда возникает и осознается законодательная потребность:

- запретить какие-то действия, ранее считавшиеся дозволенными;
- разрешить то, что до сих пор было запрещено;
- сделать обязанностью то, что ранее считалось лишь субъективным правом;
- усилить стимулы к общественно полезному или антистимулы к общественно опасному поведению, что, в конечном счете, тоже сводится к расширению зоны дозволенного (правомочного) или должного (обязательного, запрещенного).

Скажем, при анализе социальной проблемы смертности в дорожно-транспортных происшествиях может быть выявлена юридическая проблема, состоящая в том, что в нашей стране разрешены выпуск и эксплуатация автомобилей, не оборудованных подушками безопасности. Законодательный запрет таких действий стал бы решением юридической проблемы и продвижением в решении проблемы социальной.

Если же социальная проблема не имеет юридического выражения, то есть не проявляется (или не выявляется) в отсутствии необходимых с точки зрения законодателя и иного нормоустановителя запретов, дозволений или позитивно-обязывающих предписаний, то для принятия нового или изменения действующих нормативных актов нет надлежащих оснований. Естественно, что и идейное наполнение нормотворческих произведений осуществляется посредством своего рода манипулирования субъективными правами и юридическими обязанностями участников общественных отношений (установление, отмена, расширение или ограничение этих прав и обязанностей).

Роль своеобразных проводников между социальной и юридической проблематикой, а также между проблемами и идеями при создании нормотворческих произведений играют классовые, групповые, корпоративные и даже личные интересы. По справедливому утверждению А. Т. Ханипова, «интересы опосредуют собой зависимость целей социального субъекта от объективных условий его жизни» [9, с. 57]. С этой точки зрения любое общественно значимое литературное произведение диктуется определенной заинтересованностью автора, хотя бы потребностью в творческой самореализации или общественном признании. Нередко художественные или научные произведения являются, к счастью для их создателей, источником заработка (незабвенное пушкинское: «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»). Встречаются и такие, которые делаются по заказу власти или деньги имущих, но всё же для художественного и научного творчества вполне естественна бескорыстная мотивация.

Иначе обстоит дело с нормотворческой литературой. Ни один нормативный акт не пишется и не принимается только «из любви к искусству». За каждым из них стоят чьи-либо социально-экономические и (или) политические интересы, даже чаще всего – их борьба, заканчивающаяся победой одних, поражением других или достижением компромисса. Именно интерес является основным индикатором социально-правовой проблематики и движущим мотивом законодательных идей. Хрестоматийный вопрос: «Кому выгодно?» – применительно к художественной литературе чаще всего бестактен. Для научных работ он имеет хотя и важное, но прикладное значение. В отношении же законодательных актов ответ на этот вопрос играет роль ключа к открытию истинных концептуальных мотивов законодателя.

Любой литератор сталкивается с эффектом, который можно назвать «конкуренцией проблем». Не в том смысле, что приходится выбирать между имеющимися альтернативами, а в том, что в силу тотальной противоречивости мира решение одной проблемы неизбежно влечет за собой появление других, подчас более сложных. Художественным произведениям это иногда во благо, поскольку позволяет обострить сюжет, ставить героев в новые сложные ситуации, глубже раскрывать их характеры. История знаменитого «Золотого теленка» вряд ли достигла бы таких высот драматизма и психологической точности, если бы оборвалась на решении, казалось бы, главной проблемы великого комбинатора, когда «сбылись мечты идиота». В то же время зачастую ради ожидаемого читателями счастливого конца автору приходится прерывать повествование на том месте, где «пирком, ладком да за свадебку», тогда как, может быть, основная интрига с этого места только и начинается. Что же касается науки, то для нее бесконечная цепь проблем – неиссякаемый источник развития.

А вот для законодателя «конкуренция проблем» – постоянная головная боль. Хуже нет – сломать, пусть хрупкое, но равновесие в социально-правовой реальности, получив на место, казалось бы, решенной проблемы гораздо более сложную и глубокую. Каковы бы ни были реальные интересы и политические устремления людей, осуществляющих законодательную власть, они всегда вынуждены при планировании желаемых нормативных решений принимать во внимание побочные последствия их принятия. Найти в цепи социальных проблем правовое звено, позволяющее принять самое сбалансированное для данного конкретно-исторического отрезка решение – в этом, собственно, и состоит нормотворческое мастерство и идейное совершенство нормативных актов.

Подчеркну, что нередко самым рациональным решением является отказ от принятия нормативного акта, ограждающий естественный ход социальных событий от искусственного управляемого вмешательства. Когда академик И. В. Курчатов, как гласит быль, распорядился проложить на территории возглавляемого им института пешеходные дорожки через газоны там, где чаще всего ходили его сотрудники, он тем самым дал пример самого мудрого законотворчества. Оно сводится к двум основным правилам: 1) не выдумывать законы из головы и не принимать их от сердца, а находить и открывать их в самой жизни; 2) прибегать к внешнему нормативному регулированию только в случае, если оно причинит меньший вред, чем его отсутствие.

Творения художественной литературы и науки могут выдерживать несколько изданий и обновленных редакций, но все же крайне редко меняются концептуально. Созданные в определенное время, они переживают его и становятся культурным достоянием других эпох и новых поколений. Иная судьба у нормотворческих произведений. Крайне немногие из них могут быть уподоблены долгожителям, но даже те из законодательных актов, которые, вроде знаменитого гражданского кодекса Наполеона, действуют в течение многих десятилетий, а то и столетий, претерпевают на своем веку множественные и значительные изменения. Меняются формации, общественно-экономические уклады, формы правления, политические режимы, рано или поздно меняются даже находящиеся у власти лица. И со всем этим меняется тематика, проблематика и идейная направленность нормо-

творческой литературы. Откровенно говоря, автор этих строк побаивается лишний раз заглянуть в российские кодифицированные акты, которые создавались и принимались при его участии в 1990-е и 2000-е годы. Настолько много за эти двадцать с лишним лет внесено в них изменений,искажающих (мягко говоря) изначально закладывающуюся концепцию. Вместе с тем независимо от ценностных ориентаций и профессиональных убеждений следует признать: хотя на *изменчивость* законодательства в значительной мере влияют субъективные, политico-конъюнктурные факторы, но принципиальная *изменяемость* была и остается его существенной чертой.

Концептуальные особенности нормотворческой литературы очевидны. Тем не менее трудно согласиться с категорическим утверждением А. А. Ушакова о том, что «законодательному творчеству соответствует своя особая тематика, свои идеи, своя проблематика, которые не могут иметь места в других формах духовного творчества» [1, с. 68]. При всех различиях в методах и средствах духовного освоения объективной реальности у произведений нормотворческой и той же художественной литературы немало именно концептуально общего.

Те и другие населяют герои, действующие в состоянии необходимой обороны или условиях крайней необходимости, и злодеи, совершающие многочисленные и изощренные преступления. И там, и там люди приобретают и отчуждают имущество, вступают в брак и разводятся, зарабатывают и тратят деньги, рвутся к власти и защищают свободу. Об особенностях конкретного общества и государства мы можем в равной степени судить как по книгам литераторов-современников или историков, так и по действовавшему в то время законодательству. Наконец, пожалуй, самое главное. И художественная, и нормотворческая литература зиждется на определенных представлениях о добре и зле, справедливом и несправедливом, доблестном и постыдном. Иначе говоря – на нравственных оценках людей в зависимости от того, как они живут и что делают. Эти представления и оценки, разумеется, могут расходиться у различных писателей и разных законодателей, могут быть более или менее сложными и релятивными. Более того, по-настоящему талантливые творцы литературных произведений не склонны к откровенному и прямому морализаторству. Однако умный читатель всегда обнаружит в художественном и законодательном творении если не последовательную этическую систему, то, во всяком случае, четкие нравственные ориентиры.

Список источников

1. Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики: учеб. пособие / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1967.
2. Литературное произведение [Электронный ресурс] // Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. URL: http://www.uhlib.ru/literaturovedenie/teoriya_literatury/p5.php (дата обращения: 10.09.2021).
3. Бахтин М. М. Работы 1920-х годов: Искусство и ответственность к философии поступка. Автор и герой в эстетической деятельности. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. Киев: Next, 1994. 384 с.
4. Тимофеев Л., Венгеров И. Краткий словарь литературоведческих терминов. М.: Учпедгиз, 1963.
5. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. энцикл., 1987.
6. Поспелов Г. Н. Целостно-системное понимание литературных произведений // Вопросы литературы. 1982. № 3. С. 139–155.
7. Семенова А. Что написано первом. Текст закона как произведение постмодернизма [Электронный ресурс] // Интертекст. URL: <https://conceprture.club/post/obrazovanie/law-texts-and-postmodernism> (дата обращения: 10.09.2021).
8. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность: монография. М.: Наука, 1986.
9. Ханипов А. Т. Интересы как форма общественных отношений: монография. М.: Наука, 1987.

References

1. Ushakov A. A. Ocherki sovetskoi zakonodatel'noi stilistiki [Essays on Soviet Legislative Stylistics]: ucheb. posobie, Perm. gos. un-t, Perm, 1967. (In Russ.)
2. Khalizev V. E. Literaturnoe proizvedenie [Literary work]. Teoriya literature [Theory of literature]: uchebnik. (In Russ.). Available at: http://www.uhlib.ru/literaturovedenie/teorija_literatury/p5.php (accessed: 10.09.2021).
3. Bakhtin M. M. Raboty 1920-kh godov: Iskusstvo i otvetstvennost' k filosofii postupka. Avtor i geroi v esteticheskoi deyatel'nosti. Problema soderzhaniya, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve [Works of the 1920s: Art and Responsibility to the Philosophy of Action. The author and the hero in aesthetic activity. The problem of content, material and form in verbal artistic creativity]. Kiev, Next, 1994, 384 p. (In Russ.)
4. Timofeev L., Vengerov I. Kratkii slovar' literaturovedcheskikh terminov [A short dictionary of literary terms]. Moscow, Uchped-giz, 1963. (In Russ.)
5. Kozhevnikova V. M., Nikolaeva P.A. Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar' [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1987. (In Russ.)
6. Pospelov G. N. Tselostno-sistemnoe ponimanie literaturnykh proizvedenii [Holistic and systematic understanding of literary works]. *Voprosy literatury*, 1982, no 3, pp. 139-155. (In Russ.)
7. Semenova A. Chto napisano perom. Tekst zakona kak proizvedenie postmodernizma [What is written with a pen. The text of the law as a work of postmodernism]. *Intertekst*. (In Russ.) Available at: <https://conception.club/post/obrazovanie/law-texts-and-postmodernism> (data obrashcheniya: 10.09.2021).
8. Kudryavtsev V. N. Zakon, postupok, otvetstvennost' [Law, act, responsibility]: monografiya. Moscow, Nauka, 1986. (In Russ.)
9. Khanipov A. T. Interesy kak forma obshchestvennykh otnoshenii [Interests as a form of public relations]: monografiya. Moscow, Nauka, 1987. (In Russ.)

Информация об авторе

B. B. Похмелкин – кандидат юридических наук, доцент,
научный руководитель Научно-исследовательского и внедренческого центра,
Прикамский социальный институт.

Information about the author

V. V. Pokhmelkin – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Scientific Director of the Research and Implementation Center,
Prikamsky Social Institute.

Статья поступила в редакцию 11.10.2021; одобрена после рецензирования 25.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 11.10.2021; approved after reviewing 25.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 15–23.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 15-23.

Научная статья
УДК 342

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Игорь Константинович Советов

Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, permsovet2008@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с анализом юридической ответственности образовательных организаций в качестве одного из элементов общего механизма обеспечения безопасности России. Даётся характеристика видов юридической ответственности образовательных организаций в сфере обеспечения безопасности, ее оснований и особенностей.

Ключевые слова: национальная безопасность, юридическая ответственность, образовательные организации.

Для цитирования: Советов И. К. Юридическая ответственность образовательных организаций в механизме обеспечения национальной безопасности // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 15–23.

Original article

LEGAL RESPONSIBILITY OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN THE MECHANISM OF ENSURING NATIONAL SECURITY

Igor K. Sovetov

Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, permsovet2008@mail.ru

Abstract. The article deals with the issues related to the analysis of the legal responsibility of educational organizations as one of the elements of the general mechanism for ensuring the security of Russia. The article describes the types of legal responsibility of educational organizations in the field of security, its grounds and features.

Keywords: national security, legal responsibility, educational organizations.

For citation: Sovetov I. K. Legal responsibility of educational organizations in the mechanism of ensuring national security. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 15-23. (In Russ.)

Юридическая ответственность является одним из существенных элементов общего правового регулирования в сфере обеспечения безопасности России и может применяться в случаях нарушения или ненадлежащего исполнения общеобязательных правил поведения в сфере обеспечения безопасности, устанавливаемых действующим законодательством и подзаконными правовыми актами. В качестве необходимого элемента механизма обеспечения национальной безопасности юридическая ответственность является достаточно эффективным инструментом достижения целей обеспечения безопасности, поскольку применяется в целях не только собственно привлечения к ответственности за правонарушения в сфере обеспечения безопасности, при которых причиняется ущерб правам и законным интересам личности, об-

щества, государства, но и для достижения целей общей и частной превенции. Очевидно, что достижение этих целей способствует предотвращению возникновения и развития вредоносных факторов, угрожающих безопасности охраняемых объектов: личности, общества и государства, их прав и законных интересов. Поэтому помимо собственно применения мер юридической ответственности для обеспечения национальной безопасности могут быть использованы (и, как правило, используются) иные правовые меры обеспечения безопасности, имеющие характер государственного принуждения. В научной литературе такие меры нередко обозначают как юрисдикционные меры обеспечения безопасности. Последние понимаются как «нормативно зафиксированные способы и приемы непосредственного подчинения поведения физических и юридических лиц общебязательным условиям и требованиям безопасности, применяемые органами административно-публичного обеспечения безопасности в целях охраны и защиты конституционных прав и законных интересов личности, общества, государства и нации от административных правонарушений» [1, с. 23]. Таким образом, применение государственного принуждения в виде наказаний направлено также на предупреждение, выявление и нейтрализацию правонарушений, создающих угрозу охраняемым объектам безопасности или повлекших причинение им вреда.

Образовательные организации на постоянной основе имеют отношения с многочисленными группами обучающихся и обучающихся, причем значительная часть последних являются несовершеннолетними и уже в силу этого обстоятельства наименее защищенными в сфере обеспечения их личной безопасности. Социальная значимость проблемы обеспечения безопасности в образовательных организациях может быть наглядно проиллюстрирована тем фактом, что более 20 % (или 1/5) от общей численности населения нашей страны являются обучающимися образовательных учреждений, большая часть из которых – несовершеннолетние. События последних лет наглядно показали, насколько актуальной является проблема обеспечения безопасности всех участников образовательных отношений в кризисной ситуации, особенно вызванной угрозами криминального и террористического характера. В аспекте общей превенции эта ситуация вызвала появление государственных программ обеспечения безопасности образовательных организаций, разработку и реализацию в образовательных организациях плана действий в чрезвычайных ситуациях, включающего различные компоненты, направленные на обеспечение физической, психологической безопасности и благополучия обучающихся и сотрудников¹. Министерство образования Пермского края в мае–июне 2021 года провело проверки обеспечения безопасности в 809 из 2 288 подведомственных образовательных организаций. Нарушения правил обеспечения безопасности были обнаружены на 128 объектах.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»² (закон «Об образовании в РФ») в п. 6 ст. 28 возлагает на образовательную организацию важную обязанность «создавать безопасные условия обучения, в том числе при проведении практической подготовки обучающихся, а также безопасные условия воспитания обучающихся, присмотра и ухода за обучающимися, их содержания в соответствии с установленными нормами, обеспечивающими жизнь и

¹ Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и подведомственных ему организаций, объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, формы паспорта безопасности этих объектов (территорий) и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 07.11.2019 № 1421 (ред. от 29.03.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 46. Ст. 6491; Об усилении мер безопасности: письмо Минпросвещения России от 11.05.2021 № СК-123/07 (вместе с «Рекомендациями по организации действий в кризисной ситуации для участников образовательных отношений») // Официальные документы в образовании. 2021. Июнь. № 16.

² Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

здравые обучающихся, работников образовательной организации», а в п. 7 этой статьи установлено, что «образовательная организация несет ответственность в установленном законодательством Российской Федерации порядке за невыполнение или ненадлежащее выполнение функций, отнесенных к ее компетенции, за жизнь и здоровье обучающихся.., а также за жизнь и здоровье работников образовательной организации. За нарушение ... требований к организации и осуществлению образовательной деятельности образовательная организация и ее должностные лица несут административную ответственность в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях». Особо законодатель в ст. 41 закона «Об образовании в РФ» выделяет необходимость проведения обязательных мероприятий в области охраны здоровья обучающихся, которые должны осуществлять образовательные организации: обеспечение безопасности обучающихся во время пребывания в организации, осуществляющей образовательную деятельность; профилактика несчастных случаев с обучающимися во время пребывания в организации, осуществляющей образовательную деятельность; проведение санитарно-противоэпидемических и профилактических мероприятий. Причем в соответствии с ч. 2 ст. 41 закона «Об образовании в РФ» «организация охраны здоровья обучающихся (за исключением оказания первичной медико-санитарной помощи, прохождения медицинских осмотров и диспансеризации) в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, осуществляется этими организациями»¹. После принятия в 2012 году данного федерального закона правовые нормы об ответственности образовательных организаций не были каким-либо образом объединены в единое системное образование и поэтому остались многоотраслевым правовым институтом.

В связи с вышеуказанным можно отметить такую особенность юридической ответственности в образовательных организациях, как комплексный характер этого института. С одной стороны, эта ответственность включает в себя элементы различных видов социальной ответственности, в частности, отражает особенности содержания педагогических правоотношений и может иметь неправовой характер. Такие своего рода специфические, легально существующие и фактически признаваемые меры ответственности, применяемые в рамках педагогических отношений, которые нередко влекут при этом достаточно серьезные вредные последствия, тем не менее не признаются законом в качестве правонарушений (так называемые «скрытые» правонарушения). С другой стороны, юридическая ответственность образовательных организаций может иметь классические характеристики юридической ответственности в различных отраслях права, что позволяет применять в таких случаях отдельные специальные отраслевые законодательные акты (Трудовой кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовный кодекс Российской Федерации) и говорить о юридической ответственности образовательных организаций в рамках традиционных видов юридической ответственности. Особую озабоченность вызывает то совершиенно очевидное обстоятельство, что если вопросы закрепления и применения административно-правовой, уголовно-правовой, дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности имеют под собой уже сформировавшуюся теоретико-правовую почву, нормативно установленные основания для своего практического применения, то проблемы образовательно-правовой ответственности начинаются уже с дискуссионности самого признания возможности существования такого вида ответственности [см.: 2; 3; 4].

Содержащиеся в Федеральном законе «Об образовании в РФ» предписания об ответственности образовательных организаций за жизнь и здоровье обучающихся и работников образовательной организации сформулированы, скорее, как обязанности образовательной организации, которые она должна неукоснительно исполнять, что представляет собой основание для позитивной ответственности. Данные положения закона «Об образовании в

¹ Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021).

РФ» об ответственности определены весьма расплывчато, не содержат никаких четких критериев. Это не позволяет рассматривать данные положения закона в практическом аспекте как основания применения соответствующих правовых санкций, которые к тому же вообще не определены данным законом. Поэтому исследовать юридическую ответственность образовательных организаций в сфере обеспечения безопасности представляется возможным только в рамках отраслевых правовых норм российского права.

В соответствии с основными отраслями права в качестве видов юридической ответственности образовательных организаций в сфере обеспечения безопасности можно выделить дисциплинарную, административную, уголовную и гражданско-правовую ответственность образовательных организаций в данной сфере.

Достаточно многочисленны и весьма разнообразны в сфере обеспечения безопасности дисциплинарные проступки, которые могут совершать все те работники образовательной организации (субъекты проступка), на которых возлагаются обязанности по соблюдению правил техники безопасности или иных правил охраны труда, обеспечению безопасных условий обучения и воспитания обучающихся, присмотра и ухода за обучающимися, их содержания. Согласно ч. 8 ст. 51 Федерального закона «Об образовании в РФ» руководитель образовательной организации несет ответственность за руководство образовательной, научной, воспитательной работой и организационно-хозяйственной деятельностью образовательной организации. Ч. 4 ст. 48 этого закона устанавливает, что педагогические работники несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей. При этом законодатель в самом федеральном законе не устанавливает элементы состава дисциплинарного проступка, включая санкции, а отсылает к другому (трудовому) законодательству. Аналогично законодатель не конкретизирует ответственность иных работников образовательных организаций, занимающих должности инженерно-технических, административно-хозяйственных, производственных, учебно-вспомогательных, медицинских и иных работников, осуществляющих вспомогательные функции. В ст. 52 Федерального закона «Об образовании в РФ» лишь констатировано, что указанные работники несут ответственность, установленную законодательством Российской Федерации, уставом, правилами внутреннего трудового распорядка и иными локальными нормативными актами образовательных организаций, должностными инструкциями и трудовыми договорами. Объективную сторону данных дисциплинарных проступков могут составить такие действия, как применение к обучающимся методов воспитания, связанных с физическим или психическим насилием; использование антигуманных, а также опасных для жизни и здоровья обучающихся, воспитанников методов обучения; несоблюдение условий безопасного ведения учебных и производственных процессов, создавших реальную угрозу причинения вреда или причинивших вред жизни и здоровью обучающихся, воспитанников, работников образовательного учреждения; отказ от прохождения периодических медицинских осмотров, а также внеочередных медицинских осмотров по направлению работодателя; непринятие мер безопасности, предусмотренных действующим законодательством и локальными правовыми актами. За совершение дисциплинарных проступков работники образовательных организаций в общем порядке на основании ст. 192 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) могут быть подвергнуты следующим мерам дисциплинарного воздействия: замечание, выговор, увольнение. Поскольку в трудовом законодательстве педагогические работники выделены в особую категорию, для их увольнения ст. 336 ТК РФ установлены дополнительные основания прекращения трудового договора с педагогическим работником и руководителями образовательной организации¹. В частности, основанием для увольнения педагогических работников и

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

руководителей образовательной организации является применение, в том числе однократное, методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, воспитанника.

Вторым видом юридической ответственности в сфере обеспечения безопасности, к которой могут привлекаться образовательные организации, является административная ответственность. В рамках института административной ответственности образовательные организации не только выступают в качестве общих субъектов общераспространенных административных правонарушений в сфере обеспечения безопасности, отвечая за противопожарную безопасность, санитарное состояние организаций, соблюдение режима труда и отдыха, но и могут быть специфическими субъектами административной ответственности, поскольку никто, кроме них, не может совершить такие правонарушения, как, например, предусмотренные ст. 5.57 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее – КоАП РФ) «Нарушение права на образование и предусмотренных законодательством об образовании прав и свобод обучающихся образовательных организаций» и ст. 19.30 КоАП РФ «Нарушение требований к ведению образовательной деятельности». Поскольку объективная сторона указанных правонарушений не содержит указаний на действия, связанные с невыполнением обязанностей по обеспечению безопасности в организации, то административная ответственность образовательных организаций в сфере обеспечения безопасности предусмотрена иными статьями КоАП РФ. Выделение этой группы административных правонарушений основано на двух критериях: во-первых, это объект в составе правонарушения – охраняемые объекты безопасности (личность, общество, государство), во-вторых, это субъект в составе правонарушения (образовательные организации и ее работники). На основе общих подходов к пониманию безопасности, а также легального определения административного правонарушения (ст. 2.1 КоАП РФ) можно сформулировать понятие административного правонарушения в сфере обеспечения безопасности как противоправного, виновного действия (бездействия) физического или юридического лица, причиняющего вред частным и публичным правам, законным интересам в сфере безопасности, за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность.

Действительно, административные правонарушения именно в сфере обеспечения безопасности, за совершение которых образовательные организации могут быть привлечены к административной ответственности, закреплены в ряде статей КоАП РФ и законов субъектов РФ.

Так, ст. 20.4 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за нарушение требований пожарной безопасности, которое влечет предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц от шести тысяч до пятнадцати тысяч рублей; на юридических лиц – от ста пятидесяти тысяч до двухсот тысяч рублей. В право-применительной практике привлечение к ответственности по этой статье осуществляется в основном в связи с тем, что нарушения, выявленные при проведении проверки в отношении образовательной организации, могут привести к недопустимому риску для безопасности жизни или здоровья детей. При этом устранение выявленных нарушений обычно не является основанием для освобождения образовательной организации от административной ответственности, поскольку на момент проверки данные нарушения имели место.

Кроме того, в ст. 20.35 КоАП РФ установлена административная ответственность за нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), в том числе образовательных организаций. В качестве элементов объективной стороны этого пра-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

вонарушения в судебной практике признаются такие, как отсутствие акта обследования и категорирования объекта (территории); отсутствие на объекте плана необходимых мероприятий по обеспечению антитеррористической защищенности объекта (территории); отсутствие организации на объекте внутриобъектового режима; отсутствие контроля за выполнением мероприятий по обеспечению антитеррористической защищенности на объекте; отсутствие организованного взаимодействия с территориальными органами безопасности, территориальными органами Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации и территориальными органами Министерства внутренних дел Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму и экстремизму на объекте, в том числе немедленное доведение информации об угрозе совершения или о совершении террористического акта до территориальных органов безопасности; игнорирование проведения учений и тренировок по реализации планов обеспечения антитеррористической защищенности объекта как минимум один раз в год; отсутствие актуализированного паспорта безопасности объекта в связи с изменением мер по инженерно-технической защищенности объекта.

Нормативными актами некоторых субъектов РФ также установлены составы административных правонарушений, за совершение которых образовательные организации могут быть привлечены к административной ответственности. Например, Законом Пермского края «Об административных правонарушениях в Пермском крае»¹ образовательные организации и их должностные лица могут привлекаться к административной ответственности за неисполнение установленных законом Пермского края мер по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию (ст. 7.3), за нарушение установленного органами местного самоуправления порядка обеспечения безопасности при организации и проведении культурных и досуговых мероприятий (ст. 7.6), за неисполнение решения антитеррористической комиссии в Пермском крае (ст. 11.7). В других субъектах РФ устанавливаются иные составы административных правонарушений, субъектами которых могут быть образовательные организации. Например, в республике Северная Осетия – Алания законодательно установлена административная ответственность должностных лиц организаций за невыполнение обязанностей в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций (ст. 4(1).2) и дополнительная ответственность должностных лиц за нарушение требований пожарной безопасности, если она установлена законодательством Республики Северная Осетия – Алания (ст. 4(1).3)².

Третий вид юридической ответственности в сфере обеспечения безопасности, который может быть применен в отношении образовательных организаций, – это уголовная ответственность. Преступления в сфере обеспечения безопасности, совершаемые в образовательных организациях, отличаются не только более высокой степенью общественной опасности, чем иные правонарушения, но и тем, что могут носить массовый характер и причинять ущерб здоровью обучаемых и сотрудников с тяжелыми последствиями вплоть до летального исхода. Более распространенными являются случаи, связанные с нарушением безопасных условий обучения и воспитания в образовательных организациях. Такие случаи на практике обычно квалифицируют по ч. 2 ст. 118 УК РФ («Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей»)³. В случае, когда вследствие ненадлежа-

¹ Об административных правонарушениях в Пермском крае [Электронный ресурс]: закон Пермского края от 06.04.2015 № 460-ПК (ред. от 30.08.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 09.04.2015 (дата обращения: 26.10.2021).

² Об административной ответственности за отдельные виды правонарушений [Электронный ресурс]: закон Республики Северная Осетия – Алания от 17.11.2014 № 43-РЗ (в ред. от 02.11.2020) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/> (дата обращения: 26.10.2021).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

щего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей наступает смерть, при неосторожной форме вины уголовная ответственность для руководителя и работников образовательных организаций наступает по ч. 2 ст. 109 УК РФ («Причинение смерти по неосторожности»). Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что для руководителя и работников образовательных организаций возможно привлечение к уголовной ответственности за совершение общих для системы обеспечения безопасности преступлений: по ст. 219 УК РФ («Нарушение требований пожарной безопасности, совершенное лицом, на котором лежала обязанность по их соблюдению, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека»), по ст. 236 УК РФ («Нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности массовое заболевание или отравление людей либо создавшее угрозу наступления таких последствий»), по ст. 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), по ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), по ст. 205.1 УК РФ («Содействие террористической деятельности»), по ст. 205.2 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»).

Однако в УК РФ существует еще специальная норма, позволяющая привлекать к уголовной ответственности руководителя и работников образовательных организаций в случае причинения по неосторожности вреда жизни и здоровью учащихся и воспитанников образовательных учреждений. Ст. 143 УК РФ наиболее точно отражает специфику и сущность таких общественно опасных деяний («Нарушение требований охраны труда, совершенное лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека»). Объективная сторона этого состава преступления выражается в нарушении правил техники безопасности или иных правил охраны труда, которые касаются не только производственных процессов, но и безопасных условий обучения и воспитания в образовательных организациях. Нарушение правил техники безопасности или иных правил охраны труда может выражаться в форме как действия, так и бездействия.

Исследователи уже отмечали, что в ст. 143 УК РФ отсутствует упоминание о правилах, которые обеспечивают безопасные условия обучения и воспитания в образовательных организациях, что несколько затрудняет применение специальной нормы в полном объеме, делает ее неопределенной в данной части применительно к образовательным организациям [5, с. 13]. Субъект данного преступления специальный – лицо, на котором лежат обязанности по соблюдению правил техники безопасности или иных правил охраны труда. Указанные обязанности могут вытекать из прямого указания закона, подзаконного акта, условий соглашения, коллективного или трудового договора, занимаемой должности и др. Распространение этой правовой нормы на образовательные организации можно обосновать тем, что обязанности по соблюдению правил техники безопасности или иных правил охраны труда возлагаются на всех работников образовательной организации, а не только на руководящий состав, обязанный обеспечивать соблюдение правил охраны труда. В то же время необходимо отметить, что при изменении формы вины на умышленную деяние квалифицируется по ст. 156 УК РФ («Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего»). Объективная сторона состава этого преступления выражается в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего педагогическим работником или другим работником образовательной организации, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним, которое может проявляться в насилии или угрозе насилия в отношении ребенка, оскорблении его человеческого достоинства, лишении воды и пищи, тепла, света, содержании его взаперти, в клетке, на цепи и т. д. Если жестокое обращение с несовершеннолетним повлекло причинение ему смерти или вреда его здоровью, то действия виновного в зависимости от наступивших последствий будут квалифицированы по другим статьям УК РФ (ст. 105, 109, 111–112, 115, 117–118).

Наконец, четвертый вид юридической ответственности в сфере обеспечения безопасности, к которой могут быть привлечены образовательные организации, – это гражданско-правовая ответственность. Она характеризуется такими чертами, как имущественный характер санкций, компенсационно-восстановительная функция ответственности, поскольку санкции применяются в пользу потерпевшего. В сфере обеспечения безопасности наступает гражданско-правовая ответственность за причинение вреда имуществу, жизни, здоровью гражданина и за причинение морального вреда.

Поскольку Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в п. 6 ст. 28 возлагает на образовательную организацию обязанность по обеспечению безопасных условий обучения, воспитания обучающихся, присмотра и ухода за обучающимися, а также по обеспечению безопасности работников образовательной организации, то ненадлежащее выполнение этих обязанностей является основанием для гражданско-правовой ответственности образовательной организации. При этом так же, как и для других видов ответственности, закон «Об образовании в РФ» не устанавливает конкретных мер ответственности, ссылаясь в целом на законодательство Российской Федерации.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в ст. 1064, 1068 предусматривает гражданско-правовую ответственность за причинение вреда личности или имуществу гражданина действиями юридического лица, его работниками при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей¹. Предусмотренные ГК РФ правила о возмещении вреда, причиненного противоправными действиями, имеют общий характер и, следовательно, относятся к любой организации, имеющей статус юридического лица. Поскольку образовательная деятельность имеет свои специфические особенности, следовало бы в законе «Об образовании в РФ» закрепить основной типичный перечень оснований внедоговорной гражданско-правовой ответственности образовательных организаций, возникающей вследствие ненадлежащего выполнения обязанностей в сфере обеспечения безопасности. К таким основаниям, по нашему мнению, могут быть отнесены: несоблюдение требований по защите информации образовательной организации, повлекшее причинение вреда обучающимся или ее работникам, деятельность образовательной организации, связанная с неправильной эксплуатацией источников повышенной опасности (оборудование, приборы, установки, проведение учебных занятий и т. п.), несоответствие условий образовательного процесса лицензионным требованиям. При этом в соответствии с п. 2 ст. 1064 ГК РФ следует предусмотреть в законе «Об образовании в РФ», что возмещение вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда. Обоснованность таких дополнений подкрепляется и тем, что подобные нормы уже включают некоторые другие законодательные акты Российской Федерации.

Необходимо также отметить, что образовательные организации вследствие причинения вреда обязаны возмещать обучающимся и работникам не только материальный, но и моральный ущерб. Поэтому представляется обоснованным установить в законе «Об образовании в РФ» в соответствии со ст. 151 и ст. 1100 ГК РФ основания возмещения гражданину морального вреда, причиненного действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, тем более если этот вред возник в результате противоправных, преступных или террористических действий, совершенных при несоблюдении образовательной организацией обязательных требований по обеспечению безопасности обучающихся и работников. Юридически значимое обстоятельство для наступления такой ответственности также должно быть закреплено в Федеральном законе «Об образовании в РФ»: причинение вреда должно иметь место во время образовательного процесса либо в момент нахождения обучающегося под надзором образовательной организации.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

В целом можно констатировать, что создание правовых оснований для привлечения к ответственности образовательных организаций и их должностных лиц за нарушение правил обеспечения безопасности становится всё более актуальным. Этот процесс предполагает системную работу по внесению соответствующих изменений в Федеральный закон «Об образовании в РФ», а также в некоторые другие нормативно-правовые акты на основе и с учетом новых современных реалий и опыта.

Список источников

1. Стахов А. И. Административно-юрисдикционные меры обеспечения безопасности: общее понятие, отличительные признаки, основные пути систематизации // Полицейское право. 2008. № 1. С. 21–24.
2. Сырых В. М. Введение в теорию образовательного права: моногр. М., 2002.
3. Куроў С. В. Образование и гражданское право: учеб. пособие. М., 2004.
4. Образовательное право: учеб. пособие для бакалавров / под общ. ред. Д. А. Аксеновой. М., 2016.
5. Щербинина И. В. Уголовная ответственность за нарушение правил, обеспечивающих безопасные условия обучения и воспитания в образовательных учреждениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

References

1. Stakhov A. I. Administrativno-yurisdiktionskiye mery obespecheniya bezopasnosti: ob-shchee ponyatiye, otlichitel'nye priznaki, osnovnye puti sistematizatsii [Administrative and jurisdictional security measures: general concept, distinctive features, main ways of systematization]. *Politseiskoe pravo*, 2008, no 1, pp. 21-24. (In Russ.)
2. Syrykh V. M. Vvedenie v teoriyu obrazovatel'nogo prava [Introduction to the theory of educational law]: monogr. Moscov, 2002. (In Russ.)
3. Kurov S. V. Obrazovanie i grazhdanskoe pravo [Education and civil law]: ucheb. posobie. Moscov, 2004. (In Russ.)
4. Aksenovoi D. A. Obrazovatel'noe pravo [Educational law]: ucheb. posobie dlya bakalavrov. Moscov, 2016. (In Russ.)
5. Shcherbinina I. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za narushenie pravil, obespechivayushchikh bezopasnye usloviya obucheniya i vospitaniya v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh [Criminal liability for violation of the rules ensuring safe conditions of education and upbringing in educational institutions]: Abstract of Ph. D. Thesis. Moscov, 2010. (In Russ.)

Информация об авторе

И. К. Советов – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Конституционное, муниципальное и административное право», Прикамский социальный институт.

Information about the author

I. K. Sovetov – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional, Municipal and Administrative Law, Prikamsky Social Institute.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 16.11.2021; принята к публикации 16.11.2021.

The article was submitted 01.11.2021; approved after reviewing 16.11.2021; accepted for publication 16.11.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 24–29.
 Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 24-29.

Научная статья
 УДК 340.15

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЛАСТИ КРЕПОСТНЫХ СЛУЖАЩИХ УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ВОТЧИНЫ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКИХ ВОТЧИН СТРОГАНОВЫХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)

Наталья Вениаминовна Голохвастова

Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, nata-gol@bk.ru

Аннотация. Автором рассматриваются взгляды и отношение к власти крепостных служащих уральской горнозаводской вотчины (на примере пермских вотчин Строгановых) в первой половине XIX века в контексте «политической» психологии этой социальной группы. Обращается внимание на положительную оценку крепостными служащими института власти в целом и конкретных органов, представителей власти в частности. Отмечается, что в основе этой позитивной оценки лежали легитимный и божественный характер власти. «Политическая» психология предстает неотъемлемым атрибутом самосознания крепостных служащих при всей аполитичности последних. Делается предположение о появлении в середине XIX века первоначальных признаков изменений в традиционной социальной психологии крепостных служащих, связанных с наступлением эпохи «великих реформ».

Ключевые слова: крепостные служащие, уральская горнозаводская вотчина, пермские имения Строгановых, самосознание, «политическая» психология, власть.

Для цитирования: Голохвастова Н. В. Представления о власти крепостных служащих уральской горнозаводской вотчины (на примере пермских вотчин Строгановых первой половины XIX века) // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 24–29.

Original article

CONCEPTS OF POWER OF SERFS EMPLOYEES OF THE URAL MINING ESTATE (ON THE EXAMPLE OF THE PERM ESTATES OF THE STROGANOVS THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)

Natalia V. Golokhvastova

Prikamsky Social Institut, Perm, Russia, nata-gol@bk.ru

Abstract. The author examines the views and attitudes towards the power of serfs employees of the Ural mining estates (on the example of the perm estates of the Stroganovs) in the first half of the 19th century in the context of the “political” psychology of this social group. Attention is drawn to the positive assessment by serfs employees of the institution of power in general and of specific bodies, representatives of power in particular. It is noted that this positive assessment was based on the legitimate and divine nature of power. “Political” psychology appears to be an integral attribute of the self-consciousness of serfs employees, despite all the apolitical nature of the latter. An assumption is made about the appearance in the middle of the 19th century of the initial signs of changes in the traditional social psychology of serfs employees associated with the onset of the era of “great reforms”.

Keywords: serf employees, Ural mining estate, perm estates of the Stroganovs, self-awareness, “political” psychology, power.

For citation: Golohvastova N. V. Concepts of power of serfs employees of the Ural mining estate (on the example of the perm estates of the Stroganovs the first half of the 19th century). Bulletin of Pri-kamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 24-29. (In Russ.)

В составе российского общества первой половины XIX века присутствовала особая категория крепостных людей, которая существенно отличалась по многим характеристикам от остальной массы несвободного населения страны. Официально, в масштабе страны, обозначалась лишь общая категория – «дворовые», к которой относились как домашняя прислуга помещиков, домашние мастера (столяры, плотники и т. д.), так и управляющие помещичьих заводов, секретари правлений, лесничие, крепостные художники… – в общем, все, кто не мог быть отнесен (в первую очередь – по происхождению, а также по совокупности других формальных признаков) к крестьянам или мастеровым [см., напр.: 1; 2]. Однако на Урале, в социуме горнозаводских имений, крупнейшими и достаточно типичными из которых были пермские вотчины Строгановых, эта категория получила название «крепостные служители» или «крепостные служащие» [3, с. 18]. Неслучайно в этом регионе данная категория получила другое наименование, причем не только в повседневном общении, но и в официальных документах строгановского «законодательства» [см., напр.: 4; 5] и делопроизводства¹: крепостные служащие, поскольку выполняли в сложном, межотраслевом организме горнозаводской вотчины функции, свойственные «интеллигентским профессиям» [6, с. 7], выделялись из числа строгановских зависимых людей как в социально-правовом, материально-бытовом отношениях, так и особыми культурными, социально-психологическими чертами, специфическим самосознанием, представлявшим из себя совокупность взглядов, отношений, установок, ценностных ориентаций, духовно-нравственных приоритетов и т. п., свойственных представителям именно этой социальной общности [7].

Одним из компонентов самосознания крепостных служителей были представления о власти. Эти представления являлись, очевидно, отражением важнейшего сегмента социально-правовых отношений этой группы.

Представления строгановских служащих о феномене и институтах власти, о политическом устройстве государства и общества, отношение к власти вряд ли можно назвать политическими взглядами в современном значении этого слова. Они не были оформлены в стройную систему, но факт существования отдельных элементов «политической» психологии у слоя крепостных служащих пермских вотчин Строгановых нельзя отрицать. С этими психологическими установками было вплотную связано и правовое сознание данной категории крепостного населения вотчины [8], которое являлось одной из основных составляющих их социального самосознания в целом.

Следует отметить, что большинство служащих не было непосредственно включено в политическую жизнь страны. Они, если и интересовались этой сферой, то лишь как сторонние наблюдатели, существуя почти целиком и полностью в ограниченном мире вотчины. Характерны в этом смысле строки из письма молодого Александра Теплоухова из Риги в 1831 году: «Здешние слухи о политических новостях столь несходны и вздорны, что я не только не считаю нужным писать о них, но и сам не стараюсь помнить, притом и газет не читаю»². Заметим,

¹ См., напр.: Ильинский краеведческий музей (ИКМ). Рукоп. фонд. № 1963/84; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 946, 1354, 1366 и др.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 613. Оп. 1. Д. 404. Л. 7.

это было написано крепостным секретарем графа Строганова, находившимся в то время очень близко от территории, охваченной польским восстанием, направленным на достижение независимости Польши от Российской империи. Из дневниковых записей Александра Ефимовича, относящихся к весне этого же года, следует, что он всё-таки имел собственный взгляд на происходящие события. Его взгляд ограничивался рамками официальной идеологии правящих кругов России: «Мы живем в худые времена... Бунт распространился даже до города Динабурга, что в Лифляндской губернии. Хотя все меры приняты для защиты Риги, однако же, плохо будет поживать в ней, когда (чего избави Бог) взбунтовавшиеся мужички подступят к толстым стенам ее»¹. Мы видим, что крепостной служащий озабочен лишь собственной безопасностью, которой могли угрожать восставшие. В летних записях А. Теплоухова 1831 года находим оценку «хода мятежа», где акценты расставлены более конкретно: «Залуский, Пржицевский... и другие были главными действующими лицами; возмущали помещиков, собирали крестьян, составили комитеты, разрушили законную власть и силою угроз и наказаний делали всех участниками в своих замыслах»². Таким образом, крепостной характеризует польское освободительное восстание не иначе как мятеж против законной власти. Он же, будучи еще подростком, находясь в конце 1825 года в Санкт-Петербурге, не мог не знать о восстании декабристов. Однако никаких описаний этого события мы в личном архиве А. Е. Теплоухова не находим, за исключением одной строчки в хронологических записях: «14 декабря 1825 г. Был в Петербурге *бунт*»³ (курсив источника): информация слишком краткая, чтобы сделать из нее какие-то выводы.

При этом аполитичность строгановских служащих была относительной: она исчезала тогда, когда речь шла о политических и социальных переменах, непосредственно касавшихся их судьбы. Так, из деловой переписки управления Пермского нераздельного имения Строгановых с владельцем известно, что в период, предшествовавший отмене крепостного права, внимание служащих майората было приковано к газетам, оповещавшим о подготовке «великой реформы» и ходе ее проведения в западных и северных губерниях России⁴. В произведениях уральской писательницы А. А. Кирпищиковой, дочери крепостного управителя завода (правда не Строгановых, а других крупных вотчинников- заводовладельцев Лазаревых), содержатся упоминания о том, что высшие служащие постоянно читали центральные периодические издания – «Сын Отечества», «Московские ведомости» и др. – и отнюдь не были в стороне от политической жизни страны, особенно в 50-е годы XIX века: «Только и было разговоров и толков, что о войне и политике. Споры по поводу политических соображений доходили до ссор» [9].

Очевидно, у крепостных служащих существовала своя, пусть примитивная, «концепция» законной власти, но объем источников, которые позволили бы ее представить более развернуто, невелик. Всё же в ее структуре явственно выделяется несколько составляющих. Среди документов, которыми мы располагаем, наиболее полное изложение этой «концепции» находим у сельского приказчика Строгановых Луки Мокрушина, поэтому позволим себе достаточно пространно процитировать его высказывания: «Царство российское есть царство христианское, в нем царствует благочестивейший Царь, помазанник Божий.., царь самодержавный, полный и неограниченный, – повиноваться верховной его власти не только за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает»⁵. Ясно, что царь, держащий бразды правления в государстве с божьего соизволения, стоит в иерархии власти на самой высшей ступени. Далее эта параллель развивается: «В российской державе существуют

¹ ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 22. Л. 22 об.

² ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 22. Л. 34.

³ ГАПК. Д. 21.

⁴ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 5025. Л. 28, 33–33 об.

⁵ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1470. Л. 58.

законные государственные установления, учреждения, силы и власти, они основаны в порядке применения к учреждениям и силам небесным, например: у бога на небеси есть воевода главный и начальства частные, есть и у царя земного воевода главный и начальства и Власти частные». Следовательно, вторая ступень власти в представлении служащего – это государственные учреждения и государственный аппарат. На третью ступень иерархической лестницы ставится непосредственный «хозяин» крепостного служащего – помещик: «Помещики наши есть те же Государственные особы, которые составляют и силы Государственные, и целость и благосостояние государства, повиноваться помещикам и исполнять все обязанности положено божескими и Государственными законами»¹. Как видим, помещика вотчинный служитель оценивает как прямого представителя государственной власти, а не просто как своего владельца. В качестве четвертой ступени властных структур выделяется уже управленческий аппарат вотчины, то есть сами строгановские служащие: «Помещик управляет своими людьми или лично сам, или посредством особых управляющих, приказчиков, старост и других должностей, подобно тому, как царь управляет государством посредством разных сил и учреждений. Правила и предписания Помещика и его местного управления как основанные на законах должно исполнять свято и ненарушимо, а также и беспрекословно повиноваться всем установленным от него властям и начальствам. За нарушение и неповинование власти положено наказывать виновных по всей строгости Божеских и Государственных законов»; «...всякой начальник действует не по своей воле, а исполняет обязанность свою, Богом и законом на него возложенную...»². Следовательно, в «концепции власти» крепостного служащего мы можем увидеть четкую иерархию, во главе которой стоит Царь – «помазанник божий», а внизу – местная вотчинная администрация. Другими словами, служащие осознавали себя не просто проводниками интересов владельца, но структурным элементом многоступенчатой политической системы. Причем вся эта система пронизана идеей божественного определения земной власти: параллель между небом и землей постоянна, власть небесная и земная часто упоминаются вместе, вторая освещена божественным промыслом, помыслы и действия представителей той или другой имеют одни и те же цели. Это прямолинейное включение бога в реальную жизнь является отражением прочного религиозного сознания крепостных служащих.

Монарх в политических представлениях служащего выступает как фигура высшего авторитета, «истина в последней инстанции». Так, Л. Мокрушин считает первым и главным средством «к пресечению всякой заразы и законопротивной предпримчивости людей» «глас Монарха», а затем уже только меры, предпринимаемые другими органами власти³. Тем не менее вотчинные служащие никогда не апеллировали в своих прошениях к этому «высшему авторитету»; также крайне редки в них и обращения к Богу. В более ста исследованных нами прошениях строгановских служащих фигура императора не находит никакого отражения, имя Бога упоминается лишь в одном. Все прошения обращены или к владельцу, или в главные управленческие структуры вотчин. Этот факт, на наш взгляд, говорит о том, что крепостные служащие прекрасно понимали: их жизнь реально зависит не столько от царя и бога, находящихся очень далеко (и высоко), сколько от хозяина-латифундиста и установленных им правил и «законов», которые, надо сказать, разрабатывались Строгановыми достаточно систематически на протяжении исследуемого периода, охватывали многие сферы жизнедеятельности горнозаводской вотчины и касались во многих случаях непосредственно крепостных служащих [10, с. 205–206, 210; 11, с. 160–165].

¹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1470. Л. 58.

² РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1470. Л. 58–58 об., 62 об.

³ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1470. Л. 37 об.

Таким образом, в сознании крепостного служащего уральской горнозаводской вотчины определенное место занимали политические представления, в которых вся политическая система была построена на законных основаниях. Отношение к институтам власти со стороны представителей этой категории крепостных было положительным, а к выступавшим против власти – отрицательным. Законность деятельности высшего – государственного – и низшего – вотчинного – управления никогда не подвергалась сомнению со стороны служащих: она, к тому же, подкреплялась божественным происхождением власти, принятие которого было неотъемлемым атрибутом православной веры. Отличавшиеся в основной массе аполитичностью, что в целом характеризует сознание крепостных служащих уральской горнозаводской вотчины как традиционное [12], они начинали проявлять активный интерес к политическим событиям на фоне государственных преобразований, касавшихся непосредственно их социально-правового статуса. Последнее позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что политическое сознание представителей этой социальной группы в середине XIX века начинает приобретать (пусть пока в очень незначительной степени) некоторые черты «пограничья» [13], свойственного в целом эпохе «великих реформ».

Список источников

1. Беловинский Л. В. Дворовые // Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XIX в. / под ред. Н. Ерёминой. М., 2007. С. 157–158.
2. Черкашина О. Н. Определение понятия «дворовые люди» в правовых актах и мемуарных источниках XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2012. № 19 (138). Вып. 24. С. 85–89.
3. Мухин В. В. Крепостные служащие вотчинных имений Урала в первой половине XIX века // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. Пермь, 1996. С. 18–20.
4. Правила о положении пенсий служащим и мастеровым с их семействами в Пермском имении // Пермский край. Пермь, 1895. Т. 3. С. 96–105.
5. Положение об управлении Пермским нераздельным имением, изданное в феврале 1837 года. СПб., 1839.
6. Курмачева М. Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII – начало XIX вв.). М., 1983.
7. Голохвастова Н. В. Крепостные служащие в системе управления уральского горнозаводского имения в конце XVIII – первой половине XIX вв. (на примере пермских вотчин Строгановых). Пермь, 2004.
8. Голохвастова Н. В. Правовое сознание крепостных служащих уральского горнозаводского имения в первой половине XIX века (на примере пермских вотчин Строгановых) // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты. 2015. № 1. С. 43–47.
9. Кирпицникова А. А. Из записок управительской дочери // Как жили в Куморе. Пермь, 1987. С. 173–271.
10. Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Н. Тагил, 2004.
11. Мезенина Т. Г. Пермские владения Строгановых в XVIII – первой половине XIX в.: особенности пространственной и социально-экономической организации. Н. Тагил, 2011.
12. Вальдман И. А. Традиционное общественное сознание и социальная коммуникация // Идеи и идеалы. 2014. № 4 (22). Т. 1. С. 123–129.
13. Тлостанова М. В. Исследования пограничья vs пограничное (со)знание, мышление, творчество // Вопросы социальной теории. 2012. Т. VI. С. 63–80.

References

1. Belovinskii L. V. Dvorovye [Yard]. *Illyustrirovannyi entsiklopedicheskii istoriko-bytovoi slovar' russkogo naroda. XVIII - nachalo XIX v.*, Moscov, 2007, pp. 157-158. (In Russ.)

2. Cherkashina O. N. Opredelenie ponyatiya «dvorovye lyudi» v pravovykh aktakh i memuarnykh istochnikakh XIX v. [Definition of the concept of "courtyard people" in legal acts and memoir sources of the XIX century.] *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorya. Politologiya*, 2012, no. 19(138), iss. 24, pp. 85-89. (In Russ.)
3. Mukhin V. V. Krepostnye sluzhashchie votchinnikh imenii Urala v pervoi polovine XIX veka [Serf servants of the patrimonial estates of the Urals in the first half of the 19th century]. *Obshchestvennaya i kul'turnaya zhizn' dorevolyutsionnogo Urala*, Perm, 1996, pp. 18-20. (In Russ.)
4. Pravila o polozenii pensii sluzhashchim i masterovym s ikh semeistvami v Permskom imenii [Rules on the status of pensions for employees and artisans with their families in the Perm name]. *Permskii krai*, Perm, 1895, vol. 3, pp. 96-105. (In Russ.)
5. Polozenie ob upravlenii Permskim nerazdel'nym imeniem, izdanoe v fevrale 1837 goda [Regulations on the management of the Perm undivided estate, published in February 1837]. Saint Petersburg, 1839. (In Russ.)
6. Kurmacheva M. D. Krepostnaya intelligentsiya Rossii (vtoraya polovina XVIII - nachalo XIX vv.) [Serf intelligentsia of Russia (second half of the 18th-early 19th centuries)]. Moscow, 1983. (In Russ.)
7. Golokhvastova N. V. Krepostnye sluzhashchie v sisteme upravleniya ural'skogo gornozavodskogo imeniya v kontse XVIII - pervoi polovine XIX vv. (na primere permskikh votchin Stroganovykh) [Serf servants in the management system of the Ural mining and refinery estate at the end of the 18th - first half of the 19th centuries. (on the example of the Perm estates of the Stroganovs)]. Perm, 2004. (In Russ.)
8. Golokhvastova N. V. Pravovoe soznanie krepostnykh sluzhashchikh ural'skogo gornozavodskogo imeniya v pervoi polovine XIX veka (na primere permskikh votchin Stroganovykh) [Legal consciousness of serfs of the Ural mining and refinery estate in the first half of the 19th century (on the example of the Perm estates of the Stroganovs)]. *Aktual'nye teoreticheskie i prakticheskie voprosy razvitiya yuridicheskoi nauki: obshchegosudarstvennyi i regional'nyi aspekty*, 2015, no. 1, pp. 43-47. (In Russ.)
9. Kirpishchikova A. A. Iz zapisok upraviteľ'skoi docheri [From the notes of the steward's daughter]. *Kak zhili v Kumore*. Perm, 1987, pp. 173-271. (In Russ.)
10. Neklyudov E. G. Ural'skie zavodchiki v pervoi polovine XIX veka: vladel'tsy i vladeniya [Ural breeders in the first half of the 19th century: owners and estates]. Nizhny Tagil, 2004. (In Russ.)
11. Mezenina T. G. Permskie vladeniya Stroganovykh v XVIII-pervoi polovine XIX v.: osobennosti prostranstvennoi i sotsial'no-ekonomicheskoi organizatsii [Perm possessions of the Stroganovs in the 18th - first half of the 19th centuries: features of spatial and socio-economic organization]. Nizhny Tagil, 2011. (In Russ.)
12. Val'dman I. A. Traditsionnoe obshchestvennoe soznanie i sotsial'naya kommunikatsiya [Traditional public consciousness and social communication]. *Idei i ideally*, 2014, no. 4(22), vol. 1, pp. 123-129. (In Russ.)
13. Tlostanova M. V. Issledovaniya pogranich'ya vs pogranichnoe (so)znanie, myshlenie, tvorchestvo [Borderline research vs borderline (co) knowledge, thinking, creativity]. *Voprosy sotsial'noi teorii*, 2012, vol. VI, pp. 63-80. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. В. Голоквастова – кандидат исторических наук,
заведующая кафедрой «Теория и история государства и права»,
Прикамский социальный институт.

Information about the authors

N. V. Golokhvastova – Candidate of Historical Sciences,
Head of the Department of Theory and History of State and Law,
Prikamsky Social Institut.

Статья поступила в редакцию 10.11.2021; одобрена после рецензирования 24.11.2021; принята к публикации 24.11.2021.

The article was submitted 10.11.2021; approved after reviewing 24.11.2021; accepted for publication 24.11.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 30–40.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 30-40.

Научная статья
УДК 340.15

БОРЬБА ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ С СУЕВЕРИЯМИ В РОССИИ В XVI–XVII ВЕКАХ

Василий Леонидович Ефимовских

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, efim-anv@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается совместная борьба церкви и государства с таким видом религиозных преступлений, как суеверия. До XVI века преследование суеверий относилось к компетенции церкви. Централизация страны потребовала установления жесткого контроля за религиозно-нравственным состоянием подданных и со стороны государства. Стоглавый собор 1551 года стал отправной точкой вовлечения государственной власти в активное преследование суеверий. На основе анализа церковного и светского законодательства второй половины XVI–XVII веков автор приходит к следующим выводам. Во-первых, с этого периода идет процесс постепенного перевода многих суеверий в компетенцию светского суда. Во-вторых, происходит изменение концепции наказаний за данные действия в сторону репрессивности. Как следствие, наблюдается применение смертной казни и иных уголовных кар, опирающихся на принципы устрашения и целесообразности. В-третьих, происходит сдвиг в сторону физических наказаний в церковных судах, что затрагивает сакральные основы церковных санкций, ранее ориентированных на духовное исправление виновных.

Ключевые слова: государство, церковь, суеверия, церковное право, светское законодательство, светские санкции, церковные наказания.

Для цитирования: Ефимовских В. Л. Борьба государства и церкви с суевериями в России в XVI–XVII веках // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 30–40.

Original article

STRUGGLE OF THE CHURCH AND THE STATE AGAINST SUPERSTITIONS IN RUSSIA IN THE XVI-XVII CENTURIES

Vasily L. Efimovskikh

Perm State University, Perm, Russia, efim-anv@yandex.ru

Abstract. The joint struggle of the Church and the State against such a religious crime as superstitions is studied in the article. Until the XVI century the persecution of superstitions fell within the competence of the Church. The centralization of the country also required the State to establish control over a religious moral state of the subjects. The Stoglavy Synod of 1551 became the starting point of the state power involvement into an active persecution of superstitions. On the basis of the church and secular legislation of the second half of the XVI and XVII centuries analysis the author draws the following conclusions. Firstly, since this period the process of a gradual transition of many superstitions to the competence of the secular court goes. Secondly, the concept of punishment for these acts changes towards repressiveness. Consequently, the death penalty application and other kinds of penalties based on the principles of frightening and expediency are observed. Thirdly, the shift to corporal punishments in ecclesiastical courts happens, this affects the sacral basics of church sanctions that were oriented towards a spiritual correction before.

Keywords: the State, the Church, superstitions, church right, secular legislation, secular sanctions, church punishments.

For citation: Efimovskikh V. L. Struggle of the church and the state against superstitions in Russia in the XVI-XVII centuries. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 30-40. (In Russ.)

Более пяти столетий, прошедших со времени крещения Руси, не привели к полному исчезновению традиционных магических практик, уходящих своими корнями в языческое прошлое. С точки зрения церкви, это было проявлением языческого суеверия и нетвердого стояния христиан в своей вере, то есть религиозным преступлением. Именно поэтому церковь вела против суеверий неустанную борьбу. Основными средствами в этой борьбе были увещевания и епитимии. Епитимии, которые являлись основным церковным наказанием, состояли в лишении нарушителя канонов некоторых церковных прав и благ на определенный срок и представляли собой покаяние, а также усиленный пост, земные поклоны и благотворительность. Отметим, что особенность церковных наказаний заключалась в том, что их главной целью являлось не возмездие, а врачевание болезненных состояний души самих грешников. Покаяние так и именуется в канонах – «врачевание» [1, ч. 1, с. 978, 1072, 1257, 1284, 1312].

Долгое время обращение церкви за помощью к светской власти в борьбе с суевериями носило эпизодический характер, но с начала XVI века ситуация начинает постепенно меняться. Всё чаще она избирает объектом своего воздействия светскую власть. Надо отметить, что подобные обращения падали на благоприятную почву. Государственная централизация, ставшая основным фактом истории этого периода, привела к появлению новой политической теории «Москва – третий Рим». Согласно этой теории, разработанной старцем Псковского Елеазарова монастыря Филофеем [2, с. 26–35, 49–50, 57–66], Москва становится «богохранимым преименитым царствующим градом… благочестием цветущим». Это означало, что и государство становится ответственным за духовно-нравственное состояние своих подданных. Как следствие, появление нового дискурса в уголовной политике государства – участие в преследовании суеверий, а его первым проявлением становятся решения Стоглавого собора 1551 года.

Этот собор коснулся разных суеверий того времени. Все эти преступления, с точки зрения догматического православия, перечисленные в разных главах, могут быть разделены на три разряда. К первому разряду Стоглав отнес те суеверия, преследование которых оставалось прерогативой исключительно церкви. Ко второму – суеверия, преследование которых осуществлялось духовной и светской властями совместно. В третий разряд были включены те, борьба с которыми должна была осуществляться только светской властью.

В первый разряд попали обычай, уходящие корнями в языческое прошлое: «бесчинные обычай» на свадьбах и поминках; «бесовские» обычай в Великий четверг, русальную субботу, на Иванов день, Рождество, Пасху и Радуницу.

Православная церковь всегда заботилась о чистоте христианского брака. С самого начала признания христианства государственной религией митрополиты и епископы убеждали паству в необходимости венчания и порицали внецерковные браки. Тем не менее даже в XVI веке внецерковные браки не были редкостью. Об этом свидетельствуют Покаянные книги, или сборники исповедных вопросов и поновлений данного периода, в которых с завидным постоянством повторяется вопрос: «Венчалася ль еси с мужем своим» [3, с. 160, 164, 169]. Чудовский список Слова св. Григория XVI века сообщает, что русские люди «водят невесту на воду даюче замуж, и чашу пиют бесом, и кольца мечут в воду и поясы» [4, т. 2, с. 35]. Сакральный характер этого языческого обряда состоял в том, что вода считалась соединяющей и оплодотворяющей стихией, а пояса и кольца являлись символическим скреплением отношений молодых. Четкого размера епитимий Покаянные книги не содержат, предоставляя священнику самостоятельно устанавливать их размер в зависимости от того, сочетался этот обычай с христианской традицией или нет.

Осуждению со стороны Стоглавого собора подверглось приглашение на свадьбы скоморохов, «бесовские песни и пляски» и особенно переодевание в одежду лиц противоположного пола, что рассматривалось как «еллинство и еретичество, приемлемое только для поганых нехристей» [5, с. 309]. До Стоглава Покаянные книги за подобные песни и пляски устанавливали епитимью на срок 40 дней и поклоны по 80 на дню [3, с. 281]. Более строгим было наказание за переодевание на играх. «Грех если мужем в женском портиши ходити игрою, или женам в мужском. 7 недель и поклонов 150 на дню» [3, с. 283].

Не могло пройти мимо внимания Стоглавого собора смешение христианских обрядов с языческими при погребении и поминках. «В троицкую субботу по селам по погостам сходятся мужи и жены и плачутся по гробам с великим кричаньем. И егда начнут играть скоморохи гудци и перегудницы, они же плача преставшее, начнут скакати и плясати и в долони бити и песни сотонинские пети». Языческая составляющая поминания предков проявлялась так же в палении соломы и кликании мертвых в Великий четверг [5, с. 309, 310]. С точки зрения христианства Великий (Страстной) четверг является днем, предшествующим распятию и смерти спасителя. Этот день отмечал перелом в ходе Великого поста, так как смерть Христа означала его скорое воскресение, к которому следовало подготовиться, очистившись от следов смерти. Поэтому люди тщательно всё перемывали, мылись и топили бани для покойных. Таким образом, как отмечала Е. Б. Грузнова, «христианская подготовка к празднованию Пасхи подвергалась переосмыслению в свете языческого восприятия окружающего мира» [6, с. 148]. Церковь осуждала нарочитую и чрезмерную демонстрацию скорби по умершим, так как это вступало в противоречие с христианским учением, воспринимавшим смерть как конец земных страданий. В требниках XV – первой половины XVI века прямо указывалось: «Дравши по мертвем или волос рвавши, или порты терзавши – 12 дней поста и 60 поклонов на дню.» [3, с. 281]. Подобное приспособление языческих практик к христианскому культу было объявлено Собором «прелестью елленской» и «хулой еретической».

Выступая против игр, плясок и глумодейства, сопровождающих народные празднества, церковные иерархи усматривали в них нетвердое стояние христиан в своей вере, близкое к идолопоклонству. В качестве обоснования для запрета они использовали постановление Номоканона и, прежде всего, правила шестого (Трульского) вселенского Собора в составе Сводной Кормчей [1, ч. 1, с. 371–372]. За приверженность к «игрищам еллинского беснования» Собор установил отлучение на три года, которое могло быть сокращено для искренне раскаявшихся [5, с. 369].

Что же касается светской власти, то она длительное время оставалась в стороне от преследования этих суеверий. Только с началом царствования Алексея Михайловича инициатива в преследовании начинает исходить и от государства. В 1648 году был принят царский указ, направленный против игр и увеселений, который в форме грамот был направлен воеводам в Белгород, Шую, Дмитров, Тобольск, Верхотурье и ряд других мест. В этих грамотах содержался запрет на игры, пляски и прочие «глумодейства», сопровождающие народные празднества [7, с. 296–297]. Всё это царский указ запрещал под угрозой наказания за ослушание. За первое и второе нарушение следовало наказание батогами, «а не отстанут и объяятся в такой вине втретыи и вчетвертыи», то тех ослушников следовало «ссыпать в украиные города за опалу» [8, т. 4, № 35, с. 124–126].

С появлением царского указа 1648 года можно с полной определенностью говорить и о реализации запрета на музыкальные народные инструменты, которые были обязательным атрибутом всех народных празднеств и увеселений. Таким образом, то, чего добивался Стоглав, свершилось. Царские воеводы, выполняя волю Алексея Михайловича, сообщали об изъятии и уничтожении всех найденных инструментов: гуслей, смычков, сопелей и т. п. Известно, что только в Москве их было сожжено пять возов [4, т. 1, с. 348–349].

Ко второму разряду суеверий, в борьбе с которыми Стоглавый собор призвал объединить усилия церкви и государства, были отнесены: обращение к волхвам и чародеям пе-

ред судебным поединком; еретические мудрости, «коими мир смущают и от Бога отлучают»; эллинские обычаи призываия волхвов; плескания и пляски над бочками; призываия духов, веру в получаи (приметы), гадания и т. п.

Церковь всегда выступала против ордaliaj, так как судебные поединки противоречили христианским нормам. Однако долгое время церковные иерархи ограничивались лишь предписаниями отказывать в святом причастии бившимся на поле [9, с. 99]. В то же время использование в судебных поединках магических средств, претендующих на возможность влиять на исход дела, подвергало сомнению основы не только «небесной», но и «земной правды», то есть средневекового русского права. Поэтому в XVI веке формируется новый состав колдовства – колдовство во время суда. Его появление связано со Стоглавым собором 1551 года. Как отмечал Стоглав, многие судящиеся «поклепав крест целуют или образы святых и на поле боятся и кровь проливают, и в те поры волхвы и чародейники от бесовских научений пособие им творят; кудесы бывают и во аристотелевы врата, рафли смотрят и по звездам и планитам глядают и смотрят дней и часов. И теми дьявольскими действиями мир прельшают и от бога отлучают, и на те чарование надеяся поклепца и ябедник не мирится и крест целует и на поле боятся и, поклепав убивают» [5, с. 307]. Из приведенного текста видно, что участники собора объединяли в один состав два разных действия: ложное крестоцелование (присягу) и колдовство. Следует отметить, что такое объединение не было произвольным или случайным. Процедура выяснения истины посредством судебного поединка сторон исходила из идеи вмешательства всеведущего божества, которое принимает сторону правого и карает виноватого. Крестоцелование в этом случае и служит обращением к высшим силам, показывает чистоту помыслов участников судебного поединка. В сочетании с обращением к нечистой силе ложное крестоцелование разрушало религиозно-нравственную основу судебного поединка и порождало новый состав преступления против религии.

В рассмотрении этого вопроса была заинтересована и светская власть. Ответственность за лжеприсягу ранее носила исключительно религиозный характер и предполагала отлучение от причастия на срок от одного года до двух лет и пост от двух до шести лет [10, с. 922; 3, с. 150]. В то же время ни Судебник 1497 года, ни Судебник 1550 года не содержали норм, устанавливающих ответственность за лжеприсягу. Между тем данное действие следовало рассматривать как преступление против правосудия.

Следуя решению Стоглава, светская власть в 1552 году опубликовала специальное узаконение, которое запрещало участникам судебных поединков к «чародеям и волхвам и к звездочетам ходить и к полям чародеев приводити». А если «виновные в том обличены будут достойными свидетелями», то быть им «от Царя и Великого князя в великой опале по градским законам, а от святителей им же быти в духовном запрещении по священным правилам» [8, т. I, № 154, с. 252].

Вполне вероятно, что именно стремление устранить саму возможность обращения к нечистой силе привело Ивана IV к постепенному ограничению судебных поединков. Как отмечал Б. А. Романов, это нашло отражение в приговоре царя «со всеми бояры» от 21 августа 1556 года, запрещавшем присуждать поле при разноречиях послухов [11, с. 207–209]. Рядом последующих актов поле стало заменяться принесением присяги по жребию.

Однако Покаянные книги, или сборники исповедных вопросов и поновлений первой половины XVII века, по-прежнему содержали упоминание о греховности поля [12, с. 422, 437, 473]. По всей видимости, русское общество не только второй половины XVI, но и начала XVII века было еще не готово к коренному изменению понимания истины в праве. Как подметил А. Я. Гуревич, в средневековом обществе «клятвам, ритуалам, ордалиям и поединкам больше верили, чем каким-либо вещественным доказательствам и уликам» [13, с. 159]. Судебный поединок исчезает из судебного процесса лишь ко второй четверти XVII столетия [14, с. 240].

Поднимая вопрос о колдовстве и обращаясь к царю с просьбой издания царской заповеди, Стоглавый собор признавал бессилие церкви в борьбе с этим суеверием. Меры увещевания, к которым прибегали священнослужители, не могли искоренить веру в колдунов, предсказателей, создателей амулетов. Стремление людей раскрыть и познать неведомое приводило их к увлечению книгами, содержащими, наряду со сведениями о магии и оккультизме, алхимии и астрологии, отрывки научных знаний. Все эти книги считались «отреченными», то есть подлежащими запрещению. Их перечень появился на Руси в конце XV века. Это означало появление нового деяния, связанного с колдовством, но уточнил и разработал данный состав преступления только Стоглавый собор. «Рафли, шестокрыл, воронограй, остромий, зодей, алманах, звездочеты, аристотель, аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретические и коби бесовские, которые прелести от бога отлучают» подвергались духовному запрещению [5, с. 309]. Это означало, что отныне хранение, распространение и использование указанных книг становилось преступным. Субъектом преступления могли быть не только миряне, но и священнослужители. Не случайно в вопросных статьях русских уставов исповеди XVI–XVII веков всегда присутствует вопрос инокам: «В священническом образе и во иноческом, еже нам бог на спасение дал … звездочтении, ни иных еллинских и еретических сложений почитал и веровал…» [3, с. 178, 227].

Признавая деятельность таких людей за чародейство и чернокнижье, Собор постановил: «Быти от благочестивого царя в великой опале, а от святителей по священным правилом в конец во отлучении» [5, с. 309]. Таким образом, церковь, сохраняя за собой назначение церковного наказания, передавала как розыск данных преступников государству, так и возможность применения к ним светских наказаний, выбор которых предоставлялся на усмотрение монарха.

Совместному преследованию по Стоглаву должно было подвергнуться обращение к чародеям, кудесникам, волхвам и зелинникам для «бесовских врачеваний», по выражению Домостроя [15, с. 15], и использование колдовства во вред другим. В церковных памятниках XIV–XVI веков можно обнаружить указания на разграничение наказания в отношении лиц, прибегающих к посредничеству народных целителей и использующих колдовство во вред другим. На лиц, «деяв чаръ какие любо в питьи, или в яденыи», «дети губяче и потворы деюче», налагалась пятiletняя епитимья. В то же время лица, обращающиеся к волхвам по своему малодушию и по вере в благотворную силу их заклинаний, наказываются мягче. «К волхвам ходив вопрошать или в дом вводив», «пивши зелье плода для» подвергались епитимии сроком на 3 года [3, с. 150, 160, 276, 282].

Важным следствием решений Стоглава становится установление двойственной подсудности дел о колдовстве. В том случае, если колдуны не совершали деяний, наносящих вред иным лицам, они попадали под юрисдикцию церковных судов. Последние уже не ограничивались одними церковными наказаниями, а применяли и административно-полицейские, что означало конфискацию имущества, применение телесных наказаний и выдворение за пределы церковных владений [16, т. I, № 244, с. 267]. В отношении тех, чьи действия были направлены на нанесение вреда, устанавливалась светская подсудность. Об этом свидетельствует большинство источников, в которых отражены дела о колдовстве [8, т. 2, № 66, с. 82–83].

Следующим шагом к постепенному выводу колдовства из сферы церковного законодательства и подсудности стали крестоцеловальные записи Бориса Годунова, Василия Шуйского, Лжедмитрия и Михаила Романова. Пришедшие к власти после пресечения династии Рюриковичей с помощью дворцовых интриг, заговоров и даже насильтственного захвата власти, они стремились оградить себя и членов семьи от любых посягательств, в том числе и с помощью колдовства, страхом перед богом за нарушение присяги [16, т. 2, № 10, с. 58; № 38, с. 93–95; № 44, с. 101–103].

Как отмечал А. А. Левенстим, эта присяга выводила дела о покушении против личности царя и членов его семьи из ведения духовного суда и обращала их к общему сыскному порядку [17, с. 319]. Соглашаясь с этой точкой зрения, добавим, что крестоцеловальная запись создавала нормативную основу, не только закрепляющую дела о таком колдовстве за светским судом, но и переводившую эти деяния в разряд государственных преступлений. Об этом свидетельствуют все известные дела о колдовстве первой половины XVII века, так или иначе связанные с посягательством на членов царской семьи [18, с. 419–423, 423–432, 435–447; 16, т. 4, № 18, с. 31].

Не менее сложным представляется вопрос о наказании за данный вид преступления. Идея светского наказания за религиозные преступления стала внедряться в сознание общества с XIV столетия. Стоглавый собор своим определением о применении к преступникам санкций по усмотрению царя окончательно перевел эту идею в плоскость материальной практики. Последствия этого перевода не замедлили сказаться на спектре наказаний. Штрафы, телесные наказания, тюремное заключение стали обычным явлением. Смертная казнь, хотя и была возможной, но первоначально применялась не так часто, поскольку идея душевного исправления еще оставалась не чуждой государству. Исключением являлись казни Ивана Грозного, который в 1575 году сжег 15 новгородских колдуний, несколько колдунов были сожжены и по указу Федора Иоанновича [19, с. 428; 20, с. 39].

Соборное уложение 1649 года не внесло ясность в вопрос о наказаниях. Статья 1 гл. II устанавливала смертную казнь лишь тем, «кто каким умыщлением учнет мыслить на государское здоровье злое дело». Только в 1653 году светское законодательство пополнилось указом царя Алексея Михайловича «О запрещении колдовства и хранении отреченных книг и заговоров», который устанавливал для виновных «казнь без пощады». Но уже при составлении грамот для рассылки на места произошла конкретизация санкций – «в срубах зъжечь безо всякие пощады, и дома разорить до основания» [21, с. 88–91].

Следующим светским законом второй половины XVII века, в котором идет речь о колдовстве, стал указ царя Феодора Алексеевича 1682 года об учреждении Московской Славяно-греко-латинской академии. В нём подтверждалось применение смертной казни через сожжение за обучение магии, ее использование, а также хранение «богохульных и богоненавистных книг» [17, с. 320–321]. Таким образом, данный указ заложил основу для окончательного перевода данного деяния в сферу светского законодательства. Не меньшим суеверием церковь признавала веру, позволяющую толковать о будущем: «в устрячу и ворожею», «и в чех и в полаз, или в сон», «или в птичей граи» [3, с. 160, 161, 167]. К прицаемым вариантам Максим Грек добавлял также гадание с помощью ячменя, муки, бобов, по линиям на ладони [22, с. 98]. С точки зрения церкви это противоречило христианскому учению и могло привести человека к духовному падению. В качестве наказания за ворожбу требник XV века устанавливал шестинедельную епитимью, а XVI века уже восьминедельную епитимью и по 150 поклонов на дню. «Вирошли стричи 6 дней и 150 поклонов на дню». Эти суеверия были настолько распространеными, что даже в поновлении инокам XVII века встречаем: «Согреших... веря в сон, и в птичий грай, и встречу, и в чех, в полаз» [3, с. 161, 162, 216, 280]. Однако уже в конце XVII века гадание, вера в приметы и толкование снов наказывались двухлетней епитимьей» [3, с. 288]. Всё это указывает на то, что церковь пыталась бороться с этими суевериями путем ужесточения церковных санкций. Тем не менее для простых людей, находившихся в постоянном, интенсивном взаимодействии и единстве с природой, существовало «особое понимание причинности, противоречившее, учению о всемогуществе божьем», что и обеспечивало живучесть этих суеверий [13, с. 344]. Не были чужды такому мировоззрению и представители знати.

К третьему разряду суеверий, с которыми должно было бороться государство, Стоглав отнес азартные игры, скоморошество и лжепророчество. В главе 92 «Ответ о игрицах елинского беснования» создатели Стоглава плавно перешли от запрета «плясаний» и «игрищ», консолидирующих массу, к запрету таких малоколлективных игр, как шахматы,

шашки, кости, о которых в правилах Трулльского собора ничего не говорилось. Этот, на первый взгляд, не совсем понятный запрет имел русские корни. В первую очередь он был связан с правилами новгородского архиепископа Ильи-Иоанна (1165–1186 годы), призывающего духовенство унимать детей своих духовных от игры в кости. Но и по прошествии нескольких столетий ситуация не изменилась. Уставная грамота Соловецкого монастыря 1548 года предписывала крестьян, уличенных в игре в кости и зернь, штрафовать в пользу монастыря по полтине с каждого и выбивать из волости вон [16, т. 1, № 221, с. 211]. Приверженностью к играм отличались не только миряне, но и представители духовенства. В поновлении инокам читаем: «Согреших... на игрицах позоров смотрех, и скоморохов, шахматы, и зернью и тавлеи играх и лекы и иными многими играми играх» [3, с. 217]. Известно, что Иван Грозный, как и многие представители знати, увлекался игрой в шахматы и тавлеи (шашки), не считая это большим грехом. Что же касается зерни и лек (игры на деньги в кости), то светская власть не считала преследование этих деяний своей первоочередной задачей и, по всей видимости, переложила ее решение на церковь. Только в период правления Алексея Михайловича мы встречаем упоминание о применении телесных наказаний к любителям игры в кости и зернь со стороны государства [8, т. 4, № 35, с. 126].

К суевериям, преследование которых было возложено на государство, было отнесено и скоморошество. Этим решением церковная власть признавала, что она самостоятельно не может справиться с этим проявлением культурных практик, имеющих языческие корни. Отрицательное отношение церкви к скоморохам имело несколько причин. Считая себя наследницей и продолжательницей христианских традиций византийского православия, Русская церковь унаследовала от последнего и неприятие светских развлечений и различного рода лицедейства [4, т. 1, с. 316]. Поэтому духовенство резко выступало против песен, плясок и представлений скоморохов, которые обычно сопровождали народные гуляния, свадьбы и праздники, видя в них проявление языческих традиций. Кроме того, по мнению церковных иерархов, грубые и циничные представления скоморохов подрывали нравственность христиан [23, с. 559–566].

Не менее важную роль в отрицательном отношении к скоморошеству играло и то обстоятельство, что в представлениях и песнях скоморохов высмеивались священнослужители и монахи, чья жизнь, наполненная вполне мирскими страстишками, соблазнами и даже пороками, была лишена даже подобия благообразия [24, с. 176–178, 199–201, 221–222].

Следует отметить, что в ходе работы Стоглавого собора духовенство не стало акцентировать внимание на этих причинах, а обратило внимание на такие действия скоморохов, которые, с точки зрения светских властей, могли считаться преступными: «Ходят скоморохи совокупяся ватагами многими до штидесяти и до семидесяти и до ста человек и по деревням у крестьян сильно ядят и пиют и из клетей животы грабят, а по дорогам разбивают» [5, с. 308]. Однако предложение духовенства «учинить царскую заповедь» в отношении скоморошества не было воплощено ни в решениях Стоглава, ни в царских указах второй половины XVI века.

Кардинальное изменение ситуации в отношении к скоморошеству происходит с конца сороковых годов XVII века. Издание царских указов, направленных против игр и увеселений, имело самое непосредственное отношение к скоморошеству. Основываясь на этих указах, церковная власть издает строгие постановления против скоморошества. Сохранился указ митрополита Ростовского Ионы в Великий Устюг от 21 октября 1658 г., по которому скоморохи и медвежьи подводчики подлежат наказанию без пощады и отлучению от церкви [16, т. 4, № 98, с. 121].

Применение полицейско-административных мер к скоморохам существенно подорвало скоморошество – это уникальное и самобытное явление русской народной культуры. Еще более усугубил упадок скоморошества раскол русской церкви. Оказавшись между официальной идеологией и аскетизмом старообрядцев, оно лишилось своей массовой среды и было обречено на прозябание.

К суевериям, которые должны были преследоваться государством, Стоглав отнес лжепророчество. «Да по погостами по селам и по волостем ходят лживые пророки-мужики и женки, и девки, и старые бабы, наги и босы, и волосы отрастив и распустя, трясутся и убиваются. А сказывают, что им являются святая пятница и святая Анастасия и велит им заповедовать хрестьянам каноны завечивать. Они же заповедуют хрестьянам в среду и в пятницу ручного дела не делать, и женам не прядти, и платья не мыти, и каменя не разжигати и иные заповедуют богомерзкие дела творити кроме божественных писаний» [5, с. 308]. По мнению Е. Б. Гузновой, появление в народной среде лиц, предлагавших собственное толкование культа святых и церковных заповедей, было связано с тем, что к XVI столетию православное учение тесно переплелось с пластом архаических представлений о мире и языческих верований [6, с. 269].

Отметим, что запрет работ по средам и пятницам не имел ничего общего с христианской практикой и, тем более, не был связан с православными святыми – Параскевы-Пятницы и Анастасии. Более того, этот запрет базировался на апокрифической литературе и на более древних представлениях о злых и добрых днях. Что касается внешнего вида, то с одной стороны он продолжал какие-то давние традиции и соответствовал сложившемуся в народе образу объявлявших свою волю угодников Божьих (юродивых-блаженных), а с другой – демонстрировал неблагополучие народа, нарушившего табу на работы в определенные дни. Всё это, как и бродячий образ жизни, способствовало росту популярности «прелестников» и рядов их последователей. Тех, кто принимал бродячий люд, церковь могла выявлять через исповедь и соответственно применять церковные санкции. Об этом свидетельствует статья 62 и примечания к ней требника Троицко-Сергиевой лавры XVI века, устанавливающие 40 дней епитимьи [3, с. 278]. Между тем подвижный образ жизни «ложных пророков» не мог контролироваться церковью, что и заставляло ее обращаться за помощью к государству. Однако Стоглав не установил конкретные санкции, которые следует применять государству по отношению к лжепророкам. Тем не менее это не означало самоустраниние государства от решения данной проблемы, поскольку подобные прорицатели в XVII веке исчезли с православной сцены. Конечно, государство не руководствовалось нормами Ветхого Завета: «Пророка, который дерзнет говорить Моим именем то, чего Я не повелел ему говорить, и который будет говорить именем богов иных, такого пророка предайте смерти» (Второзаконие 18:20) [25, с. 211]. Однако оно могло опираться на 60 правило Шестого всеяленского собора, которое устанавливало: «...лицемерно беснующихся ... наказывать всяkim образом, и подвергати их такими же суворостями и трудам, каковыми подлинно беснуемые, ради освобождения от демонского действия праведно подвергаются». В толковании к этому правилу Славянская кормчая предлагала на лицемерно беснующихся «лютое и жестокое пребывание наложить, и труд и пост» [1, ч. 1, с. 389–391]. В связи с отсутствием документальных свидетельств мы не можем с полной уверенностью утверждать, что государство подвергало лжепророков задержанию и тюремному заключению. Но вполне возможно, что государство могло осуществлять задержание таких лиц для последующей передачи церкви. Тем более что со второй половины XVI века церковные наказания пополняются монастырским заключением [27, с. 270]. Первоначально это заключение было проникнуто идеей изменения духовного облика заключенного, которое достигалось с помощью всей тех же епитимий под руководством опытных монастырских старцев [8, т. 1, № 35, с. 36–38]. Но уже с конца XVI века заключение в монастырь выливалось в новую форму, которую исследователи канонического права называли «грубым монастырским смирением» [27, с. 218]. Этот вид церковного наказания выражался в том, что виновного заковывали в железо, заставляли выполнять всякую монастырскую черную работу, били батогами. Таким образом, целью наказания становится не столько исправление духовного облика заключенного, сколько изоляция и телесные кары. Как показала практика, эта форма наказания оказалась наиболее

удобной для религиозных преступлений. По необходимости она могла как превращаться в чисто церковное наказание, так и становиться тюремным заключением или местом ссылки, дополняемым телесными наказаниями.

Итак, централизация страны привела к появлению тенденции по установлению со стороны государства жесткого контроля за религиозно-нравственным состоянием подданных. Вследствие этого бытовые воззрения народа, уходящие своими корнями в языческое прошлое, стали формой инакомыслия, охваченной понятием «суеверие». Отправной точкой в борьбе с различными видами суеверий, которые с позиции догматического православия являлись религиозными преступлениями, стали решения Стоглавого собора. С этого времени не только церковная, но и государственная власть начала вводить эти преступления в сферу своей компетенции. В XVII веке это привело к переводу многих суеверий из компетенции церковного суда в сферу светского. С этого же периода стала меняться концепция светских наказаний, которая по отношению к личности ранее базировалась на христианской идеологии. Как следствие, наблюдается применение смертной казни за колдовство, с помощью которого «богоненавистные делеса творят», и также иные уголовные кары, опирающиеся на принципы устрашения и целесообразности. Сдвиг в сторону физических наказаний происходит и в церковных судах, что затрагивает сакральные основы церковных санкций. Тем не менее, несмотря на ужесточение политики в преследовании суеверий, особенности народной религиозности предопределяли отношение населения ко многим из них как к проверенной предшествующими поколениями и необходимой магической практике в различных сферах жизнедеятельности.

Список источников

1. Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. Ч. 1–2. Репринт. Изд. Тутаев: Православное братство Бориса и Глеба, 2001.
2. Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.
3. Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви: в 3 т. Т. 3. Приложения. Одесса, 1894.
4. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: в 2 т. Т. 1. Харьков, 1916. М., 1913.
5. Стоглав // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления централизованного государства. М.: Юрид. лит-ра, 1985.
6. Грузнова Е. Б. На распутье средневековья: языческие традиции в русском простонародном быту (конец XV–XVI вв.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013.
7. Иванов П. Описание Государственного архива старых дел. М., 1850.
8. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841–1842. Т. 1–5.
9. Преображенский И. Нравственное состояние русского общества в XVI в. по сочинениям Максима Грека и современным ему памятникам. М., 1881.
10. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией: в 40 т. СПб., 1880. Т. VI.
11. Судебники XV–XVI вв. М.; Л., 1952.
12. Корогодина М. И. Исповедь в России XIV–XIX веках: исследования и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
13. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990.
14. Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. М.: Наука, 1986.
15. Домострой / изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб.: Наука, 1994.
16. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии Наук. СПб., 1836–1838. Т. 1–4.
17. Левенстим А. А. Суеверие и уголовное право // Вестник права. 1906. Кн. 1. С. 291–343.
18. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI–XVII вв. М., 1901.

19. Синодик Ивана Грозного // Скрынников Р. Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, 1996. Т. 2.
20. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. Дополнения к Никоновской летописи. СПб., 1910. С. 23–154.
21. Опарина Т. А. Неизвестный указ 1653 г. о запрещении колдовства // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 9. С. 88–91.
22. Максим Грек. Соч.: в 3 ч. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1910.
23. Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
24. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977.
25. Библия: в 2 т. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Духовное проповедование, 1991. Т. 1.
26. Николай (Ярушевич). Церковный суд в России до издания соборного Уложения Алексея Михайловича 1649. Петроград, 1917.
27. Суворов Н. С. Учебник церковного права. М., 1913.

References

1. Pravila Svyatykh Vselenskikh Soborov s tolkovaniyami [Rules of the Holy Ecumenical Councils with interpretations]. Part. 1-2. Reprint. Izd. Tutaev: Pravoslavnoe bratstvo Borisa i Gleba, 2001. (In Russ.)
2. Malinin V. Starets Eleazarova monastyrya Filofei i ego poslaniya [The elder of the Eleazar Monastery Philotheus and his epistles]. Kiev, 1901. (In Russ.)
3. Almazov A. Tainaya ispoved' v pravoslavnoi vostochnoi tserkvi [Secret confession in the Orthodox Eastern Church]. Prilozheniya, Odessa, vol. 3, 1894. (In Russ.)
4. Gal'kovskii N. M. Bor'ba khristianstva s ostatkami yazychestva v Drevnei Rusi [The struggle of Christianity with the remnants of paganism in Ancient Russia]. vol. 1, Khar'kov, 1916, Moscov, 1913. (In Russ.)
5. Stoglav [Stoglav]. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov, vol. 2. Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya tsentralizovannogo gosudarstva, Moscov, Yurid. lit-ra, 1985. (In Russ.)
6. Gruznova E. B. Na rasput'e srednevekov'y: yazycheskie traditsii v russkom prostonarod-nom bytu (konets XV-XVI vv.) [At the crossroads of the Middle Ages: pagan traditions in Russian common life (late XV-XVI centuries)]. St. Petersburg, S.-Peterb. un-ta, 2013. (In Russ.)
7. Ivanov P. Opisanie Gosudarstvennogo arkhiva starykh del [Description of the State Archive of Old Cases]. Moscov, 1850. (In Russ.)
8. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei [Historical acts collected and published by the Archeographic Commission]. St. Petersburg, vol. 1-5, 1841-1842. (In Russ.)
9. Preobrazhenskii I. Nравственное состояние русского общества в XVI в. по сочинениям Максима Грека и современному ему памятнику [The moral state of Russian society in the XVI century. according to the writings of Maxim the Greek and contemporary monuments to him]. Moscov, 1881. (In Russ.)
10. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei [Russian Historical Library, published by the Archeographic Commission]. St. Petersburg, 1880, vol. VI. (In Russ.)
11. Sudebniki XV-XVI vv. [Judicial records of the XV-XVI centuries.]. Moscov, Leningrad, 1952. (In Russ.)
12. Korogodina M. I. Ispoved' v Rossii XIV-XIX vekakh: issledovaniya i teksty [Confession in Russia in the XIV-XIX centuries: studies and texts]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2006. (In Russ.)
13. Gurevich A. Ya. Srednevekovyi mir: kul'tura bezmolvstvuyushchego bol'shinstva [The Medieval world: the culture of the silent majority]. Moscov, Iskusstvo, 1990. (In Russ.)
14. Razvitiye russkogo prava v XV-pervoi polovine XVII vv. [The development of Russian law in the XV - first half of the XVII centuries]. Moscov, Nauka, 1986. (In Russ.)
15. Domostroi / izd. podgot. V. V. Kolesov, V. V. Rozhdestvenskaya. St. Petersburg, Nauka, 1994. (In Russ.)
16. Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi ekspeditsiei imperatorskoi Akademii Nauk [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeological Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, vol. 1-4, 1836-1838. (In Russ.)

17. Levenstim A. A. Sueverie i ugovornoe pravo [Superstition and criminal law]. *Vestnik prava*, 1906, book 1, pp. 291-343. (In Russ.)
18. Zabelin I. E. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI-XVII vv. [The domestic life of Russian tsars in the XVI-XVII centuries.]. Moscow, 1901. (In Russ.)
19. Sinodik Ivana Groznogo [Synod of Ivan the Terrible]. *Skrynnikov R. G. Velikii gosudar' Ioann Vasil'evich Groz-nyi*, Smolensk, 1996, vol. 2. (In Russ.)
20. Novyi letopisets [The New Chronicler]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Vol. 14. Dopolneniya k Nikonovskoi letopisi, St. Petersburg, 1910, pp. 23-154. (In Russ.)
21. Oparina T. A. Neizvestnyi ukaz 1653 g. o zapreshchenii koldovstva [Unknown decree of 1653 on the prohibition of witchcraft]. *Drevnyaya Rus'. Vo-prosy medievistiki*, 2002, no 9, pp. 88-91. (In Russ.)
22. Maksim Grek. Svyato-Troitskaya Sergieva lavra [Holy Trinity Sergius Lavra], essay in 3 parts, 1910. (In Russ.)
23. Zhmakin V. Mitropolit Daniil i ego sochineniya [Metropolitan Daniel and his writings]. Moscow, 1881. (In Russ.)
24. Drevnie rossiiskie stikhovoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym [Ancient Russian poems collected by Kirshey Danilov]. Moscow, Nauka, 1977. (In Russ.)
25. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta [Bible. Books of Scripture of the Old and New Testaments]. Moscow, Dukhovnoe pro-sveshchenie, 1991, vol. 1. (In Russ.)
26. Nikolai (Yarushevich). Tserkovnyi sud v Rossii do izdaniya sobornogo Ulozheniya Alekseya Mikhailovicha 1649 [Ecclesiastical court in Russia before the publication of the Council Code of Alexei Mikhailovich 1649]. Petrograd, 1917. (In Russ.)
27. Suvorov N. S. Uchebnik tserkovnogo prava [Textbook of Church Law]. Moscow, 1913. (In Russ.)

Информация об авторе

В. Л. Ефимовских – кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Теория и история государства и права»,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

V. L. Efimovskikh – Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Right,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 09.09.2021; одобрена после рецензирования 24.09.2021;
принята к публикации 24.09.2021.

The article was submitted 09.09.2021; approved after reviewing 24.09.2021; accepted for publication 24.09.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 41–48.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 41-48.

Научная статья
УДК 57.024

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С ПОМОЩЬЮ СЛУЖЕБНЫХ СОБАК

Андрей Николаевич Алексеев

Пермский институт ФСИН России, Пермь, Россия, aan69@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы особенности обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Применение, использование служебных собак кинологической службы ФСИН России. Показан анализ итогов служебной деятельности, результативность работы специалистов со служебными собаками, в том числе в рамках взаимодействия с другими правоохранительными органами, по обеспечению безопасности.

Ключевые слова: безопасность, служебные собаки, кинологическая служба, уголовно-исполнительная система, сотрудники, служебная деятельность.

Для цитирования: Алексеев А. Н. Особенности обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы с помощью служебных собак // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 41–48.

Original article

FEATURES OF SAFETY IN THE INSTITUTIONS OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM WITH THE HELP OF SERVICE DOGS

Andrey N. Alekseev

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, aan69@rambler.ru

Abstract. The article deals with the issues of security features in the institutions of the penal system. Application, use of service dogs of the canine service of the Federal Penitentiary Service of Russia, and in other power structures. shows an analysis of the results of service activities, performance, including in the framework of interaction with other law enforcement agencies. the history of human domestication of the dog is given. canine professions that have found application in human everyday life. military specialties of dogs main efforts in activity, tasks, results of activity.

Keywords: safety, service dogs, canine service, penal system, employees, service activity.

For citation: Alekseev A. N. Features of safety in the institutions of the criminal-executive system with the help of service dogs. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 41-48. (In Russ.)

Кинологическая служба уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) является одной из наиболее крупных структур подобного рода в системе федеральных органов. В более чем 850 кинологических подразделениях учреждений УИС на сегодняшний день проходят службу более десяти тысяч сотрудников по штату и свыше тринадцати тысяч служебных собак. Обеспечение безопасности учреждений, содержащих-

ся в них осужденных, подозреваемых и обвиняемых, сотрудников и персонала, находящихся на территориях исправительных учреждений и следственных изоляторов, является основной задачей. И в этом вопросе служебная собака является одним из самых эффективных средств. Очень часто при работе на режимной территории она одним своим присутствием оказывает «умиротворяющее» воздействие на осужденных, удерживая их от противоправных действий и неадекватного поведения.

Подготовка специалистов и служебных собак по различным направлениям применения осуществляется в более чем 800 служебных городках кинологических подразделений УИС, где функционируют 783 кинодрома. При этом основное направление подготовки служебных собак осуществляется в рамках двух основных курсов дрессировки: общего, или так называемого ОКД, когда собаку приучают к послушанию, выполнению простейших команд, и специального курса дрессировки, где собаку приучают к действиям, которые будут необходимы при выполнении конкретной служебной задачи, связанной с деятельностью учреждения. В качестве отличия в подготовке собак в УИС можно отметить дрессировку розыскных собак на поиск человека в автомобильном и железнодорожном транспорте, поскольку осужденные нередко используют их для укрытия при попытке совершения побегов из-под охраны. В ходе тренировок используются различные усложнения, когда в кузов автомобилей вместе с условным нарушителем размещаются предметы с запахами горюче-смазочных материалов, различных продуктов питания, в том числе мяса, пищевых и бытовых отходов, создающие реальные условия применения, когда служебная собака среди огромного спектра запахов должна вычислить запах человека и подать об этом сигнал сотруднику. Однако всё же основные направления подготовки служебных собак – розыск и задержание преступников, поиск наркотических средств и взрывчатых веществ, охрана исправительных учреждений и следственных изоляторов, других объектов путем патрулирования запретных зон и выставления на посты, проведение обысков и досмотров как в учреждениях УИС, так и на прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования. С учетом перечисленных задач служебные собаки в УИС подразделяются на несколько категорий служебного предназначения: розыскные, патрульно-розыскные, специальные по поиску наркотических средств, специальные по поиску взрывчатых веществ, караульные, племенные. Розыскные и патрульно-розыскные собаки применяются также и при конвоировании осужденных и лиц, содержащихся под охраной [1]. В последние пять лет широко стали применяться собаки на поиск и обнаружение средств сотовой связи.

В целях обеспечения безопасности учреждений грамотными и решительными действиями караулов и специалистов-кинологов со служебными собаками в течение 2018 года были пресечены девять покушений на побег из-под охраны. В целом результативность использования сил и средств кинологической службы УИС по недопущению проникновения запрещенных веществ и предметов свидетельствует о сохранении положительной динамики роста эффективности. Так, в сравнении с 2017 годом количество случаев результивного применения служебных собак выросло на 24,6 % (с 548 до 727 случаев), изъятых при этом запрещенных предметов – на 40,1 % (с 2 534 до 4 230 единиц). Увеличилось количество изъятых в учреждениях УИС с помощью служебных собак средств сотовой связи – на 41,8 % (с 1 254 до 2 156 единиц), наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров – на 23,8 % (с 9 943,3 до 13 051,4 грамма), изъятых в результате взаимодействия с другими правоохранительными органами взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия и боеприпасов – в 2,6 раза (с 73 до 194 единиц).

Наибольшее число случаев пресечения противоправных действий с применением сил и средств кинологической службы отмечено в территориальных органах ФСИН России по республикам Башкортостан, Бурятия, Северная Осетия – Алания, Татарстан, Удмуртской Республике, Краснодарскому, Пермскому, Приморскому, Ставропольскому, Хабаровскому краям, Архангельской, Астраханской, Белгородской, Брянской, Волго-

градской, Вологодской, Воронежской, Иркутской, Калининградской, Калужской, Курской, Московской, Мурманской, Саратовской, Свердловской, Тамбовской, Челябинской, Ярославской областям.

Лучшую подготовку к действиям при задержании продемонстрировали специалисты-кинологи со служебными собаками в территориальных органах ФСИН России по республикам Бурятия, Северная Осетия – Алания, Пермскому, Приморскому, Ставропольскому краям, Архангельской, Астраханской, Белгородской, Брянской, Вологодской, Иркутской, Калининградской, Ростовской, Саратовской, Свердловской, Тамбовской, Челябинской, Ярославской областям, где зафиксировано наибольшее количество лиц, задержанных при совершении противоправных действий.

Особенно эффективно использовались служебные собаки при поиске средств сотовой связи в территориальных органах ФСИН России по республикам Башкортостан, Бурятия, Калмыкия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, и Удмуртской Республике, Краснодарскому, Пермскому, Приморскому, Ставропольскому, Хабаровскому краям, Архангельской, Астраханской, Белгородской, Брянской, Волгоградской, Вологодской, Калужской, Кировской, Курской, Московской, Мурманской, Нижегородской, Новгородской, Саратовской, Сахалинской, Свердловской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ульяновской, Челябинской, Ярославской областям, городу Москве, показавших лучшие результаты по количеству изъятых мобильных телефонов.

Лидерами по количеству наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, изъятых при помощи специальных собак, являются территориальные органы ФСИН России по республикам Башкортостан, Бурятия, Татарстан, Тыва, Красноярскому и Хабаровскому краям, Белгородской, Иркутской, Кемеровской, Мурманской, Ростовской, Ярославской областям.

Кроме того, хотелось отметить использование служебных собак учреждений УИС в интересах органов МВД России и ФСБ России: в течение всего 2018 года отмечено 35 подобных случаев; для сравнения: в 2017 году таких мероприятий было 45. Особенno часто задействовались в подобных ситуациях служебные собаки УФСИН России по Удмуртской Республике: специальные животные использовались (вместе с сотрудниками УИС) в десяти случаях в интересах органов внутренних дел, когда полицейским удалось не только раскрыть ряд преступлений, но и найти шесть пропавших граждан. В пяти случаях применения специальных собак учреждений УФСИН России по Чеченской Республике в ходе совместных с другими взаимодействующими органами профилактических рейдов обнаружены и изъяты 193 единицы взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия и боеприпасов, 17,61 грамма наркотических средств, найден один пропавший человек.

В рамках реализации оперативных мероприятий, проведенных сотрудниками УФСБ России по Иркутской области с использованием специальной собаки ФКУ ЛИУ-27 ГУФСИН России по Иркутской области обнаружены и изъяты 9 731,425 грамма наркотического средства.

Положительный общественный резонанс вызвал случай использования розыскной собаки ФКУ ИК-25 УФСИН России по Волгоградской области в поиске двухлетнего ребенка. Родители обратились к полицейским, а те, в свою очередь, в исправительную колонию с просьбой об оказании помощи в розыске. Выделенная для указанных целей розыскная собака уверенно взяла след и через несколько часов поиска обнаружила малыша.

В рамках взаимодействия в интересах других правоохранительных органов применялись также служебные собаки учреждений ГУФСИН (УФСИН) России по Красноярскому (6 случаев), Ставропольскому (1 случай) краям, Вологодской (3 случая), Калининградской (1 случай), Оренбургской (2 случая), Самарской (1 случай), Сахалинской (1 случай), Свердловской (1 случай), Челябинской (2 случая) областям [2].

Анализируя деятельность и результативность использования сил и средств кинологической службы УИС в территориальных органах ФСИН России в 2019 году, можно сде-

лать вывод, что в результате целенаправленной работы по повышению уровня профессиональной подготовки специалистов-кинологов и улучшению натренированности служебных собак увеличилось количество случаев результистивного применения служебных собак по сравнению с результатами, показанными в 2018 году, на 45,8 %, с 727 до 1 060 случаев, задержанных с их использованием нарушителей – на 39,5 %, с 266 человек до 371 человека, изъятых средств сотовой связи – на 69,2 %, с 2 156 до 3 649 единиц, комплектующих к сотовым телефонам (зарядные устройства, флеш-карты, аккумуляторные батареи) – более чем в 1,9 раза, с 880 до 1 747 единиц, SIM-карт – в 2,2 раза, с 535 до 1 201 единицы, огнестрельного оружия и боеприпасов, в рамках оказания помощи взаимодействующим органам, – на 28,9 % (с 194 до 250 единиц). В этой связи особо необходимо отметить результативные действия специалистов-кинологов с розыскными, патрульно-розыскными собаками по выполнению главной задачи кинологической службы УИС – пресечение побегов и покушений на побеги осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Были отмечены умелые действия помощника начальника караула по кинологической службе ФКУ ИК-1 УФСИН России по Ярославской области, пресечен групповой побег двух осужденных из под охраны. Благодаря грамотной работе специалиста-кинолога и высокой натренированности розыскной собаки ФКУ ИК-1 УФСИН России по Республике Крым и городу Севастополю при отработке запахового следа протяженностью 1,5 километра установлено направление движения осужденного, совершившего побег из колонии-поселения, что позволило в дальнейшем его обнаружить и задержать.

Наибольшее количество случаев результистивного применения служебных собак отмечено в территориальных органах ФСИН России по республикам Башкортостан (20 случаев), Мордовия (25 случаев), Саха (Якутия) (43 случая), Северная Осетия – Алания (23 случая), Приморскому (78 случаев), Ставропольскому (46 случаев) краям, Брянской (63 случая), Калининградской (21 случай), Курской (43 случая), Магаданской (26 случаев), Оренбургской (113 случаев), Саратовской (38 случаев), Свердловской (23 случая), Ярославской (21 случай) областям.

При этом в результате применения служебных собак УИС больше всего изъято:

сотовых телефонов в территориальных органах ФСИН России по Республике Мордовия (118 единиц), Приморскому (354 единицы), Ставропольскому (170 единиц) краям, Брянской (172 единицы), Волгоградской (159 единиц), Калужской (103 единицы), Курской (187 единиц), Оренбургской (383 единицы), Саратовской (181 единица), Свердловской (147 единиц) областям;

холодного оружия в ГУФСИН России по Приморскому краю (12 единиц), колюще-режущих предметов – в УФСИН России по Чувашской Республике – Чувашии (17 единиц);

наркотических средств при доставке в учреждения территориальных органов ФСИН России по республикам Бурятия (460,5 грамма), Татарстан (346 граммов), Тыва (1054,7 грамма), Забайкальскому (484,8 грамма), Приморскому (465,4 грамма), Хабаровскому (754 грамма) краям, Новосибирской области (682,3 грамма), а также в рамках оказания помощи взаимодействующим органам со стороны ГУФСИН России по Красноярскому краю (1 478,7 грамма) и УФСИН России по Ивановской области (1 093,4 грамма);

других запрещенных предметов в УФСИН России по Смоленской области (554 единицы), ГУФСИН России по Челябинской области (146 единиц), УФСИН России по Самарской области (117 единиц).

Бесспорным лидером в части результативности применения специальных собак по поиску взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия и боеприпасов продолжает оставаться УФСИН России по Чеченской Республике, где в 2019 году с использованием служебных собак указанной категории в рамках совместных с взаимодействующими органами оперативно-розыскных мероприятий обнаружены и изъяты 239 единиц боеприпасов и взрывных устройств, 7 килограммов взрывчатых веществ.

Имели место такие, например, случаи обнаружения огнестрельного оружия и боеприпасов в результате применения служебных собак УИС:

12.03.2019 при проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием специальных собак ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Республике Северная Осетия – Алания задержано лицо, объявленное в федеральный розыск, у которого обнаружены и изъяты 7,62-мм пистолет ТТ и 9 патронов к нему, а также наркотические средства общей массой 2,83 грамма;

02.09.2019 в рамках оказания практической помощи сотрудникам полиции с использованием специальной собаки ГУФСИН России по Красноярскому краю при обыске сарая в частном секторе села Малая Минуса был обнаружен сверток с наркотическим веществом массой 247 граммов и 9-мм ПМ [3].

По итогам деятельности за 2020 год по обеспечению безопасности в учреждениях УИС с помощью служебных собак был пресечен один побег из-под охраны; пресечены 7 побегов из-под надзора; задержаны 407 нарушителей (рост на 15 %), включая 23 осужденных; обнаружены и изъяты один боеприпас, 45 единиц холодного оружия и колюще-режущих предметов, 7 184 единицы сотовых телефонов и комплектующих к ним (зарядные устройства, флеш-карты, аккумуляторные батареи), 14,2 килограмма наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (рост на 45,6 % в сравнении с прошлым годом), 423,5 литра спиртосодержащих жидкостей (рост в 3 раза).

В рамках оказания практической помощи взаимодействующим органам с использованием служебных собак учреждений УИС обнаружены и изъяты: 5 единиц огнестрельного оружия, 229 боеприпасов, 3 единицы взрывных устройств, 24 135,3 килограмма наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

И всё же основная задача по обеспечению безопасности при выполнении служебных задач с помощью служебных собак – это пресечение побегов и покушений на побеги осужденных и лиц, содержащихся под стражей. В этой связи особо необходимо отметить результативные действия специалистов-кинологов с розыскными (патрульно-розыскными) собаками по выполнению главной задачи кинологической службы УИС.

27.10.2020 в результате применения специалистом-кинологом кинологической группы в УФСИН России по Ярославской области служебной собаки во время сдачи спецконтингента на обменном пункте станции Ярославль Главный плановому караулу по железнодорожному маршруту Нижний Новгород – Смоленск пресечен побег осужденного из-под охраны.

27.01.2020 в результате отработки специалистом-кинологом кинологического отделения отдела охраны в ГУФСИН России по Пермскому краю с розыскной собакой запахового следа протяженностью 1,5 км обнаружен и задержан осужденный, совершивший побег из участка колонии-поселения этого же учреждения УИС.

При аналогичных обстоятельствах обеспечены обнаружения и задержания осужденных, совершивших побеги из колоний-поселений и участков колоний-поселений при учреждениях УИС, специалистами-кинологами со служебными собаками:

в УФСИН России по Саратовской области 01.02.2020, при отработке запахового следа протяженностью 3 километра;

в УФСИН России по Республике Калмыкия 20.06.2020, при отработке запахового следа протяженностью 6,5 км.

24.10.2020 в результате отработки специалистом-кинологом кинологической группы отдела охраны ГУФСИН России по Челябинской области с патрульно-розыскной собакой запахового следа протяженностью 0,6 км обнаружено место, где осуществил посадку на транспортное средство осужденный, совершивший побег из участка колонии-поселения этого же учреждения УИС, что позволило впоследствии обеспечить его обнаружение и задержание. При аналогичных обстоятельствах применялись служебные собаки и была показана высокая результативность в ГУФСИН России по Пермскому краю 26.11.2020, при от-

работке запахового следа протяженностью 0,7 км; 14.12.2020, при отработке запахового следа протяженностью 7 километров; 28.12.2020, при отработке запахового следа протяженностью 3 километра.

Наибольшее количество случаев результативного применения служебных собак отмечено в территориальных органах ФСИН России по республикам Северная Осетия – Алания (63 случая), Тыва (36 случаев), Пермскому (63 случая), Приморскому (91 случай) краям, Брянской (40 случаев), Курской (30 случаев), Оренбургской (63 случая), Саратовской (57 случаев), Челябинской (63 случая) областям.

При этом в результате применения служебных собак УИС больше всего изъято:

сотовых телефонов в территориальных органах ФСИН России по республикам Башкортостан (55 единиц), Мордовия (69 единиц), Саха (Якутия) (169 единиц), Татарстан (93 единицы), Краснодарскому (68 единиц), Пермскому (216 единиц), Приморскому (261 единица), Ставропольскому (100 единиц) краям, Брянской (165 единиц), Иркутской (60 единиц), Калужской (51 единица), Курганской (57 единиц), Курской (107 единиц), Липецкой (51 единица), Нижегородской (70 единиц), Оренбургской (208 единиц), Орловской (59 единиц), Саратовской (182 единицы), Тульской (112 единиц), Челябинской (177 единиц) областям;

взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия и боеприпасов в УФСИН России по республикам Карелия (21 единица), Хакасия (41 единица) Чеченской Республике (173 единицы);

холодного оружия и колюще-режущих предметов в территориальных органах ФСН России по Республике Саха (Якутия) (3 единицы), Камчатскому (4 единицы), Приморскому (27 единиц) краям, Рязанской (3 единицы), Ярославской (4 единицы) областям;

наркотических средств и их производных при доставке в учреждения территориальных органов ФСИН России по республикам Башкортостан (1 343,2 грамма), Татарстан (920,8 грамма), Тыва (5895,9 грамма), Хабаровскому краю (665,8 грамма), Воронежской (521,5 грамма), Калининградской (407,3 грамма) областям, городу Москве (659,3 грамма), а также в рамках оказания помощи взаимодействующим органам со стороны территориальных органов ФСИН России по Чувашской Республике – Чувашии (500,1 грамма), Приморскому краю (2 766,6 грамма), Ивановской (431,1 килограмма), Оренбургской (654,7 грамма) областям, Еврейской автономной области (23,7 тонны дикорастущей конопли на территории площадью 0,8 га);

спиртосодержащих жидкостей при доставке в учреждения территориальных органов ФСИН России по Республике Северная Осетия – Алания (248 литров), Краснодарскому краю (46,8 литров), Саратовской (28,3 литра), Челябинской (26,1 литра) областям [4].

Подводя итог выполнения служебных задач по результативности использования служебных собак в учреждениях и органах УИС по недопущению проникновению запрещенных веществ и предметов и по обеспечению надежной охраны объектов, можно говорить о том, что за последние годы достигнут рост эффективности служебной деятельности. Так, в 2016 году отмечено 377 случаев пресечения преступлений и других противоправных действий со стороны осужденных и других лиц с помощью служебных собак, в 2017 году – 598, в 2018 году – 727, в 2019 году – 1 060 случаев, по итогам служебной деятельности в 2020 году отмечены 1 167 подобных случаев, что свидетельствует о росте на 10,1 % результативного применения собак в учреждениях УИС, в том числе 1 115 случаев непосредственно в учреждениях УИС (рост на 8,8 %) и 52 случая – в интересах взаимодействующих органов (рост на 48,5 %).

За пятилетний период с помощью служебных собак задержаны более 700 нарушителей, обнаружены и изъяты почти 300 литров спиртосодержащих жидкостей, примерно 13 тысяч других запрещенных предметов, большую часть из которых составили сотовые телефоны и комплектующие к ним. По итогам деятельности мы видим, что объем наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, обнаруженных и изъятых на

территориях учреждений УИС, с каждым годом возрастает. Так, в 2016 году было изъято 46 000 325 граммов, в 2017 году 43 754 859 граммов, в 2018 году 53 028 709 граммов, следовательно, уровень их употребления среди спецконтингента УИС растет. Кроме того, отмечается факт обнаружения и изъятия огнестрельного оружия и боеприпасов до 250 единиц, в том числе и в рамках оказания помощи взаимодействующим органам. Хотелось бы подчеркнуть, что с 2015 года по настоящее время отмечено более ста случаев обращения различных подразделений МВД России, ФСБ, МЧС за оказанием помощи [5].

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время потребность в помощи собак на службе в учреждениях УИС, использования служебных собак разного направления актуальна и будет актуальна в дальнейшем. Методики их подготовки совершенствуются с учетом результатов и ошибок, при этом в разных силовых структурах имеют место различные способы дрессировки и тренировки. Обонятельные способности собак и социализация животных в обществе людей дает им большое преимущество перед цифровыми технологиями и делает их незаменимыми на службе. «Порядок обращения со служебными животными в учреждениях и органах УИС», утвержденный в декабре 2019 года, разработан в целях реализации нравственных принципов и принципов гуманности при обращении со служебными животными, устанавливает требования к содержанию и применению служебных животных, которыми в учреждениях и органах УИС являются служебные собаки, применяемые согласно ст. 30 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в качестве специальных средств¹.

Несомненно, что результативность применения служебных собак по пресечению противоправных действий основана на отличной подготовке специалистов-кинологов для работы в реальных условиях службы и является их большой заслугой. Будни специалистов-кинологов проходят в ежедневном, кропотливом труде по уходу, дрессировке и применению своих четвероногих помощников. В своей деятельности сотрудники кинологической службы постоянно изыскивают новые пути развития, повышают профессионализм и мастерство. На современном этапе служба охраны и кинологическая служба продолжают гармонично развиваться в составе уголовно-исполнительной системы, подтверждая свою значимость.

Список источников

1. Интервью РИА Новости: Дмитрий Макаров: пуделя тоже можно натренировать на защиту человека [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190910/1558500173.html> (дата обращения: 20.04.2021).
2. Об итогах служебной деятельности кинологических подразделений учреждений и органов УИС в 2018 году и мерах по ее совершенствованию. Обзор ФСИН. М., 2019. 22 с.
3. Об итогах служебной деятельности кинологических подразделений учреждений и органов УИС в 2019 году и мерах по ее совершенствованию. Обзор ФСИН. М., 2020. 15 с.
4. Об итогах служебной деятельности кинологических подразделений учреждений и органов УИС в 2020 году и мерах по ее совершенствованию. Обзор ФСИН. М., 2021. 34 с.
5. Об итогах служебной деятельности подразделений учреждений и органов УИС. Обзор ФСИН. М., 2019. 26 с.

References

1. Interv'yu RIA Novosti: Dmitrii Makarov: pudelya tozhe mozhno natrenirovat' na zashchi-tu cheloveka [Interview with RIA Novosti: Dmitry Makarov: a poodle can also be trained to protect a person]. (In Russ.). Available at: <https://ria.ru/20190910/1558500173.html> (accessed: 20.04.2021). (In Russ.)

¹ Об утверждении Порядка обращения со служебными животными в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: приказ ФСИН России от 31 дек. 2019 г. № 1210. М., 2020. 38 с.

2. Ob itogakh sluzhebnoi deyatel'nosti kinologicheskikh podrazdelenii uchrezhdenii i orga-nov UIS v 2018 godu i merakh po ee sovershenstvovaniyu. Obzor FSIN [On the results of the service activities of the cynological units of the institutions and bodies of the penal system in 2018 and measures to improve it. FSIN review]. Moscov, 2019, 22 p. (In Russ.)

3. Ob itogakh sluzhebnoi deyatel'nosti kinologicheskikh podrazdelenii uchrezhdenii i orga-nov UIS v 2019 godu i merakh po ee sovershenstvovaniyu. Obzor FSIN [On the results of the service activities of the cynological units of the institutions and bodies of the penal system in 2019 and measures to improve it. FSIN review]. Moscov, 2020, 15 p. (In Russ.)

4. Ob itogakh sluzhebnoi deyatel'nosti kinologicheskikh podrazdelenii uchrezhdenii i orga-nov UIS v 2020 godu i merakh po ee sovershenstvovaniyu. Obzor FSIN [On the results of the service activities of the cynological units of the institutions and bodies of the penal system in 2020 and measures to improve it. FSIN review]. Moscov, 2021, 34 p. (In Russ.)

5. Ob itogakh sluzhebnoi deyatel'nosti podrazdelenii uchrezhdenii i organov UIS. Obzor FSIN [On the results of the service activities of departments of institutions and bodies of the penal system. FSIN review]. Moscov, 2019, 26 p. (In Russ.)

Информация об авторе

*A. H. Алексеев – полковник внутренней службы в отставке,
старший преподаватель кафедры «Социально-гуманитарные и профессиональные
дисциплины» факультета внебюджетного образования,
Пермский институт ФСИН России.*

Information about the author

*A. N. Alekseev – Retired Colonel of Internal Service,
Senior Lecturer at the Department of Social and Humanitarian Disciplines
of the Faculty of Extraordinary and Professional Education,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.*

Статья поступила в редакцию 09.09.2021; одобрена после рецензирования 24.09.2021; принята к публикации 24.09.2021.

The article was submitted 09.09.2021; approved after reviewing 24.09.2021; accepted for publication 24.09.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 49–57.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 49-57.

Научная статья
УДК 347.965

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АДВОКАТА И ДОВЕРИТЕЛЯ

Петр Владимирович Бойко

Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, boyko-perm@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные проблемы фактической и правовой незащищенности лиц – клиентов адвокатов, представляющие угрозу их безопасности. Обращается внимание на вопросы, связанные с возможностью адвоката хранить и использовать информацию в отношении доверителей, с приглашением и допуском защитника, с негативными чертами профессионального сознания адвокатов, участвующих в сделках со следствием/правосудием и коррумпированных схемах. Делается вывод о необходимости усовершенствования законодательства, регулирующего эти взаимоотношения, и о пересмотре методологических подходов к подготовке юридических кадров. Формулируется предложение по дополнению уголовно-исполнительного законодательства в рамках заявленной проблематики.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская тайна, безопасность, личные данные, клиент адвоката, доверитель.

Для цитирования: Бойко П. В. Актуальные вопросы безопасности в сфере взаимоотношений адвоката и доверителя // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 49–57.

Original article

TOPICAL ISSUES OF SECURITY IN THE FIELD OF RELATIONS BETWEEN A LAWYER AND A CLIENT

Petr V. Boyko

Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, boyko-perm@mail.ru

Abstract. This article examines the actual problems of the actual and legal vulnerability of persons – clients of lawyers. Attention is drawn to issues related to the ability of a lawyer to store and use information in relation to principals, with the invitation and admission of a defense lawyer, with negative features of the professional consciousness of lawyers involved in transactions with the investigation / justice and corrupt schemes. The conclusion is made about the need to improve the legislation regulating these relationships, and about the revision of methodological approaches to the training of legal personnel. A proposal is being formulated to supplement the penal legislation within the framework of the stated problem.

Keywords: attorney, attorney's secret, security, personal data, attorney's client, principal.

For citation: Boyko P. V. Topical issues of security in the field of relations between a lawyer and a client. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 49-57. (In Russ.)

Но милуя грешника, не давайте
ему пользоваться плодами греха!
Ф. Н. Плевако

Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 48 закрепляет право каждого гражданина на получение квалифицированной юридической помощи¹.

Юридическую помощь можно определить как содействие лицу, участвующему в правовом отношении и испытывающему правовую проблему, в целях защиты его субъективных прав (законных интересов), оказываемое другим лицом посредством использования своих правовых знаний и профессионального юридического опыта [1, с. 15].

Право на получение юридической помощи является неотъемлемым институтом норм международного права. Российская Федерация, ратифицируя некоторые нормативно-правовые акты, принимает на себя обязательства по их выполнению. К таким правовым актам относятся, например, Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950) и ряд других международных документов².

Важнейшим субъектом оказания квалифицированной юридической помощи является адвокат³.

Операционный инструментарий адвоката разнообразен. Следовательно, необходимо представлять примерный алгоритм его действий, обеспечивающих наиболее эффективную защиту прав и законных интересов доверителя в судебном разбирательстве [2].

Одной из важнейших отрицательных черт современной мировой адвокатуры является, по нашему мнению, недостаток гуманистических начал в правосознании представителей этой профессиональной группы. Вообще, нынешний юрист совершенно не научен на практике, в конкретной деятельности по специальности, проявлять человеколюбие. Для него ничего не стоит показать неуважение к личности, а также «обойти» закон. Он редко задумывается и не желает находить ответы на такие ежедневно поступающие вопросы, как: почему правоприменение сплошь противоречит международным нормам; почему нормы, закрепленные в Конституции, не соответствуют современным реалиям; почему у нас законы для одних действуют, а для других нет; почему одни законы противоречат другим; почему у нас есть законность тульская, а есть рязанская и на местах не действуют федеральные законы; почему на практике российский закон зачастую не защищает подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, а действует принцип презумпции виновности; почему во многих случаях невозможно добиться защиты невиновного и т. д.

Правда, следует оговориться: данное замечание не на сто процентов относится к российским адвокатам, которые, на наш взгляд, по своему менталитету отличаются от остальной части юристов-правоохранителей (думается, здесь не последнюю роль играет мощная историческая традиция). Отечественные адвокаты на общемировом фоне специалистов с юридическим образованием несравненно выделяются в лучшую сторону, на мир смотрят

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 04.11.2021).

² Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] (принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 дек. 1966 г.) // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 26.09.2021); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 «Об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

³ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021) // Рос. газета. № 100. 05.06.2002.

несколько иначе, с позиций защиты прав человека и гражданина, однако и им явно не хватает гуманистической духовной основы, как это ни странно звучит в век цифровизации и компьютерных технологий. Несмотря на сложность, противоречивость современной эпохи, в которой действуют адвокаты, в большей своей части они проявляют чудеса человеческой любви, профессионального мастерства, мужества и даже героизма: им приходится в буквальном смысле этих слов сражаться за права своих доверителей, вступая в неравные схватки не только с конкретными, зачастую коррумпированными и опасными чиновниками, но и с самой государственной системой, представляющей ныне реальную и немалую угрозу для человека [3].

Описанный выше подход к защите может иметь место в первую очередь по делам, где доказательства вины доверителя явно недостаточно. Там же, где все признаки правонарушения налицо и виновными не отрицаются, дело действительно имеет судебную перспективу и деятельность защитника носит другую направленность и иное содержание. Здесь основная задача адвоката – следить, чтобы в отношении подозреваемого (обвиняемого) не допускались нарушения его процессуальных прав; чтобы оказались расследованными и учтенными смягчающие обстоятельства, характеризующие данные о личности подзащитного, и были выполнены другие традиционные действия защиты.

Практика выявляет ряд актуальных проблем, существующих в рамках взаимоотношений адвоката и доверителя, которые требуют своего решения.

Сложную природу имеет проблема определения предмета адвокатской тайны, и подчинена она двум ключевым аспектам. Первый сводится к вопросу, может ли адвокат разглашать информацию, полученную от своего доверителя, в его же интересах, но против его воли. По общему правилу позиция адвоката не может противоречить позиции доверителя за исключением случаев, если последний оговаривает сам себя. Однако означает ли это, что адвокат вправе сообщить суду сведения, которые стали ему известны по делу, но разглашения которых доверитель не желает? Видится, что фундаментальная дискуссия по данному поводу обращает к взглядам на роль адвоката в процессе вообще. Так, профессор Ю. И. Стецовский, выдающийся адвокат и историк русской адвокатуры, рассматривал функцию адвоката-защитника в качестве разновидности представительства, из чего следует невозможность расхождения адвоката и доверителя в позиции по делу, а значит, и недопустимость разглашения информации в случае, когда доверитель не видит в том необходимости [4]. В то же время существует позиция, которую на редкость удачно выразил А. Ф. Кони: адвокат является самостоятельным участником процесса, другом подсудимого, пытающимся сохранить то, что возможно сохранить, но не выгораживающий доверителя любой ценой [цит. по: 5].

Второй аспект возможного расхождения позиции адвоката и его доверителя связан с запретом для адвоката разглашать информацию, составляющую адвокатскую тайну и противоречащую интересам доверителя. Как в процессуальном, так и в общеправовом, даже общегуманитарном смысле, данный запрет безусловен и не имеет исключений. Донос на доверителя является формой отказа от защиты и означает невозможность дальнейшего осуществления адвокатом своей деятельности не только в конкретном деле, но и вообще впредь. Исключению возможного отклонения в позиции адвоката от цели защиты прав доверителя служит и обязанность отказаться от представления интересов лица, вступающего в правовой конфликт с его бывшим доверителем, а также выйти из дела, если оно затрагивает интересы его доверителя в прошлом – защита лиц с разным интересом не допускается.

Иными словами, охрана адвокатской тайны означает невозможность предоставления каких-либо сведений, полученных от доверителя (в связи с работой по его делу и касающихся интересов клиента), любому субъекту, включая прежде всего субъектов публичного права (государство), в том числе представителей власти, правоохранительных органов, институтов правосудия. Соблюдение адвокатом данной обязанности предполагает и корреспондирующую обязанность государства по обеспечению адвокатской тайны институтами

и процессуальными механизмами, то есть принцип адвокатской тайны несамоисполним. Профессор И. Я. Фойницкий отдельно отмечал, что обеспечение надлежащей деятельности института поверенных предполагает общий иммунитет от преследования и допроса, то есть ставит право на защиту выше возможной по отношению к присяжным поверенным дискреции публичной власти: «Право присяжного поверенного принимать на себя защиту по уголовным делам не поражается даже в случае его высылки в административном порядке и отдачи под гласный надзор полиции» [цит. по: 5].

Казалось бы, дополнительные гарантии, обеспечивающие защиту материалов, находящихся в досье адвоката, должны вносить правила, содержащиеся в ст. 450.1 УПК РФ, включенной в данный кодекс федеральным законом в 2017 году. В ней, в частности, предусматривается, что при производстве осмотра, обыска или выемки в отношении адвоката допустимо изъятие лишь тех объектов, которые указаны в постановлении судьи на их производство. Однако эта норма порождает новые сомнения: чтобы преодолеть запрет, установленный п. 2.1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ (даже при соблюдении всех иных процессуальных гарантий), достаточно включить искомый предмет или документ в постановление судьи на производство следственного действия. Несложно предположить, что действия следователя также будут сочтены правомерными, если он в случаях, не терпящих отлагательства (то есть без получения судебного разрешения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ)), укажет искомые объекты в своем постановлении, например на производство осмотра в помещении адвокатского образования [6].

В дополнение к вышесказанному следует также обратить внимание на тот факт, что Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. 498-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УПК РФ были закреплены новые нормы, нацеленные на защиту интересов лиц, добровольно представивших в налоговые органы специальные декларации, поданные в рамках так называемой амнистии капиталов. Недопустимыми доказательствами признаны как сведения, содержащиеся в самой декларации подозреваемого (обвиняемого) и в прилагаемых к ней материалах (п. 2.2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ), так и сведения о нём, указанные в декларации, представленной иным лицом (п. 2.3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Исключения сделаны для материалов, добровольно представленных самим декларантом для приобщения к уголовному делу. Кроме того, вышеупомянутым законом от 27 декабря 2019 г. 498-ФЗ, во-первых, ст. 140 УПК РФ дополнена ч. 3, запрещающей использовать факт подачи специальной декларации и содержащиеся в ней и в прилагаемых документах сведений в качестве повода для возбуждения уголовного дела. Во-вторых, в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ включено правило, запрещающее изымать при производстве следственных действий специальную декларацию, а также иные документы и сведения.

Одной из актуальных проблем уголовного судопроизводства, в частности на стадии предварительного расследования, выступает процесс приглашения и допуска защитника, в ходе которого, особенно с учетом длящейся по сей день пандемии COVID-19, зачастую ущемляются права подзащитного. Об этой проблеме говорят многие адвокаты. Например, президент Гильдии российских адвокатов, профессор, заслуженный юрист РФ Г. Б. Мирзоев в интервью «Российской газете» отметил недопуск защитника к подзащитному как одно из наиболее часто встречающихся нарушений [7].

В качестве примера можно привести ситуацию, произошедшую в сентябре 2019 года в Самарской области. Член Палаты адвокатов этого субъекта, адвокат Валерий Лапицкий, столкнулся с недопуском к защите своего доверителя, гражданки Ш., которой было предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и которая на тот момент находилась в международном розыске. Заявленное адвокатом ходатайство об ознакомлении с материалами дела, предъявленное вместе с ордером следователю, не было удовлетворено последним по тому основанию, что ему необходимы подлинник заявления или согласия обвиняемой на защиту ее интересов адвокатом Валерием Лапицким и копия удостоверения адвоката. Обжалование недопуска к защите во внесудебном порядке руководителю отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного

комитета РФ по Республике Саха (Якутия) не принесло результатов, а потому адвокат воспользовался судебной защитой нарушенных прав в порядке ст. 125 УПК РФ, а также продолжил подавать ходатайства следователю (уже с приложением копии удостоверения). Решением Якутского городского суда от 11 декабря 2019 г. решения следователя признаны незаконными по всем эпизодам, кроме первого (ввиду непредставления адвокатом копии удостоверения), однако даже этот факт не возымел полного воздействия на следователя: согласно данным, опубликованным на сайте Федеральной палаты адвокатов РФ, ознакомиться с частью материалов дела защитнику удалось только 17 февраля 2020 года, то есть более чем через два месяца после принятия решения судом первой инстанции. Более того, оставшиеся материалы дела адвокату следователем не были представлены без указания на то причин, что тоже является нарушением прав стороны защиты. Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июля 2020 г. по кассационному представлению заместителя прокурора Республики Саха (Якутия) было оставлено без изменений решение суда первой инстанции, причем кассационный суд отдельно отметил, что «выполнение процессуальных обязанностей защитника предполагает наличие у него ордера на ведение уголовного дела конкретного лица и не ставится в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится дело. Следовательно, действующее правовое регулирование закрепляет уведомительный, а не разрешительный порядок вступления адвоката в дело» [8].

Показательной также является череда нарушений прав подзащитного адвоката Ю. С. Чвановой Адвокатской палаты Владимирской области администрацией ФКУ «Т-2 УФСИН России по Владимирской области». Защитнику было отказано во встречах с подзащитным по причинам карантина, оформления ордера адвоката, занятости комнаты для свиданий, а также ввиду отсутствия постановления следователя о назначении осужденному защитнику при производстве следственных действий по уголовному делу. Решением Фрунзенского районного суда города Владимира № 2а-872/2019 от 5 июня 2019 г. действия ФКУ «Т-2 УФСИН России по Владимирской области» были признаны незаконными по трем эпизодам недопуска адвоката к подзащитному, административный иск защитника Ю. С. Чвановой удовлетворен полностью¹.

Однако не всегда суды встают на сторону защиты в отстаивании права на допуск адвоката к его доверителю. Так, решением Пресненского районного суда г. Москвы по делу № 02а-0065/2020 (02а-0746/2019)², поддержанном в апелляционной и кассационной инстанциях, суд не усмотрел нарушений в действиях сотрудников ОМВД по району «Аэропорт», не допустивших адвоката М. О. Эйсмонт к доверителям, обвиняемым в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 6.1 ст. 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³ (далее – КоАП РФ). По мнению суда, введенный на территории ОМВД по району «Аэропорт» план «Крепость» нацелен исключительно на противодействие терроризму. Поскольку адвокат принимала участие в рассмотрении Савеловским районным судом города Москвы в отношении тех же доверителей административных материалов и оказывала им юридическую помощь, недопуск адвоката в ОМВД по району «Аэропорт» не нарушил право на судебную защиту, которое абстрактным не является.

Практика знает также случаи недопуска и препятствования деятельности адвокатов при проходе в здание суда со стороны сотрудников Федеральной службы судебных при-

¹ Судебные акты и решения [Электронный ресурс] / Фрунзенский районный суд г. Владимира (Владимирская область). URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-frunzenskii-raionnyi-sud-g-vladimira-vladimirskaiia-oblast/>.

² Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы [Электронный ресурс] / Пресненский районный суд. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/kas/details/6265cc73-4e35-4177-9e77-305a9b1eda37>.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // Рос. газета. № 256. 31.12.2001.

ставов (далее – ФССП). Судебные приставы, обеспечивая установленный порядок деятельности судов, пропускной режим и допуск граждан, в том числе адвокатов, в здание суда, в своей деятельности руководствуются нормативными правовыми и локальными актами и наделены полномочиями по проверке документов, удостоверяющих личность, по осмотру с использованием технических средств и проверке ручной клади посетителей суда. В случае если возникают основания полагать, что посетитель здания суда имеет при себе (переносит) предметы, которые запрещены к проносу в здание суда и представляют угрозу для безопасности других посетителей и работников суда, сотрудники ФССП имеют право провести личный досмотр этого лица и находящихся при нём личных вещей.

Рассматривая проблемные вопросы, связанные с допуском адвокатов к доверителям, хотелось бы коснуться и сферы деятельности Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России), которая также обязана создать и обеспечить все необходимые условия для беспрекословного исполнения на территории подведомственных учреждений и органов положений Основного закона страны, касающихся права граждан на квалифицированную юридическую помощь.

Действительно, получение своевременной и квалифицированной юридической помощи осужденными может благотворно повлиять на их поведение и предотвратить совершение ими необдуманных поступков, вплоть до совершения ими преступлений.

Если адвокат или лицо, имеющее право на оказание юридической помощи, находится наедине с осужденным, естественно, возникает необходимость обеспечения их личной безопасности.

При проведении свиданий осужденных с адвокатами и лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, в целях исполнения норм уголовно-исполнительного законодательства по вопросам обеспечения приватности, то есть вне пределов слышимости третьих лиц и без применения технических средств прослушивания, мы сталкиваемся с пробелами в правовом регулировании данного правового института [9].

В частности, отсутствие правового понимания категории «иные лица, имеющие право на оказание юридической помощи», приводит к затруднению исполнения целей уголовно-исполнительного законодательства, а именно исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений – как осужденными, так и иными лицами.

Поскольку свидания являются единственным инструментом воспитательной работы, недостаточная регламентация этого института зачастую приводит к сведению карательного воздействия системы на нет. По нашему мнению, институт предоставления свиданий осужденным с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, нуждается в научно-теоретическом осмыслении с выработкой действенных мер правового регулирования их предоставления и проведения.

Так, в целях исключения рассогласования норм уголовно-исполнительного права считаем целесообразным внести дополнения в ч. 4 ст. 89 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УИК РФ), коррелирующие со ст. 18 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»², изложив ее в следующей редакции: «Для получения юридической помощи осужденным предоставляются свидания с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, без ограничения их числа, продолжительностью до четырех часов. Свидания предоставляются защитнику по предъявлении удостоверения адвоката и ордера».

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Рос. газета. № 9. 16.01.1997.

² О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 26.05.2021) // Рос. газета. № 139. 20.07.1995.

Продолжая тему практической эффективности рассматриваемых нами гарантий, следует отметить, что неопределенность толкования ряда норм российского законодательства создает простор не только для произвола со стороны должностных лиц, но и для злоупотреблений самих адвокатов. В практике имеют место мнимые сделки купли-продажи помещений, передаваемых адвокату лицами, защиту которых он осуществляет; аренды помещений у таких лиц с целью создания видимости осуществления адвокатской деятельности в данных помещениях. В таком случае помещения, в которых предполагалось проведение обыска, попадают под действие адвокатского «иммунитета», и, как следствие, могут быть изъяты не все значимые для дела материалы. Нередкими в уголовной юстиции России становятся, например, так называемые *сделки со следствием*, перенятые нашими адвокатами из американской практики (там это называется *сделками с правосудием*) и процессов некоторых других государств. Суть этого метода заключается в том, что обвиняемый соглашается на определенное предложение следователя в обмен на частичное прекращение дела по какому-либо эпизоду или иное следственное действие «в пользу» обвиняемого. Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) такая форма «сотрудничества» не предусмотрена (ст. 317.1 УПК РФ)¹, но применяется она на практике с незапамятных времен. При этом участвуют в таких сделках и адвокаты. С определенным допуском сюда можно было бы отнести, например, случаи прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием. На практике применение этой нормы хотя и напоминает американскую *сделку с правосудием*, фактически же ничего общего с ней не имеет.

Многие адвокаты категорически против каких бы то ни было незаконных сделок, в том числе и со следствием, и с правосудием. Как правило, в основе таких сделок лежат именно незаконные предложения. Например, взять вину на себя по более сложному эпизоду в обмен на прекращение дела по эпизоду формальному и т. д.

Адвокат, как и врач, всегда должен руководствоваться так называемым постулатом Авиценны «Не навреди!»: все его дела должны вестись так, чтобы нигде, ни в чем и ничем не помешать защищаемому им человеку.

Его задача – отказаться от подобного предложения следствия, основанного, по сути, на принципе сделки, но добиться в конечном итоге прекращения дела там, где вина его подзащитного не доказана, где обвинение построено на недопустимых доказательствах или где вообще нет преступных деяний. Там же, где вина подзащитного доказана и он ее не отрицает, помочь добиться для него максимального снисхождения.

Бывают и более сложные ситуации, когда правоохранительные органы, установив признаки преступления, не очень-то спешат дать делу надлежащий ход. Не без помощи адвоката при этом идет усиленная «обработка» обвиняемого на предмет получения от него откупного или взятки; или, например, смены бандитской «крыши», контролирующей бизнес предприятия; или установления иной формы контроля над предприятием; или «сдачи» вышестоящего начальника по службе; или продажи акций предприятия другому лицу, на которого указывают правоохранительные органы и т. д.

Участие адвоката в таком сговоре недопустимо, и, если сговор всё же происходит между обвиняемым и сотрудником правоохранительного органа, несмотря на возражения защиты, долг адвоката – написать рапорт своему руководству и отказаться от подобного торга, предложив своему доверителю расторгнуть договор.

Однако на такую крайнюю меру необходимо идти лишь тогда, когда позиции адвоката и обвиняемого по данному вопросу полностью не совпадают и когда действия правоохранительного органа и обвиняемого носят явно преступный характер, а сообщить о них в установленном порядке нельзя, так как тем самым ухудшится положение защищаемого человека.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // Рос. газета. № 249. 22.12.2001.

Если же преступному давлению на подзащитного есть иная альтернатива и обвиняемый солидарен в ее выборе со своим адвокатом, бросать своего подзащитного в такую сложную минуту – грубейшее нарушение адвокатского долга и этики. Выход из положения в таких случаях зависит всецело от опыта, мудрости, хитрости, иных подобных качеств и адвоката, и обвиняемого.

Например, от президента одной крупнейшей хозяйственной структуры потребовали передать контрольный пакет акций холдинга другой коммерческой организации, патронируемой государством. За «уступчивость» пообещали изменить меру пресечения на подписку о невыезде, а затем и вовсе прекратить уголовное дело. Согласие обвиняемого и его адвоката было получено [3].

Между тем, согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации применительно к взаимоотношениям адвокатов и доверителей в уголовном процессе, вмешательство органов государственной власти, в том числе путем доступа к материалам, содержащим сведения об их характере и содержании, возможно «при наличии обоснованных подозрений в злоупотреблении правом со стороны адвоката и в злонамеренном его использовании со стороны лица, которому оказывается юридическая помощь» [10]. Таким образом, вопрос о наличии либо отсутствии злоупотреблений во взаимоотношениях адвоката с другими лицами, участвующими в процессе, является важным фактором определения законности следственного действия, и судам необходимо разрешать его, исходя из обстоятельств каждого конкретного дела.

В заключение скажем, что анализ современной практики взаимоотношений адвокатов со своими клиентами выясняет ряд проблем, связанных с безопасностью доверителей. Данные проблемы возникают как из-за пробелов в области правового регулирования этой сферы (соответственно, требуется совершенствование законодательства для их ликвидации), так и по причине деформированного правосознания части адвокатов, не соответствующего требованиям к представителям этой профессии, призванным исполнять важнейшую миссию защиты прав граждан. Устранение последнего фактора в российских реалиях видится возможным при условии актуализации гуманистического принципа в системе методологических подходов к подготовке юридических кадров высшей квалификации.

Список источников

1. Похмелкин В. В. Методические основы оказания юридической помощи: учеб. пособие / АНО ВПО «ПСИ». Пермь, 2019.
2. Наумов В. В. Использование адвокатом информационных – инструментов в процессе досудебной подготовки к участию в арбитражном споре // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 1. С. 14–18.
3. Адвокатура в России: учебник для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Сергеева. М.: Юстицинформ, 2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Мирзоев Г. Б., Стецовский Ю. И. Профессиональный долг адвоката и его статус: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
5. Морозов А. В. Стандарты обеспечения адвокатской тайны // Адвокатская практика. 2020. № 2. С. 10–15.
6. Зинченко И. А., Слифиш М. В. Развитие института недопустимых доказательств в уголовно-процессуальном праве: проблемы и перспективы // Мировой судья. 2021. № 8. С. 18–23.
7. Ямшанов Б. Интервью с Гасаном Мирзоевым: Защитникам нужен закон, который защищал бы их самих [Электронный ресурс] // Рос. газета – федер. вып. № 213 (7971). 23.09.2019. URL: <https://rg.ru/2019/09/23/gasan-mirzoev-zashchitnikam-nuzhen-zakon-kotoryj-zashchishchal-by-ih-samih.html> (дата обращения: 20.10.2021).
8. Шаповал А. Б. Проблема допуска адвоката-защитника к подозреваемому на стадии предварительного расследования // Адвокатская практика. 2021. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Сухарев С. Н. Обеспечение безопасности адвокатов при реализации права осужденных на юридическую помощь // Адвокатская практика. 2020. № 6. С. 44–48.

10. Береза З. М., Сиукаева А. Р. Гарантии защиты прав адвокатов при проведении обыска в жилых и служебных помещениях: проблемы законодательного регулирования и практического применения // Адвокатская практика. 2021. № 3. С. 54–60.

References

1. Pokhmelkin V. V. Metodicheskie osnovy okazaniya yuridicheskoi pomoshchi [Methodical bases of rendering legal aid]: uchebnoe posobie, ANO VPO «PSI». Perm, 2019. (In Russ.)
2. Naumov V. V. Ispol'zovanie advokatom informatsionnykh instrumentov v protsesse dosudebnoi podgotovki k uchastiyu v arbitrazhnom spore [The use of information tools by a lawyer in the process of pre-trial preparation for participation in an arbitration dispute]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2021, no 1, pp. 14-18. (In Russ.)
3. Sergeeva V. I. Advokatura v Rossii: uchebnik dlya vuzov [Advocacy in Russia: a textbook for universities]. Moscov, Yustitsinform, 2019. (In Russ.)
4. Mirzoev G. B., Stetsovskii Yu. I. Professional'nyi dolg advokata i ego status [The professional duty of a lawyer and his status]: monografia, Moscov, YuNITI-DANA, 2003. (In Russ.)
5. Morozov A. V. Standarty obespecheniya advokatskoi tainy [Attorney Secrecy Standards]. *Advokatskaya praktika*, 2020, no 2, pp. 10-15. (In Russ.)
6. Zinchenko I. A., Slifish M. V. Razvitie instituta nedopustimykh dokazatel'stv v ugo-lovno-protsessual'nom prave: problemy i [Development of the Institute of Inadmissible Evidence in Criminal Procedure Law: Problems and Prospects]. *Mirovoi sud'ya*, 2021, no 8, pp. 18-23. (In Russ.)
7. Yamshanov B. Interv'yu s Gasanom Mirzoevym: Zashchitnikam nuzhen zakon, kotoryi zashchishchal by ikh samikh [Interview with Hasan Mirzoev: Defenders need a law that would protect themselves]. *Rossiiskaya gazeta - federal'nyi vypusk*, no 213(7971), 23.09.2019. (In Russ.). Available at: <https://rg.ru/2019/09/23/gasan-mirzoev-zashchitnikam-nuzhen-zakon-kotoryj-zashchishchal-by-ih-samih.html> (accessed: 20.10.2021).
8. Shapoval A. B. Problema dopuska advokata-zashchitnika k podozrevaemomu na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya [The problem of admitting a defense lawyer to a suspect at the stage of preliminary investigation]. *Advokatskaya praktika*, 2021, no 4. (In Russ.)
9. Sukharev S. N. Obespechenie bezopasnosti advokatov pri realizatsii prava osuzhdennykh na yuridicheskuyu pomoshch' [Ensuring the safety of lawyers in the exercise of the right of convicts to legal assistance]. *Advokatskaya praktika*. 2020, no 6, pp. 44-48. (In Russ.)
10. Bereza Z. M., Siukaeva A. R. Garantii zashchity prav advokatov pri provedenii obyska v zhilykh i sluzhebnykh pomeshcheniyakh: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya i prakticheskogo primeneniya [Guarantees for the Protection of the Rights of Lawyers during a Search in Residential and Office Premises: Problems of Legislative Regulation and Practical Application], *Advokatskaya praktika*, 2021, no 3, pp. 54-60. (In Russ.)

Информация об авторе

**П. В. Бойко – старший преподаватель кафедры
«Гражданское право и гражданский процесс»,
Прикамский социальный институт.**

Information about the author

**P. V. Boyko – Senior Lecturer at the Department
of Civil Law and Civil Procedure,
Prikamsky Social Institute.**

Статья поступила в редакцию 20.10.2021; одобрена после рецензирования 03.11.2021; принята к публикации 03.11.2021.

The article was submitted 20.10.2021; approved after reviewing 03.11.2021; accepted for publication 03.11.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 58–62.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 58-62.

Научная статья
УДК 343.8

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ КОНВОИРОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Вячеслав Александрович Шиханов

Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия, va_shihanov@mail.ru

Аннотация. В статье освещаются особенности организации конвоирования заключенных в Швейцарии, Великобритании и США. В процессе реализации основных принципов международного законодательства, регламентирующего стандарты и нормы обращения с заключенными, выдвигаются определенные требования по оборудованию транспортных средств, используемых для перевозки заключенных. На примере работы частных компаний и специальных подразделений, предоставляющих Министерству юстиции Швейцарии, Великобритании и США услуги по вооруженному сопровождению и охране, рассматривается международный опыт по конвоированию.

Ключевые слова: осужденные, конвоирование, зарубежный опыт, специальный автомобиль, оборудование.

Для цитирования: Шиханов В. А. Зарубежный опыт конвоирования заключенных // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 58–62.

Original article

FOREIGN EXPERIENCE IN THE ESCORT OF PRISONERS

Vyacheslav A. Shihanov

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia,
va_shihanov@mail.ru

Abstract. The article focuses on the organization of prisoner escorts in Switzerland, the United Kingdom and the United States. In implementing the basic principles of international law governing standards and norms for the treatment of prisoners, certain requirements are imposed for the equipment of vehicles used for the transport of prisoners. International experience in escort operations is discussed in the case of private companies and special units providing armed escort and security services to the Department of Justice of Switzerland, the United Kingdom and the United States. The article focuses on the organization of prisoner escorts in Switzerland, the United Kingdom and the United States. In implementing the basic principles of international law governing standards and norms for the treatment of prisoners, certain requirements are imposed for the equipment of vehicles used for the transport of prisoners. International experience in escort operations is discussed in the case of private companies and special units providing armed escort and security services to the Department of Justice of Switzerland, the United Kingdom and the United States.

Keywords: convicts, convoys, foreign experience, special car, equipment.

For citation: Shihanov V. A. Foreign experience in the escort of prisoners. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 58-62. (In Russ.)

На сегодняшний день основным принципом в уголовно-исполнительном законодательстве нашей страны и всего международного сообщества, касающимся обращения с лицами, находящимися в изоляции, выступает ст. 10 Международного пакта о гражданских и политических правах¹. На основании данной нормы все лица, лишенные свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности.

Среди обращений осужденных и заключенных под стражу лиц, рассматриваемых Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) по случаям оспаривания прав, на основании норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года² нередко встречаются жалобы на следственные действия, на бесчеловечные условия перевозки заключенных – как при конвоировании из следственных изоляторов и изоляторов временно-го содержания, так и при конвоировании к месту отбывания наказания. ЕСПЧ применяется норма, которая изложенная в ст. 3 нормативно-правового акта о запрещении пыток. В данной ситуации ЕСПЧ признает пыткой время пребывания заключенных или осужденных лиц в транспортных средствах, используемых для конвоирования.

Проблема не является новой и существует достаточно давно. Дело в том, что в начале 1990-х годов после исторически зафиксированного парада суверенитетов стран, относящихся к числу союзных республик (Советского Союза), на всем постсоветском пространстве остались известные подразделения внутренних войск, которые и по сей день выполняют служебные задачи по конвоированию осужденных и заключенных под стражу лиц в железнодорожных вагонах и специальных автомобилях. Однако ситуация обострилась после вхождения этих стран в Совет Европы, когда делегации Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания (далее – Комитет или ЕКПП) выявили факты недостаточного внутреннего пространства камер для перевозимых в них заключенных. В своих отчетах Комитет ЕКПП констатировал ситуацию, существовавшую на тот момент. Так, делегация ЕКПП, которая в 1996 году посетила Польшу, выявила в СИЗО «Варшава-Бялоленка» специальный автомобиль, на базе грузового автомобиля «Стар», в котором были оборудованы две камеры, площадью 3,8 м²; автомобиль был рассчитан на перевозку до 12 человек. Комитет признал данный автомобиль непригодным, особенно для длительных перевозок более 24 человек заключенных, и по итогам своего посещения также указал на невозможность перевозки заключенных по автомобильным трассам в плохо освещенных и недостаточно вентилируемых одиночных камерах площадью 0,5 м² [1, с. 6].

Со специальными вагонами было тоже не всё в порядке: здесь на каждого заключенного и осужденного выделялось по 0,3 м². Жалобы на создание негуманных условий конвоирования подали осужденные Литвы в 2000 году, после чего ЕКПП был детально изучен вагон, используемый для конвоирования на маршруте Вильнюс–Клайпеда. В транспортном средстве комиссией было обнаружено пять больших камер площадью 3,5 м² (170 см в ширину и 205 см в глубину), камеры предназначались для перевозки до 16 заключенных, и четыре малых камеры, площадью 2 м² (170 × 205 см), в которых можно было перевозить до шести заключенных [1, с. 7]. Тогда вердикт ЕКПП был однозначным, и поскольку необходимость в специальном вагоне еще была, то властям Литвы ЕКПП рекомендовал сни-

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04.1976. № 17. Ст. 291.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с Протоколом [№ 1] (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 «Об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

зить количество перевозимых людей в камерах; в итоге норма посадки в больших камерах составила до шести заключенных, а в малых – до трех. После таких выводов работы ЕКПП в странах, вошедших в Совет Европы, стали задумываться над решением этой проблемы, а после прецедентов, произошедших в России, и у нас в стране.

Так, 3.04.2017 ЕСПЧ, приняв жалобу «Томов и другие (*Tomov and Others*) против Российской Федерации» (жалоба № 41234/16), поставил перед властями Российской Федерации вопрос о необходимости в вынесении «пилотного постановления», посвященного условиям перевозок российских заключенных автомобильным и железнодорожным транспортом. Это знаковое решение послужило толчком в улучшении условий перевозки осужденных и заключенных у нас в стране. На сегодняшний день в системе мер по улучшению условий перевозки осужденных и заключенных железнодорожным транспортом идет планомерная замена старых специальных вагонов на вагоны нового образца. Пересмотрены и оптимизированы маршруты конвоирования, с учетом минимального количества рейсов и максимальной загрузки специальных транспортных средств. Как отмечает В. И. Бубенцов, плановые железнодорожные, автодорожные, водные и воздушные маршруты ежегодно уточняются. При необходимости в них вносятся изменения [2, с. 4]. Меняется парк специальных автомобилей. Так, в 2016 году проведена апробация новых моделей спецавтомобилей типа «АЗ» на шасси «ГАЗон NEXT» и «ГАЗель NEXT», а с 2017 года наложен выпуск новых моделей спецавтомобилей. Но при этом нам не стоит останавливаться на достигнутом и забывать про зарубежный опыт.

Зарубежная практика в перевозке заключенных демонстрирует нам свой подход к конвоированию. Результаты анализа зарубежного опыта показывают положительную динамику в организации полного или частичного использования аутсорсинга в перевозке заключенных и полной передачи этой функции частным компаниям, оказывающим данную услугу. Например, в Швейцарии эту услугу осуществляют посторонние организации, не входящие в штаты пенитенциарной системы страны. Данный шаг позволил заметно улучшить условия перевозки заключенных, как констатирует ЕКПП, но высокий уровень безопасности при перевозках может быть достигнут только при тесном сотрудничестве производителей автотранспорта, транспортных компаний, оказывающих услуги перевозки заключенных, и пенитенциарной системы, которая обладает достаточными сведениями о заключенных.

В Германии, напротив, данный подход не используется и конвоирование заключенных осуществляют представители правоохранительных органов, сотрудники полиции и пенитенциарных учреждений.

Вместе с тем в США для организации перевозки заключенных функционирует целая правительственная транспортная система *JPATS*. Данная система обслуживает пенитенциарные учреждения Федерального бюро тюрем США. Однако используются также и услуги транспортных компаний, не входящих в эту систему. Такие частные компании, как *PTS of America, LLC* и другие замечательно справляются с вопросами перевозки заключенных.

Перевозка заключенных в США регламентируется гл. 34 Кодекса США, в соответствии с чем Генеральный прокурор совместно с Американской исправительной ассоциацией и департаментом транспорта для конвоирования заключенных частными компаниями разработали и приняли определенные правила перевозки заключенных в различных штатах, которые предусматривают лояльные стандарты к частным компаниям, но исключением являются требования по обеспечению безопасности и защиты, которые применяются также и для контроля за деятельностью Службы марshallов.

Пенитенциарная система перевозки заключенных и иностранцев (*JPATS*), получившая название *Con Air* или *ICE Air*, является учреждением федерального правительства Соединенных Штатов, функциональной обязанностью которого является перевозка лиц, находящихся под законным арестом, между тюрьмами, следственными изоляторами, судами

и другими местами пребывания заключенных. Агентство управляетя Службой маршалов Соединенных Штатов из штаб-квартиры *JPATS* в Канзас-Сити, штат Миссури. *JPATS* был образован в 1995 году в результате слияния воздушного флота Службы маршалов и Службы иммиграции и натурализации. *JPATS* совершаает более чем 260 тысяч перемещений заключенных и иностранцев в год [3, с. 181].

В Великобритании перевозкой заключенных занимаются такие частные компании, как *GEOAmey LTD* и *Serko LTD*, но в интересах Министерства юстиции, Службы сопровождения и содержания заключенных (*PECK*), под контролем со стороны государственных органов и при условии лицензирования на осуществление данных услуг.

На сегодняшний день в ЕСПЧ налажена обширная прецедентная практика по отстаиванию интересов заключенных, перевозимых в ненадлежащих условиях в специальных транспортных средствах. Данный факт определяет устранение имеющихся недостатков в организации перевозок заключенных любой страны мира и приведение в соответствие с имеющимися международными стандартами обращения с заключенными.

Детально рассматривая работу стран в этом направлении, стоит отметить опыт Великобритании. Так, в Великобритании конвоирование заключенных регламентируется специальным руководством (*Prison Service Improvement (PSI)* – совершенствование пенитенциарной службы), включающим в себя указания по конвоированию заключенных вне пенитенциарных учреждений и разъяснения в отношении нарушений в пути следования. Совершенствуется оборудование специальных автомобилей для конвоирования, акцент делается на обеспечение надлежащих условий безопасности и защиты, также применяются инновационные технологии для определения нахождения специального автомобиля на маршруте следования.

В заключение нашего анализа зарубежного опыта конвоирования хотелось отметить, что все рассмотренные подходы в организации конвоирования различных стран мира ориентированы на соблюдение прежде всего международных стандартов, принятых в сфере перевозки заключенных, а также учитывают и вопросы безопасности и защиты транспортных средств, используемых для конвоирования заключенных.

Список источников

1. Мезак Э. Условия транспортировки заключенных и отбывания ими наказания в местах лишения свободы, существенно удаленных от места жительства близких родственников // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2017. № 4. С. 4–10.
2. Бубенцов В. И Совершенствование условий перевозки осужденных и лиц, содержащихся под стражей, автомобильным и авиационным транспортом // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 2 (189). С. 2–8.
3. Косолапов Ю. В., Сивова А. А. Перемещение правонарушителей специальным транспортом в зарубежных странах // Транспортное право и безопасность. 2020. № 2 (34). С. 177–186.

References

1. Mezak E. Usloviya transportirovki zaklyuchennykh i otbyvaniya imi nakazaniya v mestakh lisheniya svobody, sushchestvenno udalennykh ot mesta zhitel'stva blizkikh rodstvennikov [Conditions for transporting prisoners and serving their sentences in places of deprivation of liberty, significantly removed from the place of residence of close relatives]. *Pretsedenty Evropeiskogo suda po pravam cheloveka*. 2017, no 4, pp. 4-10. (In Russ.)
2. Bubentsov V. I Sovershenstvovanie uslovii perevozki osuzhdennykh i lits, soderzhashchikhsya pod strazhei, avtomobil'nym i aviatsionnym transportom [Improvement of the conditions for the transportation of convicts and persons held in custody by road and air transport]. *Vedomosti ugovolnov-ispolnitel'noi sistemy*, 2018, no 2 (189), pp. 2-8. (In Russ.)
3. Kosolapov Yu. V., Sivova A. A. Peremeshchenie pravonarushitelei spetsial'nym transpor-tom v zarubezhnykh stranakh [Moving offenders by special transport in foreign countries]. *Transportnoe pravo i bezopasnost'*, 2020, no 2 (34), pp. 177-186. (In Russ.)

Информация об авторе

V. A. Шиханов – заместитель начальника кафедры
«Режим и охрана в уголовно-исполнительной системе»,
Самарский юридический институт ФСИН России.

Information about the author

V. A. Shihanov – Deputy Head of the Department
of Regime and Security in the Penal System,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Статья поступила в редакцию 10.09.2021; одобрена после рецензирования 25.09.2021;
принята к публикации 25.09.2021.

The article was submitted 10.09.2021; approved after reviewing 25.09.2021; accepted for
publication 25.09.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 63–67.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 63-67.

Научная статья
УДК 343.163.5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Денис Николаевич Маринкин¹, Юлия Владимировна Маленьких²

¹Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

^{1,2}Прикамский социальный институт, Пермь, Россия

¹marinkindn@yandex.ru

Аннотация. В системе государственной власти Российской Федерации прокуратура занимает особое положение. Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» закреплено понятие «прокуратура», согласно которому она представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, которые осуществляют наряду с другими функциями прежде всего надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на всей территории Российской Федерации. Важнейшими аспектами успешного осуществления прокурорского надзора и иной деятельности прокуратуры являются прочные знания прокуроров и их помощников, а также специфика и особенности разносторонней работы прокуратуры, применение своих полномочий к конкретным направлениям деятельности прокурорами, умение правильно, на научной основе организовать работу на порученных участках, мастерское владение тактикой и методикой для осуществления прокурорского надзора и иной деятельности. На сегодняшний день прокурорский надзор продолжает оставаться самостоятельным правовым явлением, отличным от прочих видов контрольной деятельности. Однако можно заметить, что при реализации прокурорского надзора на территории Российской Федерации возникает ряд организационно-правовых проблем, которые снижают его эффективность, поэтому в данной статье рассматривается наиболее важные из них. Кроме того, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, надзорные полномочия, закон, государство.

Для цитирования: Маринкин Д. Н., Маленьких Ю. В. Актуальные проблемы прокурорского надзора в Российской Федерации // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 63–67.

Original article

CURRENT PROBLEMS OF PROSECUTOR'S SUPERVISION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Denis N. Marinkin¹, Yulia V. Malenkih²

¹Perm State University, Perm, Russia

^{1,2}Prikamsky Social Institute, Perm, Russia

¹marinkindn@yandex.ru

Abstract. In the system of state power, the Prosecutor's Office of the Russian Federation occupies a special position. The federal law “On the Prosecutor's Office of the Russian Federation” establishes the concept of the Prosecutor's Office, according to which it is a single federal centralized system of bodies

that carry out, along with other functions, primarily supervision of compliance with the Constitution of the Russian Federation and the implementation of laws in force throughout the Russian Federation. The most important aspects of the successful implementation of prosecutorial supervision and other activities of the prosecutor's office are the strong knowledge of prosecutors and their assistants, as well as the specifics and features of the versatile work of the prosecutor's office, the application of their powers to specific areas of activity by prosecutors, the ability to correctly organize work on the assigned sites on a scientific basis, MAS tactics and techniques for carrying out about resort supervision and other activities. To date, prosecutorial supervision continues to be an independent legal phenomenon, different from other types of control activities. However, it can be noted that during the implementation of prosecutor's supervision on the territory of the Russian Federation, a number of organizational and legal problems arise that reduce its effectiveness. Therefore, this article deals with the relevance of the topic, and also shows the most important problems. In addition, ways to solve them are proposed.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision, supervisory powers, law, state.

For citation: Marinkin D. N., Malenkih Yu. V. Current problems of prosecutor's supervision in the Russian Federation. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 63-67. (In Russ.)

На основе анализа норм Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹ (далее – Закон № 2202-1) можно выделить следующие функции прокуратуры: надзор, уголовное преследование, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования, а также осуществление международного сотрудничества.

Прокурорский надзор как главная функция носит комплексный характер, поскольку состоит в наблюдении за законностью деятельности огромного круга субъектов, в применении предусмотренных нормами права мер для ликвидации последствий правонарушений, восстановления нарушенных прав и привлечения виновных к ответственности.

Прокурорский надзор, безусловно, играет значительную роль в современном правовом государстве² и гражданском обществе, которая заключается не только в выявлении, но и в предупреждении и профилактике нарушений прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации [1], а также, как отмечалось выше, в их восстановлении, в связи с чем исследование проблем в сфере теории и практики прокурорского надзора, безусловно, является актуальным.

В такой правоприменительной деятельности наряду с положительными можно выявить и некоторые отрицательные моменты.

Рассмотрим конкретные проблемы прокурорского надзора и пути их решения.

Во-первых, статистические данные позволяют говорить о достаточно низких показателях законности деятельности органов дознания, органов предварительного следствия на этапе проведения доследственных проверок (возбуждение уголовного дела) [2; 3; 4; 5], что влечет несоразмерное увеличение рабочей нагрузки органов прокуратуры, связанной с осуществлением надзорной деятельности по данному направлению.

Решением этого видится увеличение срока проверки сообщений о преступлениях до 15 суток вместо 10 суток по мотивированному ходатайству следователя, с возможным продлением до 45 суток вместо 30 суток. Указанное влечет переработку нормы, предусмотренной ч. 3 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Таким образом, увеличение сроков проверки информации о признаках преступлений позволит значительно снизить нагрузку на подразделения доз-

¹ О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 1.07.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Рос. газета. № 39. 18.02.1992.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 04.11.2021).

нания и следствия, что положительно скажется на результатах их работы, а вследствие этого улучшит показатели прокурорского надзора за рассматриваемым институтом, снизив рабочую нагрузку органов прокуратуры в этом направлении надзорной деятельности.

Во-вторых, ежегодно фиксируется высокий объем рабочей нагрузки на прокуроров и их помощников при осуществлении всех видов прокурорского надзора (в иных направлениях) [6; 7]. В частности, это влечет постоянную смену кадрового состава.

В данном случае, думаем, следует расширять штат органов прокуратуры (например, за счет увеличения количества ставок помощников прокуроров). Данная мера позволит снизить объемы рабочей нагрузки по осуществлению надзорной деятельности, возложенной как на помощника прокурора, так и на самих прокуроров.

В-третьих, научные исследования практики работы современных прокуроров свидетельствуют о снижении уровня профессиональной компетенции помощников прокуроров региональных органов прокуратуры (в частности, городских и районных прокуратур) [7].

Мы полагаем, что разрешение данной проблемы возможно путем ежегодного (по наиболее проблемным вопросам: ежеквартального) проведения дополнительного профессионального обучения среди помощников прокуроров по вопросам осуществления надзорной деятельности на базе высших учебных заведений (юридических факультетов) [8] с привлечением известных в научно-педагогическом сообществе преподавателей в области прокурорского надзора, а также наиболее квалифицированных сотрудников органов прокуратуры (судей и адвокатов). Финансирование данного обучения должно производиться за счет средств федерального бюджета.

В-четвертых, современное российское законодательство не содержит надзорных полномочий прокуроров в отношении граждан. Полагаем, что необходимость прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства гражданами продиктована современными реалиями [9].

Для решения данной проблемы считаем необходимым и целесообразным внести соответствующие изменения в ч. 2 ст. 1 Закона № 2202-1, направленные на включение в круг поднадзорных субъектов также и российских граждан (возможно, и граждан других государств, лиц без гражданства).

В-пятых, правовые акты не содержат надзорных полномочий прокуроров за соблюдением прав организаций.

Решением этой проблемы, на наш взгляд, является установление такого прокурорского надзора – за соблюдением прав организаций, что также обусловлено современным развитием общественных отношений на территории российского государства. В этой связи полагаем необходимым внести изменения в закон № 2202-1, закрепляющие новую главу, в рамках которой будут регламентированы предмет и полномочия прокуроров в ходе осуществления ими прокурорского надзора за соблюдением прав организаций.

Подводя итоги, отметим, что выше указаны лишь наиболее важные проблемы прокурорского надзора и их возможные решения. Акцентуация на этих проблемах со стороны теоретиков и практиков юриспруденции позволит повысить эффективность прокурорского надзора в целом и не только усовершенствовать организационную деятельность органов прокуратуры, но и приблизиться к высшей цели – совершенствованию и повышению эффективности работы всех поднадзорных правоохранительных органов с учетом указанных выше направлений.

Список источников

1. Маринкин Д. Н. Защита прав личности – приоритетная тактическая цель уголовного процесса Российской Федерации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 5. Ч. 1. С. 109–112.

2. Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 20.11.2021).
3. Шилов Е. С. Полномочия прокурора при надзоре за процессуальной деятельностью на стадии возбуждения уголовного дела // Трибуна ученого. 2021. № 3. С. 140–147.
4. Ильюхов А. А. Доследственная проверка и вопросы, возникающие в ходе ее проведения на стадии возбуждения уголовного дела в рамках дел, рассмотренных судом с участием суда присяжных заседателей [Электронный ресурс]. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/74145-dosledstvennaya-proverka-voprosy-voznikayushchie-khode-provedeniya-stadii> (дата обращения: 20.11.2021).
5. Скугаревский Д. Досудебное следствие до возбуждения уголовного дела [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. 03 июня 2018 г. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/dosudebnoe-sledstvie-do-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela/> (дата обращения: 20.11.2021).
6. Курчавенкова А. В. Некоторые проблемы прокурорской деятельности в сфере учета преступлений // Актуальные проблемы прокурорской деятельности: сб. материалов науч.-практ. конф. Москва, 27 ноября 2015. М., 2016. С. 35–40.
7. Каух П. В. Проблемы совершенствования прокурорской деятельности в России // Инновации, наука, образование. 2021. № 32. С. 293–305.
8. Хайменова А. В., Егоров О. Н. Подготовка кадров в органы прокуратуры Российской Федерации // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2019. № 1 (15). С. 70–73.
9. Макеева В. Н. Полномочия прокурора по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 542–546.

References

1. Marinkin D. N. Zashchita prav lichnosti - prioritetnaya takticheskaya tsel' ugolovnogo protsessa Rossiiskoi Federatsii [Protection of individual rights is a priority tactical goal of the criminal procedure of the Russian Federation]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2016, vol. 8, no 5, part. 1, pp. 109-112. (In Russ.)
2. Rezul'taty deyatel'nosti organov prokuratury Rossiiskoi Federatsii [The results of the activities of the prosecution authorities of the Russian Federation]. *General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii*. (In Russ.). Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (accessed: 20.11.2021). (In Russ.)
3. Shilov E. S. Polnomochiya prokurora pri nadzore za protsessual'noi deyatel'nost'yu na stadii vozbuздheniya ugolovnogo dela [Powers of the Prosecutor in Supervising Procedural Activities at the Stage of Initiating a Criminal Case]. *Tribuna uchenogo*, 2021, no 3, pp. 140-147. (In Russ.)
4. Il'yukhov A. A. Dosledstvennaya proverka i voprosy, voznikayushchie v khode ee provedeniya na stadii vozbuздheniya ugolovnogo dela v ramkakh del, rassmotrennykh sudom s uchastiem suda prisazhnykh zasedatelei [Pre-investigation check and issues arising in the course of its conduct at the stage of initiation of a criminal case in the framework of cases considered by the court with the participation of the jury]. (In Russ.). Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/74145-dosledstvennaya-proverka-voprosy-voznikayushchie-khode-provedeniya-stadii> (accessed: 20.11.2021). (In Russ.)
5. Skugarevskii D. Dosudebnoe sledstvie do vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [Skugarevsky D. Pre-trial investigation before the initiation of a criminal case]. *Advokatskaya gazeta*, 03 iyunya 2018 g. (In Russ.). Available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/dosudebnoe-sledstvie-do-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela/> (accessed: 20.11.2021). (In Russ.)
6. Kurchavenkova A. V. Nekotorye problemy prokurorskoi deyatel'nosti v sfere ucheta prestuplenii [Some problems of prosecutorial activities in the field of crime registration]. *Aktual'nye problemy prokurorskoi deyatel'nosti*, 2015, Moscow, 2016, pp. 35-40. (In Russ.)
7. Kaukh P. V. Problemy sovershenstvovaniya prokurorskoi deyatel'nosti v Rossii [Problems of improving prosecutorial activities in Russia]. *Innovatsii, nauka, obrazovanie*, 2021, no 32, pp. 293-305.
8. Khaimenova A. V., Egorov O. N. Podgotovka kadrov v organy prokuratury Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Ural'skogo finansovo-yuridicheskogo instituta, 2019, № 1 (15), pp. 70-73, (In Russ.)
9. Makeeva V. N. Polnomochiya prokurora po nadzoru za soblyudeniem praw i svobod cheloveka i grazhdanina [The powers of the prosecutor to supervise the observance of human and civil rights and freedoms]. *Voprosy rossiiskoi yustitsii*, 2021, no 11, pp. 542-546. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. Н. Маринкин – кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Предпринимательство и экономическая безопасность» экономического факультета,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
заведующий кафедрой «Уголовное право и уголовный процесс»,
Прикамский социальный институт;
Ю. В. Маленьких – студентка 2-го курса, направление «Юриспруденция»,
Прикамский социальный институт.

Information about the authors

D. N. Marinkin – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
at the Department of Entrepreneurship and Economic Security of the Faculty of Economics,
Perm State University,
Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure,
Prikamsky Social Institute, Perm, Russia;
Yu. V. Malenkih – 2nd Year Student of the Direction of Training “Jurisprudence”,
Prikamsky Social Institute.

Статья поступила в редакцию 22.11.2021; одобрена после рецензирования 02.12.2021;
принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 22.11.2021; approved after reviewing 02.12.2021; accepted for
publication 02.12.2021.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 68–75.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 68-75.

Научная статья

УДК 338.22.691

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ

Владимир Закирович Абдрахимов¹, Станислав Романович Шапиро²,

Дмитрий Владимирович Абдрахимов³

^{1, 2} Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

¹ 3375892@mail.ru

² S.shapiro7@yandex.ru

³ Школа № 16, Самара, Россия, 3375892@mail.ru

Аннотация. В мировой экономической системе в настоящее время одним из важных процессов становится переход к цифровой системе практически во всех сферах деятельности и отраслях, включая строительство. В XXI веке к сложной самоорганизующейся открытой системе можно отнести инвестиционно-строительный комплекс. Процессы цифровизации в строительной отрасли находятся под постоянным контролем Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации: создается нормативная база, формируется группа высококвалифицированных специалистов, предназначенных для создания информационной модели строительной отрасли, определяются сроки реализации этапов цифровизации. Предполагается как можно более плавный переход к широкому использованию цифровых технологий в строительстве. При этом имеющийся опыт применения цифровых технологий в данном сегменте экономики BIM-технологии демонстрирует, что подобные инновации способствуют существенному увеличению экономической выгоды и повышению конкурентоспособности строительных компаний. Особенно в строительном секторе наблюдается необходимость в использовании BIM-технологии, которая за счет бюджетных средств будет распространена на все новые строительные проекты.

Ключевые слова: цифровая экономика, перспективные направления, информационные технологии, инвестиционно-строительный комплекс, моделирование.

Для цитирования: Абдрахимов В. З., Шапиро С. Р., Абдрахимов Д. В. Перспективы развития цифровой экономики в России // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 68–75.

Original article

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY IN RUSSIA ON THE EXAMPLE OF THE CONSTRUCTION INDUSTRY

Vladimir Z. Abdrrakhimov¹, Stanislav R. Shapiro², Dmitry V. Abdrrakhimov³

^{1, 2} Samara State University of Economics, Samara, Russia

¹ 3375892@mail.ru

² S.shapiro7@yandex.ru

³ School no. 16, Samara, Russia, 3375892@mail.ru

Abstract. In the global economic system, the transition to a digital system is currently becoming one of the most important processes in almost all spheres of activity and industries, including construction. In the XXI century, the investment and construction complex can be attributed to a complex self-organizing open system. The digitalization processes in the construction industry are under constant control of the Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation: a regulatory framework is being created, a group of highly qualified specialists is formed to create an information model for the construction industry, and the timing of the digitalization stages is determined. It is assumed that the transition to the widespread use of digital technologies in construction is as smooth as possible. At the same time, the existing experience of using digital technologies in this segment of the BIM technology economy demonstrates that such innovations contribute to a significant increase in economic benefits and increase the competitiveness of construction companies. Especially in the construction sector, there is a need to use BIM technology, which will be extended to all new construction projects at the expense of budgetary funds.

Keywords: digital economy, promising areas, information technologies, investment and construction complex, modeling.

For citation: Abdrahimov V. Z., Shapiro S. R., Abdrahimov D.V. Prospects for the development of the digital economy in Russia. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 68-75. (In Russ.)

Цифровая экономика в мире

Американским информатиком Николасом Негропонте было впервые введено само понятие «цифровая экономика» в 1995 году [1]. Концепцию цифровой экономики Николас сформулировал при рассуждении о необходимости ликвидации недостатков, связанных с товарами и услугами, находящихся в физическом воплощении, так как электронная торговля имеет по отношению к обычной большое преимущество. Николас для формулирования концепции использовал сравнение с переходом от обработки атомов к обработке битов. Он говорил о недостатках классических товаров (вес, сырье, транспорт) и преимуществах новой – цифровой экономики (отсутствие веса товаров, виртуальность, почти не нужно сырье, мгновенное глобальное перемещение).

К цифровым современным технологиям, в частности, можно отнести математические технологии и технологии компьютерного моделирования, технологии *Big Data*, которые позволяют работать с огромными массивами информации. Кроме того, к цифровым технологиям относят: интеллектуальные технологии, определяющие местонахождение; дисковое пространство, выделяемое на удаленном ресурсе (облачные сервисы), интеллектуальные датчики и SD-печати, мобильные устройства. С развитием и использованием цифровых технологий не только изменяются производственные отношения между людьми, но и меняется сама повседневная жизнь человечества, связанная с образованием, экономикой, к которым возникают новые требования. Новые требования на современном уровне возникают также в коммуникациях, информационных вычислительных мощностях, сервисах и других системах.

Передовые страны мира уже в 2020 году считали, что в ближайшие три–пять лет практически каждое предприятие, независимо от выпуска продукции, перевоплотится в «цифровую инновационную экономику». Такое перевоплощение (трансформация) будет включать в себя не только активное использование традиционных для бизнеса приложений – управление кадрами, финансами, закупками и другими возможными операциями (*CRM*), но и самостоятельную разработку оперативных и полноценных приложений по клиентским запросам. Для решения вышеназванных задач по ключевым вопросам должны обязательно осуществляться согласованные действия между организациями и владельцами необходимых технологических процессов, но для этого необходимо сначала определить «болевые» точки и ликвидировать их – начиная с недостатка цифровых навыков у персонала, то есть работы с представленными данными, и заканчивая рисками и новыми вызовами, связанными с цифровой экономикой.

Исследования, проведенные компанией *Gartner*, показали, что каждый элемент и каждая функция корпоративной структуры в процессе перехода к цифровой экономике очень важны. *Gartner* – это исследовательская и консалтинговая компания, которая специализируется именно на рынках информационных технологий. Начиная с первой половины 1990-х годов компания *Gartner* поглотила более 30 компаний, которые были в основном конкурентами на рынке исследований, причем как работавших в отдельных регионах, так и глобальных.

Программа цифровой экономики в России

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», зафиксировавшая создание условий для перехода к социальному-экономическому развитию в современных условиях, Правительством РФ была утверждена еще в 2017 году. В этой программе указаны задачи, поставлены цели и определены направления развития, с учетом сроков реализации. Вышеуказанная программа по формированию цифровой экономики и цифровой технологии охватывает не только все сегменты существующего хозяйства, но и сферы социальной деятельности, включая и государственное управление.

Реализация программы уже изначально предусматривала изменение перечня сфер и направлений по мере появления и развития новых технологий. Так, уже в январе 2018 года премьер-министром РФ Д. А. Медведевым было поручено представить в Правительство Российской Федерации предложения по включению в программу «Цифровая экономика Российской Федерации» новых направлений, предусматривающих цифровую трансформацию отдельных отраслей экономики и социальной сферы. В предварительный список были включены образование, здравоохранение, госуправление, транспорт и логистика, агропромышленный сектор, финансовые технологии, энергетика, электронная торговля и «умный город», предложенный Министерством строительства и ЖКХ РФ.

Цифровая экономика, безусловно, оказывает положительное воздействие на конкурентоспособность государства, его суверенитет, повышение качества жизни граждан. В Российской Федерации переход большого числа сегментов существующей экономики на цифровую запланирован на 2024 год.

Строительно-инвестиционный комплекс

В XXI веке к сложной самоорганизующейся открытой системе можно отнести инвестиционно-строительный комплекс [2]. Периодические изменения, связанные с повышением качества процесса самоорганизации строительно-инвестиционного комплекса, относятся к эволюционным, так как происходящие изменения носят бифуркационный характер и приводят атTRACTоры (англ. *attract* – привлекать, притягивать) развития к смене. Под бифуркацией в настоящей работе понимаются качественные всевозможные изменения (перестройки, метаморфозы) при изменении параметров исследуемых объектов. Причем такие бифуркационные изменения могут быть вызваны в системе строительно-инвестиционного комплекса как противоречиями внутреннего характера, так и различными внешними факторами.

Строительно-инвестиционный комплекс пережил в своем развитии не одно бифуркационное изменение, которые были вызваны противоречиями, сформировавшимися еще в конце XX века. Можно выделить и фундаментальные противоречия, которые, вероятнее всего, сложились между целью рыночной экономики, извлекающей прибыли, и экономической системой в целом, создающей по основным фондам качественные объекты.

Между качеством производственной базы и динамикой развития в строительной отрасли также возникают противоречия. Эти противоречия связаны с инвестициями и объемами комплекса. Такие комплексы имеют еще и структурные диспропорции, которые в большинстве случаев обусловлены недостаточным финансированием особенно непри-

быльных, но необходимых направлений в строительстве. Хотя в развитии строительно-инвестиционного комплекса и наблюдается эволюционная стадия, но это не означает прекращение изменений, так как, исходя из методологического подхода к социально-экономическому развитию, экономические процессы имеют волнобразный характер.

Цифровая экономика – BIM-технологии

Строительная отрасль часто критикуется за повышенный консерватизм, в особенности за бюрократизм в документообороте и в стандартизации, поэтому эту отрасль по внедрению цифровых технологий пока относят к отстающей. Сложности по использованию передовых технологий в строительном сегменте в первую очередь связаны с жесткими требованиями при строительстве объектов – это повышенные требования к технике безопасности. Поэтому каждая внедряющаяся новейшая технология обязана иметь стандартизацию с учетом техники безопасности, нормативную базу и конечную стоимость с самоокупаемостью. Конечная стоимость с учетом ее разработки обязательно должна быть адекватной эффективности с учетом сокращения в настоящем и будущем затрат, а по времени – пролонгированной. Передовые технологии, как все новое, требуют соответствующего проектирования комплекса и прилагающихся к нему работ с привлечением в качестве руководителя проекта квалифицированных специалистов (проект-команда) и качественного контроля.

Хотя использование цифровых технологий дает большое количество преимуществ при реализации проекта, тем не менее оно требует квалифицированных кадровых и повышенных материальных ресурсов, а обеспечение передовой нормативно-технической базы и нормативно-правовой базы входит в задачу государства.

Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации заявляет, что не оставит без внимания цифровые технологии, но этот процесс должен быть плавным и удобным для строительной отрасли. В 2019 году утверждены ранее разработанные правила по формированию информационной модели ведения проектов в строительной отрасли, утверждена группа высококвалифицированных специалистов, которые будут формировать эту модель с учетом особенностей передачи данных. Определены сроки включения в модель заданного принципа однократности по представлению данных.

В публичном пространстве в настоящее время уже появился Классификатор строительной информации (далее – КСИ) [3–5]. Классификатор представляет собой единый язык общения для участников строительных проектов, который необходим для перехода в информационную модель. Разработанный классификатор обеспечит для строительной отрасли необходимый обмен данными между различными информационными системами и однозначную идентификацию элементов для информационной модели.

В настоящее время строительный сегмент в России оперирует уже целым набором (более десятка) востребованных ИТ-технологий. На передовых предприятиях строительной индустрии уже востребованы ИТ-технологии, инновационные материалы, реализуются смелые идеи будущего.

В эру *Big Data*, сопровождающуюся ростом количества населения и городов, новым форматом человеческих коммуникаций, строительный сегмент активизировался и стремится перейти на более динамичную интеграцию инноваций в решениях технологического характера. Таким образом, инновационные технологии активно используются и продвигаются в строительном сегменте.

Согласно данным результатов эмпирических исследований, приведенных С. С. Уваровой, А. А. Паненковой и др. [2], на 2020 год в России BIM-технологии внедрены в проектирование объектов на 20–25 %. BIM-технологии в строительном сегменте – это компьютерная

модель сооружения или здания. В этой модели собрана и сконцентрирована необходимая информация об этом объекте. Однако если в этой информации один параметр меняет свои данные, то другие параметры тоже меняются. Получив такой проект, выполненный с помощью BIM-технологии, заказчик сможет, во-первых, дать оценку как внешнему, так и внутреннему виду здания; во-вторых, подсчитать количество необходимого материала, рабочей силы, а главное – денежных средств для организации самого процесса строительства [6–8]. Сфера применения этих технологий очень обширна, особенно при составлении точных расходных смет, включая планы. Ход работ можно регулировать и при этом фиксировать затраченные материалы, в общем, контролировать можно всё – до усиления старых конструкций, эксплуатации зданий и порядка сноса самого объекта. Использование BIM-технологии позволит создать удобную форму, позволяющую избежать многих ошибок и учесть практически все нюансы при внедрении проекта в жизнь. Таким образом, отслеживать жизнь объекта от начала проекта, строительства и до его сноса позволит именно информационное моделирование в строительном сегменте с использованием BIM-технологии. Необходимо отметить, что внедрение BIM-технологии в строительный сегмент является не самоцелью, а инструментом, который продвигает передовые технологии в строительство.

Квалифицированные специалисты строительной отрасли уверены, что в современных условиях без продвинутых информационных технологий достичь прогрессивных целей практически невозможно. Поэтому создается необходимость по использованию BIM-технологии в строительном секторе, которая за счет бюджетных средств будет распространена на все новые строительные проекты, а государство в этом случае, возможно, будет новатором.

В настоящее время крупные передовые компании уже не создают свои коммерческие проекты без информационных технологий моделирования, и в этом случае государство помогает бизнесу. Правительство на данный момент ведет плодотворную работу над проектом документа, который установит обязательную норму по использованию BIM-технологии и перечень для определенных бюджетных проектов начиная с 2023 года. Дальнейшее решение правительство будет принимать по итогам принятия и апробации данного документа с учетом в том числе и экономического эффекта, но только после применения BIM-технологии для разных видов объектов.

Следует отметить, что к масштабной оцифровке строительного сегмента приводит скорость развития технологий, и в этих условиях вопрос применения BIM-технологии становится вопросом конкурентоспособности. В самом строительном сегменте народного хозяйства строительную площадку могут видоизменять инновации, которые также способны увеличить прибыль и помочь выиграть проектные тендераы [1–3]. Хорошо известно, что повышению конкурентоспособности и экономической выгоде современных строительных компаний способствуют в основном передовые инновации, которые, в конечном счете, с максимальной эффективностью реализуют запрос клиента.

Цифровая экономика – другие технологии

Одним из перспективных направлений цифровизации в строительстве является 3D-печать. Уже существуют «принтеры» на базе грузового автомобиля, позволяющие «печатать» здания из кирпича и иные технологические решения (например, печать из бетона). Пока наиболее перспективно малоэтажное строительство.

Весьма эффективным и перспективным направлением является и внедрение интегрированных систем датчиков состояния здания, позволяющих контролировать основные строительные параметры, энергоэффективность, состояние инфраструктурных сетей. Использование такой системы, встроенной заранее, позволяет существенно сократить расходы на эксплуатацию, проводить ремонты по фактическому состоянию.

Как стало известно 8 декабря 2020 года, на стройплощадках Москвы появились цифровые двойники работников. Это совместный проект столичных департаментов градостроительной политики и информационных технологий, а также Национального исследовательского технологического университета МИСиС.

Использование робототехники – еще одно интересное и перспективное направление цифровизации. Роботы-демолиширы уже применяются для работ по сносу зданий в условиях, представляющих опасность для человека. Развитие технологий машинного зрения, различных сенсоров, систем искусственного интеллекта позволяет создавать строительных роботов [1–3]. Коллаборативный робот (кобот) – это автоматическое устройство, которое может работать совместно с человеком для создания или производства различных продуктов. Это позволит вывести робототехнику из существующей узкой ниши и запустить на рынок широкий спектр роботизированной строительной техники. Другие перспективные направления здесь – автоматические самодвижущиеся тележки, широко применяющиеся в промышленности, но пока мало используемые в строительстве; воздушные дроны, которые могут использоваться как эффективный инструмент контроля за ходом строительных работ. В ближайшее время планируется запустить на рынок широкий спектр роботизированной строительной техники.

Автоматизация управления бизнесом также предполагает использование цифровых технологий: централизованный контроль закупок и расходования материалов, использования строительной техники, рабочего времени. Одна из инновационных новинок, разработанных малым бизнесом, – специальные браслеты строительных рабочих, отслеживающие их перемещения, загруженность, состояние здоровья. Использование современного программного обеспечения позволяет более эффективно контролировать и нормировать строительный процесс.

Современное развитие цифровых технологий позволило уже с января 2018 года создать в Российской Федерации две новые федеральные информационные системы – Федеральную государственную систему ценообразования в строительстве (ФГИС ЦС) и Федеральную государственную систему «Единый государственный реестр заключений» (ФГИС ЕГРЗ) [1; 3].

Основной задачей ФГИС ЦС является мониторинг стоимости строительных ресурсов для каждого субъекта Российской Федерации. Эта система позволит увеличить точность сметных расчетов благодаря переходу на ресурсный метод составления сметной документации. ФГИС ЦС использует новый классификатор и кодификатор строительных ресурсов, который состоит почти из 69 тысяч позиций (материалов, изделий, конструкций, оборудования, машин и механизмов).

Единый государственный реестр заключений обеспечит доступ к консолидированной информации о заключениях экспертизы в отношении объектов капитального строительства, в том числе в отношении экономически эффективной проектной документации повторного использования, что повысит информационную открытость деятельности экспертных организаций.

«Умные» дом, район, город, регион и страна в понимании умных профессионалов – также хорошая перспектива. «Умные» дома, или интеллектуальные здания, помогают сэкономить эксплуатационные ресурсы и повышают комфорт находящихся в таких зданиях людей.

«Умный» город – это стратегическая концепция по развитию городского пространства, подразумевающая совместное использование информационно-коммуникационных технологий для управления городской инфраструктурой.

Благодаря использованию датчиков, интегрированных с системой мониторинга в режиме реального времени, данные собираются непосредственно от соответствующих устройств и жителей, после чего обрабатываются и анализируются.

Однако сама идея создания всеобъемлющей городской инфраструктуры, управляемой из единого центра местными властями, отражает модель вертикального городского управления, доведенного до крайности. Сама возможность напрямую соединять людей или устройства стимулирует возникновение новых моделей поведения, в рамках которых в единственном координаторе всего уже нет нужды. Прогнозируется, что с развитием новых систем и моделей поведения подобная концепция «умного» города уйдет в прошлое.

Выводы

1. Миссия развития цифровой экономики в России – обеспечить качество жизни, конкурентоспособность страны и национальную безопасность.

2. Применение BIM-технологии становится вопросом конкурентоспособности. В самом строительном сегменте народного хозяйства строительную площадку могут видоизменять инновации, которые также способны увеличить прибыль и помочь выиграть проектные тендераы.

3. Передовые инновации дают хорошую экономическую выгоду, способствуют повышению конкурентоспособности современных компаний и, в конечном счете, с максимальной эффективностью реализуют запрос клиента.

4. Работы-демолиширы уже применяются для работ по сносу зданий в условиях, представляющих опасность для человека. Развитие технологий машинного зрения, различных сенсоров, систем искусственного интеллекта дает возможность для создания строительных ко-ботов – роботов, способных работать вместе с человеком.

5. Единый государственный реестр заключений (ЕГРЗ) обеспечит доступ к консолидированной информации о заключениях экспертизы в отношении объектов капитального строительства, в том числе в отношении экономически эффективной проектной документации повторного использования, что повысит информационную открытость деятельности экспертных организаций.

Список источников

1. Табунщикова Ю. А. Цифровизация экономики – тенденция глобального масштаба // Энергосбережение. 2018. № 7. С. 4–10.
2. Уварова С. С., Паненкова А. А., Сонин Я. Л. Цифровизация строительства в проекции теории организационно-экономических изменений // Экономика строительства. 2020. № 1. С. 31–39.
3. Травуш В. И. Цифровые технологии в строительстве // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 3. С. 107–117.
4. Индикаторы цифровой экономики: 2018: стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Г. Л. Волкова [и др.]; НИУ ВШЭ. М., 2018. 268 с.
5. Миринец И. Н. К вопросу о сущности и классификации организационных изменений // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2009. № 2. С. 29–32.
6. Конкурентоспособность предприятий в условиях организационно-экономических изменений / Х. М. Гумба, С. С. Уварова, С. Е. Воронов, С. Е. Ерыпалов // Экономика и предпринимательство. 2017. № 3. С. 866–872.
7. Уварова С. С. Концепция организационно-экономических изменений системы управления инвестиционно-строительным комплексом // Экономическое возрождение России. 2012. № 3. С. 143–148.
8. Борисова Л. А., Абидов М. Х. Проблемы цифровизации строительной отрасли // Управление, экономика, политика, социология. 2019. № 3. С. 53–59.

References

1. Tabunshhikov Ju. A. Cifrovizacija jekonomiki-tendencija global'nogo masshtaba [Digitalization of the economy - a global trend]. Jenergosberezhenie, 2018, no 7, pp. 4-10. (In Russ.)

2. Uvarova S. S., Panenkova A. A., Sonin Ja. L. Cifrovizacija stroitel'stva v proekcii teorii organizacionno-jekonomiceskikh izmenenij [Digitalization of construction in the projection of the theory of organizational and economic changes]. *Jekonomika stroitel'stva*, 2020, no 1, pp. 31-39. (In Russ.)
3. Travush V. I. Cifrovye tehnologii v stroitel'stve [Digital Technologies in Construction]. *Academia. Arhitektura i stroitel'stvo*, 2018, no 3, pp. 107-117. (In Russ.)
4. Abdrahmanova G. I., Vishnevskij K. O., Volkova G. L. Indikatory cifrovoj jekonomiki: 2018 [Digital economy indicators: 2018]. Moscow, 2018, 268 p. (In Russ.)
5. Mirinec I. N. K voprosu o sushhnosti i klassifikacii organizacionnyh izmenenij [On the essence and classification of organizational changes]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta*, 2009, no 2, pp. 29-32. (In Russ.)
6. Gumba H. M., Uvarova S. S., Voronov S. E., Erypalov S. E. Konkurentosposobnost' predpriatij v uslovijah organizacionno-jekonomiceskikh izmenenij [Competitiveness of enterprises in the context of organizational and economic changes]. *Jekonomika i predprinimatel'stvo*, 2017, no 3, pp. 866-872. (In Russ.)
7. Uvarova S. S. Koncepcija organizacionno-jekonomiceskikh izmenenij sistemy upravlenija investicionno-stroitel'nym kompleksom [Concept of organizational and economic changes of the investment and construction complex management system]. *Jekonomiceskoe vozrozhdenie Rossii*, 2012, no 3, pp. 143-148. (In Russ.)
8. Borisova L. A., Abidov M. H. Problemy cifrovizacii stroitel'noj otrazhi [Problems of construction industry digitalization]. *Upravlenie, jekonomika, politika, sociologija*, 2019, no 3, pp. 53-59. (In Russ.)

Информация об авторах

В. З. Абдрахимов – доктор технических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации,
Самарский государственный экономический университет;

С. Р. Шапиро – студент, Самарский государственный экономический университет;

Д. В. Абдрахимов – учащийся, Школа № 16.

Information about the authors

V. Z. Abdrahimov – Doctor of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Samara State University of Economics;

S. R. Shapiro – Student, Samara State University of Economics;

D. V. Abdrahimov – Learner, School no. 16.

Статья поступила в редакцию 09.09.2021; одобрена после рецензирования 24.09.2021; принята к публикации 24.09.2021.

The article was submitted 09.09.2021; approved after reviewing 24.09.2021; accepted for publication 24.09.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 76–82.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 76-82.

Научная статья
УДК 331.101.3

ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА НА ОСНОВЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА

Илона Игоревна Максименко¹, Анастасия Романовна Пепеляева²

^{1, 2} Пермский государственный национальный исследовательский университет,

Пермь, Россия

¹ ilonamaksimenko@mail.ru

² pnr.nastya@gmail.com

Аннотация. В статье предложены рекомендации по совершенствованию мотивации и производительности труда персонала предприятия ООО «ФОРСАЙТ» на основе проведенного анализа отрасли информационных технологий, в частности – деятельности предприятия ООО «ФОРСАЙТ». Рассчитана эффективность внедрения Scrum-методики по методологии Agile, направленной на реорганизацию работы проектной команды и повышение производительности труда работников предприятия.

Ключевые слова: Agile, Scrum-методика, производительность, информационные технологии, мотивация персонала.

Для цитирования: Максименко И. И., Пепеляева А. Р. Повышение производительности труда на основе совершенствования системы мотивации персонала // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 76–82.

Original article

INCREASE OF LABOR PRODUCTIVITY BASED ON IMPROVEMENT OF STAFF MOTIVATION SYSTEM

Ilona I. Maksimenko¹, Anastasia R. Pepelyaeva²

^{1, 2} Perm State University, Perm, Russia

¹ ilonamaksimenko@mail.ru

² pnr.nastya@gmail.com

Abstract. The article proposes recommendations for improving the motivation and productivity of FORSYTH LLC employees based on an analysis of the information technology industry, in particular the activities of FORSYTH LLC. The effectiveness of implementation of the Scrum methodology according to the Agile methodology is also calculated, aimed at reorganizing the work of the project team and increasing the productivity of employees of the enterprise.

Keywords: Agile, Scrum-technique, productivity, information technologies, staff motivation.

For citation: Maksimenko I. I., Pepelyaeva A. R. Increase of labor productivity based on improvement of staff motivation system. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 76-82. (In Russ.)

В условиях рыночных отношений для повышения результатов собственной деятельности предприятию необходимо эффективно использовать основной вид производственных ресурсов – трудовые ресурсы. С целью обеспечения устойчивых темпов роста произ-

водительности труда на федеральном уровне был разработан национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости», в соответствии с которым на сегодняшний день осуществляются мероприятия по государственной поддержке роста производительности труда.

Наиболее действенным методом повышения производительности труда является внедрение системы мотивации сотрудников. В распоряжении работодателей находится множество разнообразных методов мотивации труда, и, выбирая конкретные из них, нужно исходить из реальных финансовых возможностей компании, а также учитывать потребности сотрудников.

Применяя методы материального стимулирования труда, можно добиться повышения эффективности труда, но для продления их действия необходимо сочетать их с нематериальными методами мотивации, которые удовлетворяли бы остальные потребности более высокого уровня.

Применение методов нематериальной мотивации, как правило, требует от предприятия меньших затрат средств по сравнению с материальным стимулированием и потому предоставляет большую свободу действий и творчества для руководителей.

Отраслью, в настоящее время активно развивающей сочетание высокого уровня материального стимулирования с нематериальными стимулами, является рынок информационных технологий.

Объем российского рынка информационных технологий за последние пять лет увеличился на 38,97 %, тем не менее он продолжает отставать от мировых конкурентов. Его отставание во многом обусловлено общим технологическим отставанием от развитых стран. Однако специфика отрасли позволяет позаимствовать конкурентный опыт производства, что дает российскому рынку возможность повысить свою конкурентоспособность.

В настоящее время отечественный рынок удовлетворяет потребности страны в программном обеспечении только на четверть. Большой спрос на товары информационной отрасли предъявляют органы государственной и региональной власти, предприятия финансовой сферы, добывающей и перерабатывающей промышленности.

Объем рынка информационных технологий, включающий расходы населения и корпоративного сектора, подвержен колебаниям, так как во многом зависит от ситуации в отраслях, представляющих спрос на информационные продукты. Согласно данным аналитической компании *InternationalDataCorporation*, объем российского рынка информационных технологий, включающий расходы населения и корпоративного сектора, на 2019 год составляет порядка 1 705,9 млрд руб. [1]. За последние пять лет прирост объемов составил 38,97 %, что в абсолютном соотношении составляет 478,33 млрд руб.

За последние три года темпы роста российского информационного рынка постепенно снижаются, что может свидетельствовать о том, что данный рынок перешел в стадию зрелости, и это привело к усилению конкуренции в отрасли. В то же время в структуре глобального индекса конкурентоспособности среди 140 стран по роли инфокоммуникационных технологий наша страна занимает в рейтинге 43-е место [2].

В 2019 году в российской информационной отрасли было зарегистрировано 241 366 предприятий, среди которых 53,4 % составляли индивидуальные предприниматели, что говорит о том, что в отрасли достаточно большое количество мелких игроков, имеющих незначительную рыночную власть. Примечательно, что доля мелких предприятий, занимающихся разработкой информационных продуктов, значительно возросла за последние несколько лет. За период 2015–2019 годов число предприятий в информационной отрасли России увеличилось с 208 423 до 241 366 организаций, что в процентном соотношении составило 15,8 % от показателей 2015 года [3].

Отставание отечественного рынка во многом обусловлено общим технологическим отставанием России от развитых стран и прочими макроэкономическими факторами. В настоящий момент в России существует значительный потенциал для развития рынка информационных технологий и вывода производимой продукции на мировой конкурентный рынок. В стране активно формируется необходимый кадровый ресурс и разрабатываются программы поддержки отрасли. Вопрос качества и конкурентоспособности продукции, а следовательно, эффективность работы сотрудников является приоритетной задачей для организации.

Согласно порталу *Habr*, средняя зарплата в ИТ-индустрии на 2020 год составила 108 000 руб., в Перми – 80 000 руб., в остальных регионах около 75 000 руб. По данным Федеральной службы государственной статистики, среднемесячная заработная плата сотрудников сферы информации и связи за 2020 год оценивается несколько ниже – около 75 898 тыс. руб., при этом пермский уровень цен оказывается не существенно ниже – 73 557 руб. Портал по поиску и найму сотрудников *HeadHunter* сообщает о том, что сотрудники ИТ-сферы получают в среднем в России зарплату в размере 96 700 руб.

В целом можно сделать вывод, что для ИТ-сферы материальное стимулирование работников больше отходит на второй план, уступая место нематериальной мотивации, так как предприятия обеспечивают своим сотрудникам достаточный уровень дохода. Тем не менее ИТ-компании применяют некоторые материальные методы стимулирования, такие, как система грейдирования, начисление проектных бонусов и расчет показателей полезной и коммерческой утилизации.

Одним из лидеров российского рынка информационных технологий является предприятие ООО «ФОРСАЙТ», разработчик цифровой аналитической платформы и продуктов для аналитики данных, а также мобильных решений для автоматизации бизнес-процессов.

В 2020 году компания заняла четвертую строчку в списке крупнейших российских поставщиков *BI*-решений [4]. Компания также признана лидером по выручке от продаж лицензий на программное обеспечение для бизнес-анализа. Прирост выручки компании в 2019 году в сравнении с 2018 годом составил 126 %, или 397 846 тыс. руб. в денежном выражении. Однако в период с 2019 по 2020 год наблюдался спад объемов реализации на 56 %, или 403 257 тыс. руб.

Предприятия сектора информационно-коммуникационных технологий, каким является ООО «ФОРСАЙТ», относятся к типу предприятий так называемого элитного сервиса (сюда же можно отнести все предприятия консультационной и инновационной отрасли, банки и т. д.). Отличительной чертой данных компаний является значительная доля расходов по оплате труда в себестоимости конечного продукта. Для ИТ-отрасли данные расходы составляют порядка 60–70 %. На предприятиях подобного типа мотивирование сотрудников является основной задачей менеджмента, потому что только за счет эффективности собственных сотрудников предприятие способно сохранять конкурентоспособность.

Говоря о возрастной структуре персонала, следует отметить, что большую долю сотрудников составляют молодые люди, которым свойственна креативность, энергичность, способность быстро приспосабливаться к изменениям, что также свидетельствует о перспективности развития компании.

Соотношение работников производства и сотрудников вспомогательных подразделений составляет 87,8 и 12,2 %, что говорит о значительном преобладании специалистов в структуре персонала. В таком случае действие системы мотивации в основном направлено на специалистов.

Наибольший удельный вес в структуре персонала составляют специалисты среднего уровня. Кроме того, следует отметить, что суммарный удельный вес старших и ведущих специалистов превышает долю стажеров и младших аналитиков – это свидетельствует о том, что на предприятии существует сильный производственный коллектив высококвалифицированных специалистов.

ООО «ФОРСАЙТ» за счет своей прибыльности и масштабов производства выступает в качестве перспективного работодателя для российских ИТ-специалистов, а также применяет специальные методы удержания сотрудников, повышения их лояльности и мотивации труда.

В ходе анализа системы мотивации предприятия были выделены следующие особенности.

Во-первых, компания использует систему грейдирования, начисление проектных бонусов и расчет показателей полезной и коммерческой утилизации.

Во-вторых, среди нематериальных стимулов значительную роль играет корпоративная культура и лояльность персонала.

В-третьих, стоит отметить прозрачность и доступность обратной связи, систему внутрифирменного обучения, имидж компании, интересные задачи, гибкий график работы, современный и комфортный офис.

В-четвертых, стоит отметить, что проектный способ организации труда зачастую приводит к ситуации, когда сотрудники заканчивают свои проектные задачи в сверхурочное время.

Характеризуя уровень производительности труда, можно заключить, что трудовые ресурсы предприятия используются достаточно эффективно, однако необходимо принять меры для возвращения к докризисным показателям.

Среди возможных мероприятий по совершенствованию механизма мотивации труда ООО «ФОРСАЙТ» можно назвать следующие:

- проведение специальных обучающих тренингов и других мероприятий по сплочению команды и повышению уровня организации труда с применением гибкой методологии *Agile*;
- обновление и расширение существующей обучающей базы, с добавлением информации, направленной на совершенствование специальных профессиональных навыков сотрудников;
- совершенствование механизма обучения путем проведения регулярных семинаров и мастер-классов по принципу обмена знаниями;
- предоставление качественного медицинского обслуживания, путевок в санатории, дома отдыха; компенсация расходов на приобретение полисов добровольного медицинского страхования; проведение мероприятий по оздоровлению сотрудников;
- организация рабочих мест сотрудников с соблюдением всех правил санитарно-гигиенических условий труда и обеспечением их новейшим оборудованием;
- частичная либо полная компенсация расходов на связь и интернет в условиях удаленной работы.

Отдельно стоит отметить предложение по внедрению методов гибкой разработки по принципу *Agile* [5]. Выбор данного мероприятия как основного инструмента повышения производительности труда сотрудников обусловлен тем, что его действие направлено на основные производственные факторы предприятия, формирующие себестоимость конечного продукта – сотрудников предприятия и фонд их рабочего времени. На исследуемом предприятии существует необходимость реорганизации распределения данного фонда и повышения эффективности его использования. Это связано с тем, что, как уже говорилось

ранее, сотрудники предприятия часто привлекаются к сверхурочной работе ввиду неуспеваемости по своим проектным задачам и ограничениям по проектным срокам. Следовательно, рабочее время, затрачиваемое на разработку, организовано и распределено между участниками проектной команды недостаточно эффективно.

Сегодня принципы методологии *Agile* применяются в ООО «ФОРСАЙТ» только на уровне менеджмента в выборочных отделах, как правило, не задействованных в заказной разработке. Предложенное мероприятие по внедрению методологии *Agile* в проектную разработку направлено на совершенствование использования фонда рабочего времени и эффективного распределения задач между сотрудниками. *Agile* – система ценностей, которая лежит в основе подходов, ускоряющих поставку продуктов на рынок: например, *Scrum*, *leSS*, *SAFe*, *XP*, *DAD*. Его создатели – представители ИТ-компаний, практиковавших новые подходы в разработке программного обеспечения. Сейчас *Agile* применяют в банковской и финансовой сфере, управлении государством, производстве.

Общая работа всех участников в *Scrum*-процессе осуществляется следующим образом. Весь объем работы разделяется на определенные отрезки времени – спринты, длительностью около двух–четырех недель. За данный период команде необходимо выполнить ряд определенных заранее задач. По окончании определенного спринта все задачи по нему должны быть завершены, чтобы можно было перейти к следующему этапу. В *Scrum*-процессе недопустима многозадачность, каждый член команды четко знает, что он обязан сделать именно сейчас.

В конце каждого спринта, на выходе данного этапа и входа в следующий, происходит оценка работы *Scrum*-команды и близость конечной цели. Результатом подобной децентрализованной работы служит конечный продукт, соответствующий требованиям заказчика.

Выбор данного мероприятия как основного инструмента повышения производительности труда сотрудников обусловлен тем, что оно направлено на основные производственные факторы предприятия, формирующие себестоимость конечного продукта – сотрудников предприятия и фонд их рабочего времени. На исследуемом предприятии существует необходимость реорганизации распределения данного фонда и повышения эффективности его использования. Это связано с тем, что, как уже говорилось ранее, сотрудники предприятия часто привлекаются к сверхурочной работе ввиду неуспеваемости по своим проектным задачам и ограничений по проектным срокам. Следовательно, рабочее время, затрачиваемое на разработку, организовано и распределено между участниками проектной команды недостаточно эффективно.

Оценим экономический эффект от внедрения *Scrum*-методики в производственную деятельность ООО «ФОРСАЙТ», сравнив для этого затраты на реализацию мероприятия и результат от его применения.

Внедрение *Scrum*-методологии возможно осуществить двумя способами: нанять с внешнего рынка труда нескольких специалистов соответствующего профиля (*Scrum*-мастера) либо провести переквалификацию части сотрудников внутри предприятия, отправив их на специализированные корпоративные курсы. Для предприятия такого уровня, как ООО «ФОРСАЙТ», первый вариант является наиболее приемлемым, поскольку в данном случае выше вероятность получить высококвалифицированного специалиста без значительных временных затрат.

На сегодняшний день полная реализация одного проекта занимает у проектной команды порядка 18 месяцев. Как правило, за этот период проект проходит шесть основных этапов:

Этап 1. Организация и планирование работ проекта.

Этап 2. Формирование требований к проектному решению (продукту).

Этап 3. Проектирование и реализация проектного решения (продукта).

Этап 4. Подготовка к опытной эксплуатации.

Этап 5. Опытная эксплуатация продукта.

Этап 6. Ввод в промышленную эксплуатацию и передача проектного решения (продукта) в техническую поддержку.

При этом каждый из этапов подразделяется на подэтапы (три-четыре для каждого из этапов) длительностью около одного-двух месяцев. Состав проектной команды непостоянен и при необходимости может меняться, тем не менее на постоянной основе проектом занимается в среднем 15 человек. Таким образом, можно сделать вывод, что при длительности одного подэтапа в 264 часа (при пятидневной рабочей неделе и восьмичасовом рабочем дне) на него затрачивается в среднем 3 960 человеко-часов. Весь проект в таком случае составит порядка 79 200 человеко-часов.

При внедрении *Scrum*-методики длительность каждого подэтапа будет сокращена до длительности стандартного для *Scrum* спринта – четырех недель. В таком случае на каждый подэтап будет затрачиваться 2 400 человеко-часов, а на проект в целом – 48 000 человеко-часов.

В таблице представлены основные результаты внедрения *Scrum*-методики и сравнительная характеристика показателей по проекту до ее применения.

Таблица

Сравнительный анализ результатов до и после внедрения *Scrum*-методики

Показатель	2020 год	2021 год (после внедрения <i>Scrum</i> -методики)
Количество человеко-часов на подэтап	$(33 \cdot 8) \cdot 15 = 3\ 960$	$(20 \cdot 8) \cdot 15 = 2\ 400$
Количество человеко-часов на проект в целом	$3\ 960 \cdot 20 = 79\ 200$	$2\ 400 \cdot 20 = 48\ 000$
Среднечасовая выработка, тыс. руб./чел.	$51\ 700 / 79\ 200 = 0,653$	$51\ 700 / 48\ 000 = 1,077$

Как правило, ООО «ФОРСАЙТ» ведет 5–6 активных проектов в течение одного года, таким образом, цена одного проекта составляет примерно 1/5–1/6 от объемов выручки. При выручке 310 213 тыс. руб. стоимость одного проекта будет составлять около 51 700 тыс. руб. В таком случае среднечасовая выработка, рассчитываемая как отношение объемов реализации на фонд рабочего времени, составляет 1,077 тыс. руб./чел. До введения *Scrum* данный показатель составлял 0,653 тыс. руб./чел., следовательно, прирост среднечасовой выработки составит 64,93 %.

Данная тенденция может сохраняться на протяжении пяти лет, так как в дальнейшем необходимо учитывать влияние других факторов, таких, как экономические кризисы, научно-технический прогресс, внедрение новых технологий и методов разработки.

Прогнозируемый результат от внедрения *Scrum*-методики (145 281 тыс. руб.) превышает общие затраты на реализацию данного мероприятия (6 515 тыс. руб.). По сравнению с увеличением объема выручки затраты на реализацию мероприятия можно признать незначительными. Ожидаемый прирост выручки составит 46,83 %.

Таким образом, применение разработанных мероприятий улучшения использования рабочего времени и реорганизации деятельности сотрудников позволит эффективно использовать человеческий капитал с извлечением положительной выгоды для предприятия.

Тем не менее следует отметить, что предлагаемые мероприятия необходимо применять комплексно и постепенно. Отмена каких-либо ранее принятых и действенных мер и внедрение новых может привести к первоначальному снижению результатов деятельности, что, в свою очередь, снижает вероятность получения максимально возможной прибыли за

период. Сотрудники не сразу привыкают к новой организации работ, к высокой интерактивности, быстрому переключению между задачами и постоянному общению по достигнутым результатам. Необходимо постепенно повышать уровень организации труда с применением данной методологии, внедрять ее для начала в отдельных проектных группах, позже – в отделе и далее – во всей компании в целом.

Список источников

1. Интернет-портал TAdviser [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 27.05.2021).
2. Характеристика международного уровня развития цифровой экономики и инфокоммуникаций России / Т. А. Кузовкова, О. П. Алмаева, А. С. Старовойтова, М. М. Шарапова // Экономика и качество систем связи. 2020. № 2 (16). С. 3–13.
3. Международная информационная группа Spark-interfax [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spark-interfax.ru/> (дата обращения: 27.05.2021).
4. Обзор BI и BigData [Электронный ресурс] // Интернет-портал TAdviser. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/BI> (дата обращения: 18.05.2021).
5. Базаров В. А., Панкова Н. И., Кочергина Т. А. Agile-трансформация // Корпоративное издание «ФОРСАЙТ. Газета». 2020. № 11. С. 4–8.

References

1. Internet-portal TAdviser [TAdviser Internet Portal]. (In Russ.) Available at: <http://www.tadviser.ru/index.php/> (accessed: 27.05.2021).
2. Kuzovkova T. A., Almaeva O. P., Starovoitova A. S., Sharapova M. M. Harakteristika mezhdunarodnogo urovnya razvitiya cifrovoj ekonomiki i infokommunikacij Rossii [Description of the international level of development of the digital economy and information communications of Russia]. *Jekonomika i kachestvo sistem svyazi*, 2020, no 2 (16), pp. 3-13. (In Russ.)
3. Mezhdunarodnaja informacionnaja gruppa Spark-interfax [Spark-interfax International Information Group]. (In Russ.) Available at: <http://www.spark-interfax.ru/> (accessed: 27.05.2021).
4. Obzor BI i BigData [BI Overview and BigData]. *Internet-portal TAdviser*. (In Russ.) Available at: <https://www.tadviser.ru/index.php/BI> (accessed: 18.05.2021).
5. Bazarov V. A., Pankova N. I., Kochergina T. A. Agile-transformacija [Agile transformation]. *Korporativnoe izdanie «FORSAJT. Gazeta»*, 2020, no 11, pp. 4-8. (In Russ.)

Информация об авторах

И. И. Максименко – кандидат экономических наук,

доцент кафедры «Мировая и региональная экономика, экономическая теория»,

Пермский государственный национальный исследовательский университет;

A. R. Pepelyaeva – магистрант 1-го курса экономического факультета,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

I. I. Maksimenko – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

at the Department of World and Regional Economics, Economic Theory,

Perm State University;

A. R. Pepelyaeva – Master Student of the 1st Course, Faculty of Economics,

Perm State University.

Статья поступила в редакцию 09.09.2021; одобрена после рецензирования 24.09.2021; принята к публикации 24.09.2021.

The article was submitted 09.09.2021; approved after reviewing 24.09.2021; accepted for publication 24.09.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 83–89.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 83-89.

Научная статья
УДК 338.025

МЕХАНИЗМЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ УПРАВЛЕНИИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Евгений Викторович Рожков

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия,
erozhkov00@bk.ru

Аннотация. В статье автором сделана попытка обосновать важность цифровой экономики, в контексте поставленных главой нашей страны задач, и перехода к повседневному использованию цифровых технологий на местном, муниципальном уровне непосредственно в процессе управления городской собственностью. На основе анализа научной литературы по цифровым технологиям делается предварительный вывод о необходимости их внедрения с учетом безопасности потребления простыми пользователями (безопасности личных данных). Отмечается, что в Пермском крае руководство нацелено выполнить все поставленные задачи по цифровизации, что объясняет и выделение определенных денежных средств для установки цифровых платформ по управлению муниципальным имуществом во всех населенных пунктах одновременно.

Ключевые слова: цифровизация, технологии, цифровые платформы, муниципальное образование.

Для цитирования: Рожков Е. В. Механизмы внедрения цифровых технологий при управлении муниципальной собственностью // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 83–89.

Original article

MECHANISMS FOR THE INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE MANAGEMENT OF MUNICIPAL PROPERTY

Evgeniy V. Rozhkov

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia,
erozhkov00@bk.ru

Abstract. In the article, the author attempted to substantiate the importance of the digital economy and, based on the tasks set by the head of our country, switch to the everyday use of digital technologies at the local, municipal level directly on the management of urban property. After analyzing the scientific literature on digital technologies, a preliminary conclusion is made about the need to introduce them, taking into account the safety of the consumption of ordinary users (personal data security). According to the presented data, in the Perm Territory, the leadership is aimed at fulfilling all the tasks set for digitalization, and this can explain the allocation of certain funds for installing digital platforms for managing municipal property in all settlements at the same time.

Keywords: digitalization, technologies, digital platforms, municipality.

For citation: Rozhkov E. V. Mechanisms for the introduction of digital technologies in the management of municipal property. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 83-89. (In Russ.)

Введение

Сегодня в мировой экономике концепция *Industry 4.0* получила глобальное распространение и предполагает сценарий четвертой промышленной революции, которая внедряет информационные и коммунальные технологии на основе интегрированных производственных систем [1].

Стоящие перед Россией вызовы требуют разработки эффективной национальной экономической политики, которая позволила бы устраниТЬ различные угрозы и создать условия для построения динамичной экономики, способствующей росту благосостояния людей [2].

Во многих регионах нашей страны уже разработаны концепции развития цифровой экономики, которые предусматривают увеличение ее вклада в формирование валового регионального продукта (далее – ВРП) [3; 4]. Цифровая трансформация регионов измеряется на основе технологических параметров и исходя из состояния развития информационно-коммуникационных технологий [5, с. 46].

В 2021 году в городе Перми прошла стратсессия «Стратегия цифровой трансформации Пермского края – 2030», на которой присутствовали руководство города и края, а также представители Министерства информационного развития РФ, АНО «Цифровая экономика» и Центра стратегических разработок. Стратсессия была посвящена подходам по исполнению указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», а именно такой национальной цели, как цифровая трансформация ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления.

В Пермском крае уже реализуется «Концепция развития цифровой экономики Пермского края», которая определяет спрос и предложение на продукты и услуги сектора информационно-коммуникационных технологий [6].

Обзор литературы

Исследованием цифровых технологий занимаются как зарубежные авторы: B. Bygstad, B. Eaton, A. Gauer, так и российские, такие, как: Т. Н. Астахова, А. З. Барыбина, Ю. М. Осипов, В. В. Луппов, В. И. Меденников и др.

Вопросам цифровой трансформации социально-экономических систем, в том числе вопросам создания цифровых платформ управления сложными имущественными комплексами, посвящены многочисленные российские исследования.

И. В. Балынин, М. А. Чернышева подчеркивают, что стратегия «цифровой трансформации» подразумевает комплекс мероприятий, направленных на развитие и изменение основных процессов общественной деятельности с использованием современных технологий. Их использование приводит к возникновению качественно новых форм услуг, что способствует изменению отношений в экономике и обществе в целом [7].

Как отмечают С. В. Галачиева, О. О. Джоева, О. М. Танделова, Ж. Ф. Габараева, Н. Т. Дедегкаева, современные технологии способствуют созданию в ближайшие годы среди высокотехнологичной цифровой платформы управления, в том числе управления муниципальным имуществом, которая, в свою очередь, будет способствовать обеспечению минимизации человеческого фактора, сопутствующих ему коррупции и ошибок, автоматизирует сбор статистической и иной отчетности, а также обеспечит принятие быстрых и правильных решений [8].

По мнению М. В. Маниной, цифровая трансформация системы муниципального управления призвана создавать качественно новую систему оказания муниципальных услуг, повысить результативность и эффективность деятельности публично-правовых преобразований; оптимизировать бюджетные расходы на реализацию муниципальных функций и т. д. [9]. Следовательно, как считают В. Ж. Дубровский, А. А. Бурак, при управлении муниципальной собственностью логично будет применять программно-целевое управление [10], создав технологическую платформу (вопросы внедрения подобных платформ рас-

сматриваются С. В. Ореховой [11]). Соответственно, при ее создании необходимо будет учитывать не только сбор и внесение данных, но и превращение данных в информационные продукты с добавленной стоимостью, а держателем технологий будет местный муниципалитет.

Цифровая трансформация подразумевает внедрение цифровых технологий и платформенных решений в экономику государства. Она будет способствовать снижению транзакционных издержек и росту удобства социально-экономической среды в целом [12].

К. П. Беляков и Н. Сариев концентрируют внимание на том, что при управлении и распоряжении муниципальным имуществом необходимо учитывать особенности правового режима объектов муниципальной собственности, которые установлены гражданским законодательством и законодательством о местном самоуправлении. Делается акцент на наличии двух групп прав собственника, а именно: первичность муниципалитета в отношении имущества (принятия различных решений и т. д.) и наличие прав, которые позволяют собственнику оказывать воздействие на решения по распоряжению собственностью [13].

Теория

Хотелось бы подчеркнуть, для кого внедряется цифровая платформа: в первую очередь для пользователей – жителей муниципального образования, и, следовательно, этот процесс повышает социальную эффективность предоставления услуг в электронном виде. Кроме того, следует учитывать, что электронный документооборот практически обеспечивает экономию офисной бумаги, картриджей для принтеров и копировальных аппаратов и т. д. для муниципальных учреждений; в отношении традиционных муниципальных услуг происходит улучшение таких характеристик, как скорость их предоставления, доступность и комфортность при получении и т. д. [4, с. 96].

Помимо этого, необходимо отметить, что одним из связующих элементов, объединяющих цифровую платформу с информационными технологиями, считают информационно-управляющие системы, основным назначением которых являются сбор, обработка и распространение информационных сообщений, обусловленных особенностями внешней среды и внутренними процессами. Возникновение экономического эффекта от внедрения информационно-управляющей системы возможно вследствие снижения транзакционных издержек и издержек управления и, как следствие, оптимизации использования существующих активов [14].

Еще один немаловажный момент, на который стоит обратить внимание, это проблема использования цифровой платформы управления муниципальной собственностью, в том числе невозможность осуществлять прямой контроль над нею со стороны собственника. Соответственно, местные органы власти способны обеспечить только ресурсы, которые увеличивают возможность для гибкого соучастия в развитии платформы. Иначе говоря, собственник платформы поддерживает процесс создания комплексов через обеспечение руководством и открытым программным интерфейсом для потребителя. Следовательно, требуется некий баланс стандартизации граничных ресурсов в комбинации с гибкостью и в целом необходим баланс контроля и открытости со стороны местных органов власти в отношении самой платформы и в отношении ее пользователей [15].

Кроме того, еще одной проблемой для внедрения цифровых платформ является безопасность данных пользователей. Оборот данных является важным цифровым элементом и должен быть дополнен механизмами идентификации, защиты информации, оптимизации барьеров доступа на рынок, механизмами построения и эксплуатации инфраструктуры, правилами распределения рисков и ответственности в цепочке создания стоимости и потребления информационных продуктов [16, с. 45].

Концепция развития цифровой экономики Пермского края призвана создать условия для ускоренного развития экономики и общества в регионе на основе разработки и масштабного распространения информационных услуг [17].

Для решения многих проблем, связанных с социальным и экономическим неравенством муниципальных образований по доступности к интернет-трафику и покрытию сотовой связи, в том числе по доступности использования платформ, в 2021 году между руководством Пермского края и ПАО «МегаФон» было подписано положение, предусматривающее совместную реализацию проектов по развитию цифровых сервисов и телеком-инфраструктуры в рамках национальной программы «Цифровая экономика». Положение также предусматривает цикл мероприятий, направленных на рост скорости доступа пользователей к электронным государственным ресурсам и муниципальным услугам.

Если цифровые платформы не связывать с государственной деятельностью, то можно представить несколько классификаций платформ: по масштабам, функционалу, области использования [18, с. 54].

Социальная оценка внедрения цифровых платформ по управлению собственностью на муниципальном уровне возможна в случае реализации федеральных программ цифрового развития, региональных программ, а также реализации коммерческими структурами стратегий по цифровому развитию [17]. Воздействие на процесс формирования эффективной системы управления муниципальным образованием на основе цифровой трансформации будет иметь преимущественно инициирующий характер, постепенно вытесняя регулятивное воздействие [19].

Эмпирические результаты

Распространение цифровых данных и платформ может использоваться для целей развития и решения проблем муниципалитета, а именно для повышения стоимости муниципальной собственности, которое, в свою очередь, приведет к увеличению поступления денежных средств в местный бюджет, и потребители муниципальных услуг будут получать их быстрее и без посредников. Таким образом, все имеющиеся на сегодня данные приводят к выводу о необходимости использования цифровых платформ, в том числе в управлении муниципальным имуществом. Цифровые платформы позволяют мультилицировать и совершенствовать традиционные отношения с помощью цифровых технологий, хранилищ больших массивов данных, доступа к информации [20].

Взаимодействие участников со стороны спроса и со стороны предложения в отношении управления муниципальной собственностью благодаря цифровой платформе приводит к влиянию их друг на друга, которое пропорционально растет с увеличением связей между ними [21, с. 31]. Использование цифровых платформ – это новый способ взаимодействия между муниципальными структурами и бизнесом. Цифровые платформы обладают рядом больших возможностей для развития большого количества сфер социально-экономической деятельности [22, с. 52].

Принято считать, что цифровизация собственности позволит преобразовать потоки аналоговых данных в «цифру» и перевести имеющиеся коммуникации в компьютерные технологии – это будет первым шагом к достижению цели цифровизации экономики, далее необходимо будет завершить автоматизацию всех процессов инфраструктуры и обеспечить современным оборудованием с поддержкой цифровых технологий.

Заключение

Сегодня можно с уверенностью сказать, что Концепция развития цифровой экономики Пермского края способствует развитию цифровых технологий на всех уровнях потребления в общественной жизни региона, в том числе внедрению цифровой платформы управления муниципальной собственностью, и, что немаловажно, такая платформа может стать единой для всех населенных пунктов региона. Внедрение платформы и определение конкретного срока введения в эксплуатацию (до 2024 года) будет связано с финансированием – финансированием из бюджета Пермского края.

Список источников

1. Комиссарова М. А., Сторожук И. Н. Трансформация отраслей народного хозяйства – цифровые платформы // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2020. № 4 (72). С. 129–136.
2. Пролубников А. В. Экономическая политика: сущность и задачи // Экономический вектор. 2020. № 1 (20). С. 12–16.
3. Ерохина Ю. В., Гагарина Г. Ю. Особенности развития цифровой экономики в Северо-западном федеральном округе: проблемы и перспективы // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2019. № 3 (105). С. 49–68.
4. Шаптала А. В. Анализ влияния цифровой экономики на рынок услуг в Российской Федерации // Экономический вектор. 2020. № 1 (20). С. 95–97.
5. Борисова В. В. Цифровая трансформация институционального обеспечения логистической инфраструктуры региона // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2020. № 2 (70). С. 45–52.
6. Болотов А.М. Анализ концепции развития цифровой экономики Пермского края в 2018–2024 годах // Современная торговля: теория, практика, инновации: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 15-летию Пермского торгово-экономического образовательного комплекса (ассоциации) «Торговое образование». Пермь, 15 ноября–11 декабря 2018 г. С. 67–72.
7. Балынин И. В., Чернышева М. А. Использование цифровых технологий в реализации мер социальной поддержки населения (на примере Санкт-Петербурга) // Третья международная конференция «Управление бизнесом в цифровой экономике»: сб. тез. выступлений. Санкт-Петербург, 2020. С. 463–469.
8. Внедрение, использование и роль цифровых технологий в экономике / С. В. Галачиева, О. О. Джоева, О. М. Танделова, Ж. Ф. Габараева, Н. Т. Дедегаева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2018. № 6 (86). С. 4–98.
9. Манина М. В. О цифровом государственном управлении в России // Цифровая экономика и финансы: материалы III международной научно-практической конференции. СПб., 2020. С. 44–48.
10. Дубровский В. Ж., Бурак А. А. Опыт и перспективы программно-целевого управления сложно организованными экономическими системами // Современные управленческие технологии: от теории и методологии к практическим решениям: монография. Екатеринбург, 2016. С. 60–78.
11. Орехова С. В. Технологические платформы и новая промышленная политика в России // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2017. Т. 8, № 4. С. 6–19.
12. Денисов А. Цифровая трансформация российского государства: условия, возможности, технологии // Вестник Российской нации. 2019. № 3. С. 94–106.
13. Беляков К. П., Сарiev Н. Муниципальная собственность: нормативно-правовые основы управления // Экономика, управление, право: состояние и тенденции развития. 2021. № 1. С. 68–77.
14. Стровер А. Ю., Кувшинов М. С. Подход к оценке экономической эффективности информационно-управляющих систем // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Экономика и менеджмент». 2020. Т. 14, № 3. С. 108–116.
15. Обыденов А. Ю., Козлов А. В. Анализ ключевых компонентов цифровых платформ. Экосистемно-стейкхолдерский подход // Креативная экономика. 2020. № 4–12. С. 3229–3246.
16. Болобонова М. О., Хрупалов В. А. Правовое регулирование оборота данных в деятельности цифровых платформ: спорные вопросы теории и практики // Бизнес, менеджмент и право. 2020. № 2 (46). С. 42–46.
17. Свиридова В. В. Мониторинг внедрения цифровых технологий в экономическую и социальную сферы регионов // Modern Science. 2020. № 8–2. С. 316–320.
18. Степанова И. С., Воротников А. М. Новые возможности для гражданского общества, представляемые цифровыми платформами, на примере цифровой платформы «Арктика 2035» // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2020. № 1. С. 51–57.
19. Прокопова Л.И. Инструменты цифровизации системы управления муниципальным образованием // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2020. № 3 (28). С. 77–81.
20. Еферин Я. Ю., Россотто К. М., Хохлов Ю. Е. Цифровые платформы в России: конкуренция между национальными и зарубежными многосторонними платформами стимулирует экономический рост и инновации // Информационное общество. 2019. № 1–2. С. 16–34.

21. Федорова Т. А. Цифровые бизнес-модели: цифровые платформы, разновидности и функции // *Znanstvena misel journal*. 2019. № 3. С. 28–33.
22. Репешко Ю. А., Степаненко Д. А. К вопросу о развитии государственных цифровых платформ // Стратегии бизнеса: анализ, прогноз, управление: электрон. науч.-экон. журнал. 2021. Т. 9, № 2. С. 49–52.

References

1. Komissarova M. A., Storozhuk I. N. Transformatsiya otrassei narodnogo khozyaistva - tsifrovye platformy [Transformation of sectors of the national economy - digital platforms]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)*, 2020, no. 4 (72), pp. 129-136. (In Russ.)
2. Prolubnikov A. V. Ekonomicheskaya politika: sushchnost' i zadachi [Economic policy: essence and objectives]. *Ekonomicheskii vector*, 2020, no. 1 (20), pp. 12-16. (In Russ.)
3. Erokhina Yu. V., Gagarina G. Yu. Osobennosti razvitiya tsifrovoi ekonomiki v Severo-zapadnom federal'nom okruse: problemy i perspektivy [Features of the development of the digital economy in the Northwestern Federal District: problems and prospects]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova*, 2019, no. 3 (105), pp. 49-68. (In Russ.)
4. Shaptala A. V. Analiz vliyaniya tsifrovoi ekonomiki na rynok uslug v Rossiiskoi Federatsii [Analysis of the impact of the digital economy on the service market in the Russian Federation]. *Ekonomicheskii vector*, 2020, no. 1 (20), pp. 95-97. (In Russ.)
5. Borisova V. V. Tsifrovaya transformatsiya institutsional'nogo obespecheniya logisticheskoi infrastruktury regiona [Digital transformation of the institutional provision of the region's logistics infrastructure]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)*, 2020, no. 2 (70), pp. 45-52. (In Russ.)
6. Bolotov A.M. Analiz kontseptsii razvitiya tsifrovoi ekonomiki Permskogo kraя v 2018-2024 godakh [Analysis of the concept of development of the digital economy of the Perm Territory in 2018-2024]. *Sovremennaya torgovlya: teoriya, praktika, innovatsii: materialy VIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 15-letiyu Permskogo torgovo-ekonomicheskogo obrazovatel'nogo kompleksa (assotsiatsii) «Torgovoe obrazovanie»*, Perm, 15 noyabrya-11 dekabrya 2018 g, pp. 67-72. (In Russ.)
7. Balynin I. V., Chernysheva M. A. Ispol'zovanie tsifrovyykh tekhnologii v realizatsii mer sotsial'noi podderzhki naseleniya (na primere Sankt-Peterburga) [The use of digital technologies in the implementation of measures of social support of the population (on the example of St. Petersburg)]. *Tret'ya mezhdunarodnaya konferentsiya «Upravlenie biznesom v tsifrovoi ekonomike»: sbornik tezisov vystuplenii*. St. Petersburg, 2020, pp. 463-469. (In Russ.)
8. Galachieva S. V., Dzhioeva O. O., Tandelova O. M., Gabaraeva Zh. F., Dedegkaeva N. T. Vnedrenie, ispol'zovanie i rol' tsifrovyykh tekhnologii v ekonomike [Introduction, use and role of digital technologies in the economy]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2018, no. 6 (86), pp. 4-98. (In Russ.)
9. Manina M. V. O tsifrovom gosudarstvennom upravlenii v Rossii [About digital public administration in Russia]. *Tsifrovaya ekonomika i finansy: materialy III mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. St. Petersburg, 2020, pp. 44-48. (In Russ.)
10. Dubrovskii V. Zh., Burak A. A. Opyt i perspektivy programmno-tselevogo upravleniya slozhno organizovannymi ekonomicheskimi sistemami [Experience and prospects of program-targeted management of complex economic systems]. *Sovremennye upravlencheskie tekhnologii: ot teorii i metodologii k prakticheskim resheniyam: monografiya*, Ekaterinburg, 2016, pp. 60-78. (In Russ.)
11. Orekhova S. V. Tekhnologicheskie platformy i novaya promyshlennaya politika v Rossii [Technological platforms and new industrial policy in Russia]. *Journal of Economic Regulation (Voprosy regulirovaniya ekonomiki)*, 2017, vol 8, no. 4, pp. 6-19. (In Russ.)
12. Denisov A. Tsifrovaya transformatsiya rossiiskogo gosudarstva: usloviya, vozmozhnosti, tekhnologii [Digital transformation of the Russian state: conditions, opportunities, technologies]. *Vestnik Rossiiskoi natsii*, 2019, no. 3, pp. 94-106. (In Russ.)
13. Belyakov K. P., Sariev N. Munitsipal'naya sobstvennost': normativno-pravovye osnovy upravleniya [Municipal property: regulatory framework of management]. *Ekonomika, upravlenie, pravo: sostoyanie i tendentsii razvitiya*, 2021, no. 1, pp. 68-77. (In Russ.)

14. Sturov A. Yu., Kuvshinov M. Podkhod k otsenke ekonomiceskoi effektivnosti informatsionno-upravlyayushchikh sistem [An approach to assessing the economic efficiency of information management systems]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Ekonomika i menedzhment»*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 108-116. (In Russ.)
15. Obydenov A. Yu., Kozlov A. V. Analiz klyuchevykh komponentov tsifrovych platform. Ekosistemno-steikkholderskii podkhod [Analysis of the key components of digital platforms. Ecosystem Stakeholder Approach]. *Kreativnaya ekonomika*, 2020, no. 4-12, pp. 3229-3246. (In Russ.)
16. Bolobonova M. O., Khrupalov V. A. Pravovoe regulirovanie oborota dannykh v deyatel'nosti tsifrovych platform: spornye voprosy teorii i praktiki [Legal regulation of data circulation in the activities of digital platforms: controversial issues of theory and practice]. *Biznes, menedzhment i pravo*, 2020, no. 2 (46), pp. 42-46. (In Russ.)
17. Sviridova V. V. Monitoring vnedreniya tsifrovych tekhnologii v ekonomiceskuyu i sotsial'nuyu sfery regionov [Monitoring the implementation of digital technologies in the economic and social spheres of the regions]. *Modern Science*, 2020, no. 8-2, pp. 316-320. (In Russ.)
18. Stepanova I. S., Vorotnikov A. M. novye vozmozhnosti dlya grazhdanskogo obshchestva, predstavlyayemye tsifrovymi platformami, na primere tsifrovoi platformy «Arktika 2035» [New opportunities for civil society presented by digital platforms, on the example of the digital platform "Arctic 2035"]. *Arktika 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya*, 2020, no. 1, pp. 51-57. (In Russ.)
19. Prokopova L.I. Instrumenty tsifrovizatsii sistemy upravleniya munitsipal'nym obrazovaniem [Tools for digitalization of the municipal formation management system]. *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki: rossiiskii i zarubezhnyi opyt*, 2020, no. 3 (28), pp. 77-81. (In Russ.)
20. Eferin Ya. Yu., Rossotto K. M., Khokhlov Yu. E. Tsifrovye platformy v Rossii: konkurentsiya mezhdu natsional'nymi i zarubezhnymi mnogostoronnimi platformami stimuliruet ekonomiceskii rast i innovatsii [Digital platforms in Russia: competition between national and foreign multilateral platforms stimulates economic growth and innovation]. *Informatsionnoe obshchestvo*, 2019, no. 1-2, pp. 16-34. (In Russ.)
21. Fedorova T. A. Tsifrovye biznes-modeli: tsifrovye platformy, raznovidnosti i funktsii [Digital business models: digital platforms, varieties and functions]. *Znanstvena misel journal*, 2019, no. 3, pp. 28-33. (In Russ.)
22. Repeshko Yu. A., Stepanenko D. A. K voprosu o razvitiu gosudarstvennykh tsifrovych platform [On the development of state digital platforms]. *Elektronnyi nauchno-ekonomiceskii zhurnal «Strategii biznesa: analiz, prognoz, upravlenie»*. 2021, vol. 9, no. 2, pp. 49-52. (In Russ.)

Информация об авторе

E. B. Рожков – аспирант кафедры «Экономика предприятий», Уральский государственный экономический университет.

Information about the author

**E. V. Rozhkov – Postgraduate Student at the Department of Enterprise Economics,
Ural State University of Economics.**

Статья поступила в редакцию 09.09.2021; одобрена после рецензирования 24.09.2021; принята к публикации 24.09.2021.

The article was submitted 09.09.2021; approved after reviewing 24.09.2021; accepted for publication 24.09.2021.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 90–95.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 90-95.

Научная статья
УДК 37.015.3

ПСИХОДИАГНОСТИКА ВОДИТЕЛЯ КАК КОМПОНЕНТ ОБУЧЕНИЯ В АВТОШКОЛЕ

Виктория Валентиновна Пискунова^{1,2}

¹ Пермский государственный аграрно-технологический университет, Пермь, Россия

² Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, hr.piskunova@mail.ru

Аннотация. Решение проблемы аварийности на автодорогах имеет междисциплинарный характер. Представлен правовой и психологический анализ понятия «опасное вождение». По результатам психодиагностики методикой А. М. Шуберта выявлена тенденция развития склонности к риску водителей автотранспортных средств категории В. Рассмотрена возможность превентивных мер возникновения дорожно-транспортных происшествий в части применения психодиагностических исследований личностных характеристик курсантов автошкол.

Ключевые слова: безопасность, водитель, модель поведения водителя, опасное вождение, автошкола, психодиагностика, склонность к риску.

Для цитирования: Пискунова В. В. Психодиагностика водителя как компонент обучения в автошколе // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 90–95.

Original article

DRIVER PSYCHODIAGNOSTICS AS A COMPONENT OF TRAINING IN DRIVING SCHOOL

Victoria V. Piskunova^{1,2}

¹ Perm State Agrarian and Technological University, Perm, Russia

² Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, hr.piskunova@mail.ru

Abstract. The solution to the problem of road accidents is an interdisciplinary one. The legal and psychological analysis of the concept of “dangerous driving” is presented. According to the results of psychodiagnostics by the method of A. M. Schubert revealed a tendency in the development of risk appetite for drivers of motor vehicles of category B. The possibility of preventive measures for the occurrence of road traffic accidents in terms of the use of psychodiagnostic studies of the personal characteristics of cadets of driving schools is considered.

Keywords: safety, driver, driver behavior model, dangerous driving, driving school, psychodiagnostics, risk appetite.

For citation: Piskunova V. V. Driver psychodiagnostics as a component of training in driving school. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 90-95. (In Russ.)

Актуальность проблемы безопасности дорожного движения обусловлена, с одной стороны, увеличением уровня автомобилизации, вовлеченности населения в дорожное движение, с другой стороны, распространностью аварийности и травматизма в результате дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП). Решение проблемы обеспечения безопасности дорожного движения в России – задача государственного масштаба, что находит свое отражение в стратегических и программных документах. Так, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года одной из целей государственной политики в сфере развития транспорта представлено создание условий для повышения качества жизни населения, включая повышение комплексной безопасности и устойчивости транспортной системы¹. Цели повышения уровня безопасности транспортной системы, сокращения темпов роста количества дорожно-транспортных происшествий, а также снижение тяжести их последствий, числа пострадавших и погибших в них обозначены и в Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. № 1734-р². Для решения одной из основных задач Стратегии – повышения безопасности дорожного движения – с 2006 года реализуются соответствующие федеральные целевые программы. На уровне субъектов РФ и муниципальных образований действуют программы по развитию безопасности дорожного движения. Так, в Пермском крае реализуется региональный проект «Безопасность дорожного движения», рассчитанный на период с 2018 по 2024 год. В связи с высокими показателями количества погибших в дорожно-транспортных происшествиях – 9 на 100 тысяч населения в Пермском крае (по сравнению с общероссийскими) первоочередной задачей данного проекта является снижение смертности в результате ДТП к 2024 году в 3,5 раза по сравнению с 2017 годом³.

Проводимые меры по совершенствованию норм права в части дорожного движения (в том числе ужесточение административной ответственности), нормативов и стандартов строительства и оборудования дорог в целях повышения безопасности дорожного движения, контроль технического состояния транспортных средств и т. д. не являются гарантией безопасного движения, так как основной причиной ДТП по-прежнему является человеческий фактор, не поддающийся нормативному описанию.

В результате анализа исследований вождения как вида деятельности (В. Ф. Глазков, М. Г. Горбачев, А. И. Донцов, Б. Д. Ефремов, Е. П. Ильин, А. И. Кабалевская, Е. А. Климов, Е. В. Козлов, Н. Норицын, Ю. В. Оверин, Т. А. Полякова, А. Н. Романов и др.) Ю. И. Лобанова выделила отличительные признаки, характеризующие водителей:

– особенности дорожного поведения (особенности маневрирования, в которых проявляются склонность к риску, осторожность, агрессивность, дисциплинированность; личностные особенности учета изменения дорожной ситуации);

¹ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 04.11.2021).

² О Транспортной стратегии Российской Федерации [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 22.11.2008 № 1734-р (ред. от 12.05.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82617/ (дата обращения: 04.11.2021).

³ Паспорт регионального проекта «Безопасность дорожного движения» в Пермском крае [Электронный ресурс]. URL: <https://permkrai.ru/upload/iblock/451/bezopasnost-dorozhnogo-dvizheniya.pdf> (дата обращения: 04.11.2021).

- системы способов и средств, используемых для осуществления деятельности: в психологическом отношении – способы получения и обработки информации, необходимой для принятия решений в конкретных дорожных ситуациях; в техническом – совокупность операций по управлению транспортным средством при осуществлении отдельных маневров;
- типичные эмоциональные переживания, особенности взаимодействия с другими участниками дорожного движения [1].

Необходимо отметить, что среди моделей поведения водителей, приводящих к совершению дорожно-транспортных происшествий, выделен комплекс действий, определяемый как опасное вождение. Впервые опасное вождение признано преступлением в Англии в соответствии с Актом о дорожном движении 1972 года, в 1988 году Законом о дорожном движении (*Road Traffic Act, 1988*) предусмотрена уголовная ответственность за опасное вождение. В Законе о дорожном движении дано определение опасного вождения: «... лицо ведет транспортное средство несоответственно стандартам вождения и тому, как можно было бы ожидать от компетентного и осторожного водителя» [2].

Российским законодательством в 2016 году определено понятие «опасное вождение» как «вождение, выражющееся в неоднократном совершении одного или совершении нескольких следующих друг за другом действий, заключающихся в невыполнении при перестроении требования уступить дорогу транспортному средству, пользующемуся преимущественным правом движения, перестроении при интенсивном движении, когда все полосы движения заняты, кроме случаев поворота налево или направо, разворота, остановки или объезда препятствия, несоблюдении безопасной дистанции до движущегося впереди транспортного средства, несоблюдении бокового интервала, резком торможении, если такое торможение не требуется для предотвращения дорожно-транспортного происшествия, препятствовании обгону, если указанные действия повлекли создание водителем в процессе дорожного движения ситуации, при которой его движение и (или) движение иных участников дорожного движения в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу гибели или ранения людей, повреждения транспортных средств, сооружений, грузов или причинения иного материального ущерба»¹.

Достаточно широко рассмотрен юридический аспект данного понятия, в частности – применение нормы права. Исследователями опасного вождения в контексте законодательства об административных правонарушениях В. И. Майоровым, О. И. Бекетовым акцентировано внимание на высоких предупредительных возможностях нормы права об опасном вождении, которые должны позволять выявлять потенциальных нарушителей правил дорожного движения (далее – ПДД), создающих аварийные ситуации [3].

Необходимо отметить, что наряду с законодательной позицией следует обратить внимание на возможность превентивных мер возникновения дорожно-транспортных происшествий в части психodiагностических исследований личностных характеристик водителей, являющихся основой формирования поведения водителя, стиля вождения.

Российскими и зарубежными учеными последних десятилетий представлены результаты исследований, посвященные разработке моделей стиля вождения (D. E. Miles, G. L. Johnson, G. Miller, O. Taubman-Ben-Ari), изучению факторов, способствующих формированию и проявлению агрессивного стиля вождения (E. Berdoulat, D. Vavassori, M. Chan, A. Singhal,

¹ О внесении изменения в правила дорожного движения Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 30.05.2016 № 477. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198664/ (дата обращения: 04.10.2021).

D. E. Miles, G. L. Johnson.), а также – высокоскоростного и рискованного дорожного поведения (В. Г. Булыгина, А. А. Дубинский, С. В. Шпорт, Д. С. Калинкин, А. С. Васильченко, M. Leandro) [4]. При исследовании клинико-психологических факторов опасного вождения у различных категорий водителей А. В. Васильченко, С. В. Шпорт выявлено, что водителей легковых автомобилей отличает пренебрежительное отношение к соблюдению норм скоростного режима и техники безопасности, высокий уровень избирательности и концентрации внимания; у водителей автобусов выявлены грубые нарушения динамической организации движений, удержания в памяти двигательной программы в сочетании с низкими показателями избирательности и концентрации внимания. Также было установлено, что значимыми показателями для оценки риска попадания водителей в группу участников ДТП являются: для водителей категории В – нарушения эмоциональной регуляции поведения, наличие черепно-мозговых травм, принадлежность к старшей возрастной группе; для водителей автобусов – нарушения эмоциональной регуляции деятельности, нарушения динамической организации движений, а также риск формирования алкогольной зависимости [5].

Категория «опасное вождение» с психологической точки зрения включает в себя: склонность к риску, преднамеренность нарушений ПДД, нарушения эмоционально-волевой и когнитивной сфер [5].

Одной из предполагающих к ДТП личностных характеристик водителя является склонность к риску, формирующая модель поведения водителя в различных ситуациях на дороге, в том числе ситуации неопределенности.

Психологами Т. В. Эксакусто, Е. А. Савенко обнаружена зависимость, выражаяющаяся в склонности к риску и нарушениях водителями ПДД. Выявлено, что у водителей с высокой частотой нарушений ПДД показатели склонности к риску как черты характера выше, чем у водителей с низкой частотой нарушений ПДД. Данный факт исследователи связывают с желанием склонных к риску водителей испытывать острые ощущения, удовольствие и радость в ситуациях риска. Напротив, водители, редко нарушающие ПДД, отличаются меньшей склонностью к риску, дисциплинированностью, отсутствием положительных эмоций от риска [6].

В диссертационном исследовании О. Н. Филатовой представлена педагогическая модель профессиональной подготовки водителей транспортных средств в автошколе, включающая информацию о содержании и характеристике профессиональной деятельности водителей, дидактический инструментарий, направленный на формирование профессиональной компетентности. Среди дидактических условий О. Н. Филатова выделяет мотивационно-целевые, структурно-содержательные, организационно-деятельностные и контрольно-оценочные. Профессиональная подготовка представлена такими блоками, как: нормативно-правовой, технический, управляемый и практический. В контексте нашей работы необходимо отметить управляемый блок, включающий «психологические основы деятельности водителя и основы безопасного управления транспортным средством, которое позволяет будущему водителю исследовать, планировать, организовывать, контролировать дорожное движение» [7]. По нашему мнению, в управляемый блок, выделенный О. Н. Филатовой, целесообразно включать психодиагностику личностных качеств будущего водителя, в том числе склонность к риску. Результаты данной психодиагностики, с одной стороны, являются основой формирования адекватной самооценки психологических особенностей будущего водителя, с другой стороны, могут быть основанием для более тщательного рассмотрения теоретических (физиологических, психологических) тем курса обучения, касающихся опасного вождения. Логическим продолжением представляется анализ освоения практических навыков вождения с точки зрения склонности/сформированности модели поведения водителя, проводимый инструктором автошколы и курсантом после практического занятия.

Одним из способов оценки личностных качеств человека – оператора сложных систем управления, к которым относится водитель автотранспортного средства, является тест на определение склонности к риску PSK А. М. Шуберта. Методика позволяет оценить степень готовности к риску. Риск понимается как действие наудачу в надежде на счастливый исход или как возможная опасность, как действие, совершающееся в условиях неопределенности [8]. Проведенное автором в 2017 году исследование показало, что 42,1 % респондентов (водителей со стажем вождения более двух лет) обладают средней степенью склонности к риску; 5,3 % показали высокую выраженность склонности к риску [9]. Автором продолжено исследование склонности к риску водителей – студентов вуза. В исследовании 2021 года выборкой являлись также обучающиеся Пермского государственного аграрно-технологического университета заочной формы обучения в количестве 48 человек, имеющие водительские права категории В и опыт вождения. Респонденты обоих полов, возраст от 19 до 43 лет, направления подготовки «Техносферная безопасность», «Эксплуатация транспортно-технических машин и комплексов», «Зоотехния», «Агрономия». Получены следующие результаты: 48,3 % респондентов обладают средней степенью склонности к риску; 9,2 % показали высокую выраженность склонности к риску. Высокая склонность к риску выявлена у водителей со стажем вождения до пяти лет, возрастом до 30 лет.

Полученные результаты исследований 2017 и 2021 годов свидетельствуют о достаточно высоком уровне склонности к риску водителей с небольшим стажем вождения, что подтверждает общую тенденцию молодых людей к рисковому поведению, в том числе на дороге.

Динамика результатов проведенных исследований подтверждает необходимость психодиагностики личностных качеств курсантов автошкол, их психологической подготовки в процессе обучения – тренировки на психофизиологическом тренажере, разбора ситуационных задач не только с правовой, но и с психологической точки зрения.

Список источников

1. Лобанова Ю. И. Вождение как деятельность, поведение и стилевая характеристика // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 5. № 4. С. 97–107.
2. Дороднов А. Г. Обусловленность криминализации опасного вождения в праве Англии // Юридическая наука и практика. 2012. № 4 (20). С. 146–148.
3. Майоров В. И., Бекетов О. И. Административная ответственность в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: современные тенденции и перспективы // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 4. С. 563–567.
4. Васильченко А. С. Нарушения психической регуляции поведения у лиц с опасным вождением автотранспортных средств: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2019. 174 с.
5. Васильченко А. С., Шпорт С. В. Психологические факторы опасного вождения у различных категорий водителей // Социальная и клиническая психиатрия. 2020. Т. 30, № 4. С. 47–54.
6. Эксакусто Т. В., Савенко Е. А. Склонность к риску водителей – нарушителей правил дорожного движения [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 8. URL: <https://human.sciencedom.ru/2015/08/12333> (дата обращения: 05.11.2021).
7. Филатова О. Н. Профессиональная подготовка будущих водителей в автошколе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2009. 20 с.
8. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности в малых группах. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. 490 с.
9. Неклюдова В. В. Склонность к риску как фактор формирования модели поведения водителя // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 57-5. С. 356–362.

References

1. Lobanova Ju. I. Vozhdenie kak dejatel'nost', povedenie i stilevaja harakteristika [Driving as an activity, behavior and style characteristic]. *Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina*, 2014, vol. 5, no 4, pp. 97-107. (In Russ.)
2. Dorodnov A. G. Obuslovленност' kriminalizacii opasnogo vozhdenija v prave Anglii [Criminalization of dangerous driving in English law]. *Juridicheskaja nauka i praktika*, 2012, no 4 (20), pp. 146-148. (In Russ.)
3. Majorov V. I., Beketov O. I. Administrativnaja otvetstvennost' v sfere obespechenija bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija: sovremennye tendencii i perspektivy [Administrative Responsibility for Road Safety: Current Trends and Perspectives]. *Sibirskoe juridicheskoe obozrenie*, 2019, vol. 16, no 4, pp. 563-567. (In Russ.)
4. Vasil'chenko A. S. Narushenija psihicheskoy reguljacii povedenija u lic s opasnym vozhdeniem avtotransportnyh sredstv [Disorders of mental regulation of behaviour in persons with dangerous driving]. *Ph.D. thesis*. St. Petersburg, 2019, 174 p. (In Russ.)
5. Vasil'chenko A. S., Shport S. V. Psihologicheskie faktory opasnogo vozhdenija u razlichnyh kategorij voditelej [Psychological factors of dangerous driving in various categories of drivers]. *Social'naja i klinicheskaja psichiatrija*, 2020, vol. 30, no 4, pp. 47-54. (In Russ.)
6. Jeksakusto T. V., Savenko E. A. Sklonnost' k risku voditelej - narushitelej pravil dorozhnogo dvizhenija [Risk propensity of drivers who violate the rules of the road]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 2015, no 8. (In Russ.) Available at: <https://human.snauka.ru/2015/08/12333> (accessed: 05.11.2021).
7. Filatova O. N. Professional'naja podgotovka budushhih voditelej v avtoshkole [Training of future drivers in driving school]. *Abstract of Ph. D. Thesis*. N. Novgorod, 2009, 20 p. (In Russ.)
8. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manujlov G. M. Social'no-psihologicheskaja diagnostika razvitiya lichnosti v malyh gruppah [Socio-psychological diagnosis of personality development in small groups]. Moscow, Institut psihoterapii, 2002, 490 p. (In Russ.)
9. Nekljudova V. V. Sklonnost' k risku kak faktor formirovaniya modeli povedenija voditelja [Risk propensity as a factor in driver behaviour]. *Problemy sovremennoj pedagogicheskogo obrazovanija*. 2017, no 57-5, pp. 356-362. (In Russ.)

Информация об авторе

**В. В. Пискунова – кандидат медицинских наук,
доцент кафедры «Безопасность жизнедеятельности»,
Пермский государственный аграрно-технологический университет,
доцент кафедры «Психология и педагогика»,
Прикамский социальный институт.**

Information about the author

**V. V. Piskunova – Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor at the Department of Life Safety,
Perm State Agrarian and Technological University,
Associate Professor at the Department of Psychology and Pedagogy,
Prikamsky Social Institute.**

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; одобрена после рецензирования 22.11.2021; принята к публикации 22.11.2021.

The article was submitted 08.11.2021; approved after reviewing 22.11.2021; accepted for publication 22.11.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 96–104.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 96-104.

Научная статья
УДК 155.9.01

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ, СКЛОННЫХ К ПЕРФЕКЦИОНИЗМУ

Ирина Фаритовна Шиляева

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы,
Уфа, Россия, if2610@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности социально-психологической адаптации студентов, склонных к перфекционизму. Студенческий возраст является важным испытанием, и от того, как студент с ним справится, как он пройдет социально-психологическую адаптацию в стенах вуза, зависят дальнейшие его достижения. В студенческом возрасте перфекционизм выражается в предъявлении повышенных требований к своей личности и к личностям окружающих в учебно-профессиональной деятельности, преувеличении требований по отношению к себе со стороны других людей. В связи с этим актуальным является раннее выявление проблем социально-психологической адаптации, их диагностика и сравнительный анализ. Авторами организовано и проведено эмпирическое исследование особенностей социально-психологической адаптации студентов, склонных к перфекционизму. В качестве диагностического инструментария использовались «Опросник социально-психологической адаптации» Р. Даймонда – К. Роджерса, «Шкала тревоги» Спилбергера–Ханина; методика диагностики учебной мотивации студентов (А. Реан, В. Якунин, модификация Н. Бадмаевой); опросник П. А. Шулера на выявление перфекционизма. В исследовании приняли участие 49 студентов в возрасте 17–19 лет. Анализ особенностей социально-психологической адаптации у студентов, склонных и не склонных к перфекционизму, показал достоверность различий. Для перфекционистов характерны высокий уровень неприятия себя, эмоциональный дискомфорт, внутренний контроль, эскапизм и высокая личностная тревожность.

Ключевые слова: адаптация, факторы адаптации, дезадаптация, адаптивные свойства личности, студенчество, перфекционизм, учебная мотивация, личностная тревожность, ситуативная тревожность.

Для цитирования: Шиляева И. Ф. Проблема социально-психологической адаптации студентов, склонных к перфекционизму // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 96–104.

Original article

PROBLEMS OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF STUDENTS WHO ARE PRONE TO PERFECTIONISM

Irina F. Shilyaeva

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia, if2610@mail.ru

Abstract. The article analyzes the features of socio-psychological adaptation of students who are prone to perfectionism. The student age is an important test, and how the student will cope with it, how he will pass the socio-psychological adaptation within the walls of the university depends on his further

achievements. At the student age, perfectionism is expressed in the presentation of increased demands on one's personality and on the personality of others in educational and professional activities, exaggeration of demands on oneself from other people. In this regard, early identification of problems of socio-psychological adaptation, their diagnosis and comparative analysis are relevant. The authors organized and conducted an empirical study of the features of socio-psychological adaptation of students who are prone to perfectionism. "Questionnaire of social and psychological adaptation" by R. Diamond - K. Rogers, Spielberger-Hanin's Anxiety Scale; methodology for diagnosing educational motivation of students (A. Rean, V. Yakunin, modification by N. Badmaeva); P. A. Schuler's questionnaire to identify perfectionism was used as a diagnostic tool. The study involved 49 students aged 17-19 years. The analysis of the features of socio-psychological adaptations in students who are prone and not prone to perfectionism showed the reliability of the differences. For the perfectionists, there are patterns of a high level of self-rejection, emotional discomfort, inner control, egoism, and a high level of personal anxiety.

Keywords: adaptation, adaptation factors, maladaptation, adaptive personality traits, students, perfectionism, educational motivation, personal anxiety, situational anxiety.

For citation: Shilyaeva I. F. The problem of socio-psychological adaptation of students who are prone to perfectionism. Bulletin of the Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 96-104. (In Russ.)

Понятие адаптации знакомо абсолютно каждому человеку. Всё начинается с того, что он рождается на этот свет. В этот момент человек испытывает сильнейший стресс, входит в этот мир и приспосабливается к нему, конечно, с помощью своих родителей. И на протяжении всей жизни человек сталкивается с чем-то новым: с людьми, с окружающей средой, с природными явлениями, с законами и правилами. Практически на каждом этапе развития человеку приходится работать над собой, стремиться к равновесию с условиями среды, достигать гармонии в отношениях «человек–среда», приспосабливаться к другим osobям, которые также стараются адаптироваться и к среде, и к ее обитателям, находить подход к той или иной ситуации, принимать решения и действовать. Это и называется человеческой адаптацией.

Один из важнейших адаптационных периодов – студенческая адаптация. Студенческий возраст является ключевым в жизни человека, и именно он считается отправной точкой в личностном и профессиональном становлении. В этот период происходит формирование профессиональной направленности и идентичности, новых смыслов и ценностных ориентаций, развивается мировоззрение, выстраивается план на дальнейшее будущее и вырабатывается собственная жизненная позиция.

Под социально-психологической адаптацией студентов к обучению в высшем учебном заведении подразумевают процесс вхождения индивидуума в новые роли и формы деятельности, которые определяют выработку оптимального режима функционирования индивида в учебной среде [1].

Психологическая адаптация предстает как изменение, перестройка психики индивида под воздействием объективных факторов среды, процесс ломки старого и установление нового динамического стереотипа – устойчивой системы временных нервных связей, обеспечивающей определенную интенсивность и последовательность реакций организма и психики на изменение внешних и внутренних воздействий и осуществляющейся в форме целостной деятельности больших полушарий головного мозга.

Процесс адаптации как специфический момент в развитии и становлении личности студента имеет особое значение. Во-первых, потому, что в ходе адаптации важно дать правильную ориентацию в системе поведения, поскольку подобная ориентация надолго определяет «лицо» студента, судьбу его развития. Во-вторых, потому, что в ходе этого процесса совершается важнейшее событие: формируется социально-психологическая общность студенческого коллектива.

Социально-психологическая адаптация студентов, поступивших в высшие учебные заведения, имеет свои особенности. Успешную адаптацию студентов можно рассматривать как их включенность:

- в новую социальную среду;
- в новую систему отношений;
- в учебно-познавательный процесс.

Исследуя процесс адаптации студентов, И. Ю. Мильковская выделила три блока факторов, оказывающих воздействие на адаптацию студента в социальной среде вуза. Она подразделила их на внешние и внутренние.

Первый блок – социологический – включает в себя: возраст, социальное положение, тип образовательного учреждения. Второй блок – педагогический – относится к внешним факторам, и в него входят: организация среды; материально-техническая база учреждения, уровень педагогического мастерства преподавателей. Третий блок – психологический – И. Ю. Мильковская отнесла к внутренним факторам, эта группа включает индивидуально-психологические и социально-психологические факторы (направленность, интеллект, мотивация, личностный адаптационный потенциал первокурсника) [2].

В. Ю. Хицкая выделила четыре категории факторов, влияющих на адаптацию:

1. Факторы, связанные со степенью готовности учащихся к учебной деятельности в вузе: в первую очередь это широта и глубина знаний бывших школьников, профессиональная направленность и заинтересованность в процессе получения новых знаний.

2. Факторы, обобщающие индивидуальные особенности адаптации, например уровень социальной и нравственной зрелости, уровень правосознания, индивидуально-личностные особенности развития психических процессов.

3. Факторы, которые являются значимыми для успешного процесса адаптации: наличие института кураторства, подготовка (теоретическая и методическая) самих преподавателей, педагогический и психологический мониторинг хода учебного процесса, личностный подход к студенту, независимо от показателей успеваемости.

4. Факторы, связанные с условиями обучения и проживания, были выделены в отдельную группу. Это факторы благополучия внутригруппового общения, санитарно-гигиенические условия обучения и проживания и фактор организации учебного процесса [3].

Существует огромное разнообразие мнений по поводу того, какие свойства личности следует считать адаптивными. Здесь можно встретить описание достаточно обобщенных личностных качеств, таких, как осознанность, гибкость поведения, способность к внутриличностным изменениям, социально-психологическая терпимость. Наряду с этим используется простое перечисление особенностей поведения, присущих достаточно адаптированным индивидам: дружелюбность, ответственность, соответствие поведения этическим нормам. Если адаптивность рассматривается как система способов, позволяющих справляться с типичными проблемными ситуациями, то отмечаются такие качества, как способность принимать адекватные решения, наличие соответствующих знаний, умений.

С. А. Ларионова выделяет следующие факторы, детерминирующие адаптацию личности:

- ценностные ориентации, направленность личности;
- «Я-концепция» личности;
- базовая социальная потребность личности в позитивном отношении и самоотношении;

- адаптационные ресурсы;
- свойства интеллекта;
- эмоционально-волевой компонент [4].

Как известно, время обучения в вузе совпадает с юношеским возрастным этапом, проявлением которого является бурное развитие личности, стремление критически осмысливать всё окружающее, утверждение своей самостоятельности и оригинальности и самое важное – рвение к совершенству и идеалу, что и характеризует понятие перфекционизма.

Интерес к феномену перфекционизма в настоящее время в мировой и отечественной психологии всё больше возрастает. Некоторые исследователи утверждают, что постоянное стремление к безупречности способствует дезадаптации личности, а другие считают его в целом адаптивным. С одной стороны, наличие у человека такого качества, как перфекционизм, побуждает добиваться лучшего результата в любом деле, а с другой – может быть проявлением патологий личности и психических расстройств.

В студенческом возрасте перфекционизм выражается в предъявлении повышенных требований к своей личности, к личностям окружающих в учебно-профессиональной деятельности, преувеличении требований по отношению к себе со стороны других людей. Это сопровождается устойчивым напряжением, беспокойством, тревогой, боязнью неудачи, навязчивыми сомнениями и опасениями, концентрацией на ошибках, болезненным восприятием критики, трудностями в принятии решений, что затрудняет социально-психологическую адаптацию личности.

Считается, что данная особенность закладывается в детстве. Если у ребенка присутствует синдром отличника, он стремится быть лучшим в учебе. Любые ошибки и провалы он воспринимает крайне болезненно. Он уверен, что всегда должен быть успешным и получать наивысшие оценки. Отличник боится оказаться неуспешным не только из-за страха перед наказанием со стороны родителей, но и из-за гипертрофированного чувства личной ответственности. Подобные состояния представляют опасность, поскольку в долгосрочной перспективе могут приводить к расстройствам психики [5].

Интересом научного сообщества к перфекционизму мы обязаны работам американского социального психоаналитика Карен Хорни. Именно она впервые обратила внимание на этот феномен. Разрабатывая собственную концепцию неврозов, психолог акцентирует внимание на таких аспектах личности, как нарциссизм и перфекционизм. Перфекционизм К. Хорни рассматривала как часть некоего идеализированного образа себя, к которому индивид может стремиться (при благоприятном развитии) либо которым индивид может подменять реально существующий образ себя (невротическое развитие). По мнению К. Хорни, перфекционизм включает в себя завышенные, нереалистичные требования человека к самому себе и приводит к возникновению жесткой критики в свой адрес в ситуации, когда человек не может соответствовать собственным требованиям [6].

П. Хьюит и Г. Флит в 1990 году предложили собственную многомерную модель перфекционизма, включающую следующие параметры:

1. «Я»-адресованный перфекционизм – широкий личностный стиль, в котором существуют аффективные, поведенческие и мотивационные компоненты. Включает высокие стандарты, постоянное самооценивание и цензирование собственного поведения, а также мотив стремления к совершенству, варьирующийся по интенсивности у разных людей.

2. Перфекционизм, адресованный к другим людям, – убеждения и ожидания относительно способностей других людей. Этот вид перфекционизма предполагает нереалистичные стандарты для значимых людей из близкого окружения, ожидание людского со-

вершенства и постоянное оценивание других. Как полагают авторы, он порождает частые обвинения в адрес других людей, дефицит доверия и чувство враждебности по отношению к людям.

3. Перфекционизм, адресованный к миру в целом – убежденность в том, что в мире всё должно быть точно, аккуратно, правильно, причем все человеческие и общемировые проблемы должны получать правильное и своевременное решение.

4. Социально предписываемый перфекционизм – отражает потребность соответствовать стандартам и ожиданиям значимых других. Предполагается, что социально предписываемый перфекционизм может иметь множество негативных последствий в виде гнева, страха негативной оценки, повышенной значимости чужого внимания и одобрения [7; 8].

Юношеский перфекционизм влечет за собой опасности различного характера. Чрезмерное стремление к совершенству сопровождается хроническим эмоциональным дискомфортом, низкой продуктивностью деятельности, риском психических расстройств и иногда даже суициальными попытками [11].

На фоне постоянного напряжения весьма вероятно развитие невроза – например, связанного с ситуацией студенческого обучения. Отличники и отличницы попадают в ловушку психологического стереотипа: им кажется, что они всегда должны быть самыми лучшими. При этом нередко оценки становятся самоцелью, а интерес к учебе и саморазвитию может быть потерян. Получение пятерки и одобрения важнее достижения цели и удовольствия от процесса и результата деятельности.

Юноши-перфекционисты болезненно реагируют на критику, с трудом приспосабливаются к новым условиям. С окружающими людьми они часто предпочитают не сотрудничать, а соперничать и соревноваться, из-за чего со временем у них может остаться мало друзей [10].

Рано или поздно все перфекционисты начинают испытывать чувство усталости, тревоги и безнадежности. У них нередко возникают проблемы со здоровьем на фоне постоянного стресса и истощения: головные боли, слабость, обострение хронических заболеваний. Среди перфекционистов много людей, страдающих серьезными тревожными и депрессивными расстройствами [11].

Студента-перфекциониста заметить очень легко. Он всегда садится за первую парту, то есть близко к преподавателю, постоянно ищет с ним зрительный контакт, много комментирует и напрашивается на похвалу.

Возможны два варианта развития социально-психологической адаптации студента-перфекциониста. Либо он успешно адаптируется к студенческой жизни и к новой форме учебной деятельности, развивает навыки самообразования во всех сферах и повышает свою профессиональную планку, либо может произойти полнейшая дезадаптация молодого человека к студенческой среде, которая проявляется в собственной неуверенности и замкнутости, расставлении неадекватных приоритетов и стереотипов, в болезненном восприятии своих ошибок, в проблеме общения с одногруппниками и преподавателями и неумении расслабляться и получать удовольствие от жизни.

В связи со всем вышесказанным *цель нашего исследования* – выявить особенности социально-психологической адаптации студентов, склонных к перфекционизму.

В качестве *гипотезы эмпирического исследования* нами было выдвинуто предположение о том, что у студентов-первокурсников с разной степенью перфекционизма процесс социально-психологической адаптации происходит по-разному: высокий уровень перфекционизма затрудняет адаптационный процесс, что может выражаться, в свою очередь, в непродуктивном отношении к самому себе, к другим и к учебе.

В нашем исследовании приняли участие 49 студентов в возрасте 17–19 лет. Уровень перфекционизма студентов определялся при помощи опросника П. А. Шулера: почти половина (45 %) респондентов продемонстрировали высокий уровень перфекционизма, низкий уровень – у 34 % опрошенных, средний показал 21 % студентов. Полученные данные наглядно свидетельствуют о том, что проблема перфекционизма в контексте социально-психологической адаптации для студентов достаточно актуальна, что и обусловило необходимость нашего дальнейшего исследования.

Особенности социально-психологической адаптации студентов были определены с помощью методики К. Роджерса и Р. Даймонда, предназначеннной для выявления особенностей личности тестируемого и степени социально-психологической адаптации, часто – к новой среде, условиям и правилам поведения. В опроснике выделяется шесть интегральных показателей: адаптация, принятие других, интернальность (уровень субъективного контроля), самовосприятие, эмоциональный комфорт, стремление к доминированию.

Результаты диагностики показали, что большинство студентов имеет уровень проявления показателей адаптации в пределах нормы. Меньше всего студенты испытывают нормальный уровень эмоционального дискомфорта (67 %), эмоционального комфорта (64 %), а также обладают нормальным уровнем приятия себя (71 %).

Для проверки гипотезы мы также исследовали уровень тревожности при помощи методики Спилбергера–Ханина. Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство студентов имеют средний уровень личностной (66 %) и ситуативной (82 %) тревожности. Это значит, что большинство опрошенных не испытывают неадекватно сильный стресс в широком диапазоне ситуаций и испытывали умеренную напряженность в момент тестирования. Высокая личностная тревожность выявлена у 21 % испытуемых, ситуативная тревожность – у 11 % опрошенных.

Нами был проведена диагностика учебной мотивации студентов при помощи методики А. А. Реан и В. А. Якунина (модификация Н. Ц. Бадмаевой). В методике выделяется семь шкал, соответствующих учебным мотивам: коммуникативные и профессиональные мотивы, мотивы избегания, престижа, мотивы творческой самореализации, учебно-познавательные и социальные мотивы. Анализ полученных данных показал преобладание профессиональных мотивов (27 %). Такие студенты учатся для того, чтобы обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности, им нравится выбранная профессия. На втором месте (16 %) стоят учебно-познавательные мотивы. Студенты с преобладанием таких мотивов испытывают интерес к самому процессу получения знаний. На третьем месте находится мотив творческой самореализации (15 %). Студенты с подобным мотивом учатся, чтобы узнавать новое и решать проблемы развития общества, жизнедеятельности людей.

Полученные данные были подвергнуты статистическому анализу с помощью *U*-критерия Манна–Уитни. *U*-критерий Манна–Уитни позволил оценить различия в уровне социально-психологической адаптации студентов, склонных и не склонных к перфекционизму. Статистический анализ достоверности различий в уровне социально-психологической адаптации склонных и не склонных к перфекционизму студентов по критерию Манна–Уитни представлен в таблице.

Анализ данных, приведенных в таблице, позволяет сделать следующие основные выводы:

- показатели неприятия себя, эмоционального дискомфорта, внутреннего контроля и эскапизма статистически выше у студентов, склонных к перфекционизму ($p \leq 0,05$);
- показатели личностной тревожности статистически выше также у студентов, склонных к перфекционизму ($p \leq 0,01$).

Таблица

Статистический анализ достоверности различий в уровне социально-психологической адаптации студентов, склонных и не склонных к перфекционизму, по критерию Манна–Уитни

Компоненты социально-психологической адаптации и виды мотивации	Средние значения		<i>U</i> -критерий Манна–Уитни	Уровень статистической значимости (<i>p</i>)
	Склонные к перфекции Онисму	Не склонные к перфекционизму		
Адаптивность	22,048	25,34	241,5	0,474
Дезадаптивность	26,50	21,80	220	0,240
Приятие себя	25,50	22,68	242	0,481
Неприятие себя	30,73	18,08	127	0,02*
Приятие других	22,45	25,36	241	0,468
Эмоциональный комфорт	25,68	22,52	238	0,429
Эмоциональный дискомфорт	30,61	18,18	129,5	0,02*
Внутренний контроль	28,08	19,36	173	0,03*
Внешний контроль	25,02	23,10	252,5	0,631
Доминирование	24,66	23,42	260,5	0,757
Ведомость	22,45	25,36	241	0,467
Эскапизм	28,43	20,10	177,5	0,04*
Ситуативная тревожность	20,75	26,86	203,5	0,127
Личностная тревожность	30,91	17,92	123	0,01**
Коммуникативные мотивы	27,97	21,30	207,5	0,12
Мотив избегания	23,75	24,22	269,5	0,902
Мотив престижа	24,27	23,76	269	0,892
Профессиональные мотивы	26,98	21,38	209,5	0,150
Мотив творческой самореализации	25,02	23,10	252,5	0,598
Учебно-познавательные мотивы	23,73	24,24	269	0,892
Социальные мотивы	27,30	21,10	202,5	0,102

Примечание: * – различия достоверны на уровне 0,05; ** – различия достоверны на уровне 0,01.

Итак, результаты психологического исследования показали, что студенты, склонные к перфекционизму, обладают более высокими показателями неприятия себя. Они испытывают большую неудовлетворенность своими характеристиками и качествами, имеют более низкую самооценку, чем не склонные к перфекционизму студенты. Кроме того, у студентов-перфекционистов были выявлены высокие показатели эмоционального дискомфорта. Для них характерна неопределенность в эмоциональном отношении к окружающей социальной действительности. Они испытывают неуверенность, подавленность, вялость и т. п.

У студентов-перфекционистов хорошо развит внутренний контроль. Они обладают интернальным локусом контроля. Такие студенты принимают на себя ответственность за события, происходящие в их жизни, а результаты деятельности объясняют своим поведением, характером, способностями. Кроме того, студенты со склонностью к перфекционизму больше предрасположены к эскапизму. Им свойственно избегание проблемных ситуаций и уход от них.

Студенты-перфекционисты демонстрируют значительно более высокие показатели личностной тревожности. Они проявляют тревожность в широком диапазоне ситуаций. Каждая из этих ситуаций обладает стрессовым воздействием на субъекта и вызывает у него выраженную тревогу.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что наша гипотеза подтвердилась. Подтвердились предположение, что в процессе социально-психологической адаптации студентов с разной степенью перфекционизма наблюдаются различия: для перфекционистов характерны высокий уровень неприятия себя, эмоциональный дискомфорт, внутренний контроль, эскапизм и высокая личностная тревожность.

Список источников

1. Крысько В. Г. Социальная психология: курс лекций. 3-е изд. М.: Омега-Л, 2006. 352 с.
2. Мильковская И. Ю. Педагогические условия адаптации первокурсников в образовательном процессе высшей школы. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2007. 123 с.
3. Хицкая В. Ю. Учет когнитивных стилей как средство адаптации студентов первого курса к обучению в вузе: монография / Иркут. ун-т. Иркутск, 2008. 128 с.
4. Ларionova C. A. Социально-психологическая адаптация личности: теоретическая модель и диагностика. Белгород, 2002. 200 с.
5. Валуйская Т. Л. Психологические особенности студентов-отличников // Ананьевские чтения – 2009: материалы науч. конф. СПб., 2009. С. 91–93.
6. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М.: Прогресс-Универс, 1993. 346 с.
7. Гаранян Н. Г. Перфекционизм и враждебность как личностные факторы депрессивных и тревожных расстройств: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010. 42 с.
8. Гаранян Н. Г., Холмогорова А. Б., Юдеева Т. Ю. Перфекционизм, депрессия и тревога // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 4. С. 18–48
9. Цыганкова П. В. Взаимосвязь перфекционизма с особенностями самосознания при ауто-деструктивном поведении // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2010. № 2. С. 28–32.
10. Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Эмоциональные расстройства и современная культура // Консультативная психология и психотерапия. 1999. Т. 7, № 2. С. 61–90.
11. Корчагина Ю. Совершенство во всех отношениях [Электронный ресурс] // Здоровье детей. 2010. № 1. URL: https://zdd.1sept.ru/view_article.php?id=201000112 (дата обращения: 16.05.2021).

References

1. Krys'ko V. G. Social'naja psihologija [Social psychology]: kurs lekcij, 3rd ed., Moscow, Omega-L, 2006, 352 p. (In Russ.)
2. Mil'kovskaja I. Ju. Pedagogicheskie uslovija adaptacii pervokursnikov v obrazovatel'nom processe vysshej shkoly [Pedagogical conditions for the adaptation of freshmen in the educational process of higher education]. Volgograd, Volgogradskii gosudarstvennyi universitet, 2007, 123 p. (In Russ.)
3. Hickaja V. Ju. Uchet kognitivnyh stilej kak sredstvo adaptacii studentov pervogo kursa k obucheniju v vuze [Taking into account cognitive styles as a means of adapting first-year students to university studies]: monografija, Irkutsk, Irkut. un-t, 2008, 128 p. (In Russ.)
4. Larionova S. A. Social'no-psihologicheskaja adaptacija lichnosti: teoreticheskaja model' i diagnostika [Socio-psychological adaptation of personality: theoretical model and diagnostics]. Belgorod, 2002, 200 p. (In Russ.)
5. Valujskaja T. L. Psihologicheskie osobennosti studentov-otlichnikov [Psychological features of excellent students]. Anan'evskie chtenija-2009, St. Petersburg, 2009, pp. 91-93. (In Russ.)
6. Horni K. Nevroticheskaja lichnost' nashego vremeni [Neurotic personality of our time]. Moscow, Progress-Univers, 1993, 346 p. (In Russ.)
7. Garanjan N. G. Perfekcionizm i vrazhdebnost' kak lichnostnye faktory depressivnyh i trevozhnyh rasstrojstv [Perfectionism and hostility as personality factors of depressive and anxiety disorders]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Moscow, 2010, 42 p. (In Russ.)
8. Garanjan N. G., Holmogorova A. B., Judeeva T. Ju. Perfekcionizm, depressija i trevoga [Perfectionism, Depression and Anxiety]. Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal, 2001, no 4, pp. 18-48. (In Russ.)

9. Cygankova P. V. Vzaimosvjaz' perfekcionizma s osobennostjami samosoznaniya pri auto-destruktivnom povedenii [Relationship of conductionism with self-consciousness in autodestructive behavior]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Psichologicheskie nauki*, 2010, no 2, pp. 28-32. (In Russ.)
10. Holmogorova A. B., Garanjan N. G. Jemocional'nye rasstrojstva i sovremenaja kul'tura [Emotional Disorders and Modern Culture]. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija*, 1999, vol. 7, no 2, pp. 61-90. (In Russ.)
11. Korchagina Ju. Sovershenstvo vo vseh otnoshenijah [Perfection in all respects]. *Zdorov'e detej*, 2010, no 1. (In Russ.) Available at: https://zdd.1sept.ru/view_article.php?id=201000112 (accessed: 16.05.2021).

Информация об авторе

I. F. Шиляева – кандидат философских наук,
доцент кафедры «Общая и педагогическая психология»,
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы.

Information about the author

I. F. Shilyaeva – Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor at the Department of General and Pedagogical Psychology,
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.

Статья поступила в редакцию 08.09.2021; одобрена после рецензирования 24.09.2021;
принята к публикации 24.09.2021.

The article was submitted 08.09.2021; approved after reviewing 24.09.2021; accepted for
publication 24.09.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 105–111.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 105-111.

Научная статья
УДК 159.964.2

КОНЦЕПЦИЯ ЗАВИСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ШКОЛЫ МЕЛАНИ КЛЯЙН

Светлана Витальевна Шумкова

Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, shumkova.psy@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды М. Кляйн и некоторых ее последователей на феномен зависти. Обсуждается роль зависти в формировании переносно-контрпереносных реакций и проблемы ее интерпретации. Кроме того, затронут вопрос критической оценки некоторых положений теории М. Кляйн различными исследователями.

Ключевые слова: зависть, теория Мелани Кляйн, бессознательная фантазия, «хорошая» и «плохая» грудь, параноидно-шизоидная позиция, депрессивная позиция, нарциссизм.

Для цитирования: Шумкова С. В. Концепция зависти в исследованиях школы Мелани Кляйн // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 105–111.

Original article

THE CONCEPT OF ENVY IN MELANIE KLEIN SCHOOL RESEARCH

Svetlana V. Shumkova

Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, shumkova.psy@gmail.com

Abstract. The article examines the views of M. Klein and some of her followers on the phenomenon of envy. The role of envy in the formation of transfer-counter-transfer reactions and the problem of its interpretation is discussed. In addition, the issue of a critical assessment of some provisions of M. Klein's theory by various researchers will be raised.

Keywords: envy, Melanie Klein's theory, unconscious fantasy, “good” and “bad” breast, paranoid-schizoid position, depressive position.

For citation: Shumkova S. V. The concept of envy in Melanie Klein school research. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 105-111. (In Russ.)

Зависть – неотъемлемая часть эмоционального опыта каждого человека.

Однако перегруженность данного понятия негативными коннотациями делает зависть, пожалуй, одним из самых табуированных чувств, чему, вероятно, способствовали религиозные традиции (в нашей стране прежде всего христианские и исламские) оценки этого феномена как одного из семи смертных грехов. Духом морализаторства в отношении зависти пронизаны труды многих философов, отсылающие нас к искоренению в себе этого пагубного чувства, да и психологические исследования преимущественно строятся вокруг деструктивных проявлений зависти и ее последствий для разного рода межличностных отношений, в которых имплицитно присутствует идея борьбы с нежелательными ее проявлениями. Зависть, безусловно, представляет собой проблему

для межличностных отношений, однако, возможно, психологи следовало бы глубже взглянуть на ее истоки и на то, что происходит во внутренней реальности человека, который ее испытывает.

В терапевтическом процессе мы сталкиваемся с тем, что многим пациентам сложно говорить о своей зависти открыто, для некоторых людей столкновение с ней связано с болью. Так, например, у нарциссических личностей среди главных чувственных переживаний мы можем выделить, наряду со стыдом, зависть.

Пациенты могут прибегать к разнообразным психологическим защитам, чтобы избежать этого страдания. Р. Бриттон пишет, что «чувство зависти может быть той ценой, которую мы платим за признание у других качеств или способностей, которыми мы не обладаем, но на которые претендуем. Это всплеск боли на волне восхищения. Так же, как любовь, тревога, чувства утраты и вины, зависть и страх зависти встречаются на каждом шагу. Поэтому следует ожидать, что зависть, подобно прочим упомянутым чувствам, будет вспыхивать на каждодневных сеансах анализа, о ней будут сообщать, вспоминать, переживать ее вновь...». «...У некоторой, небольшой части людей она захватывает аналитическую сцену и их психическую жизнь» [1].

В разработку проблемы зависти огромный вклад внесла британский психоаналитик Мелани Кляйн. Ее теория, насыщенная конкретикой бессознательных фантазий, телесным опытом и языком примитивного бессознательного, вызывает противоречивые реакции. Как пишет И. Ю. Романов, «одни сразу очаровываются этим загадочным, пугающим, но и очень живым миром, находя в нем множество соответствий своим переживаниям и/или клиническим наблюдениям....», у других же, напротив, «можно встретить реакции неприятия и отторжения...» [2].

Й. Шторк, отзываясь об идеях М. Кляйн, говорит, что «она создала всеобъемлющую картину психических событий, происходящих в течение первых лет жизни и структурирующих глубинное ядро личности и высших психических способностей человека. Многие, в том числе и “не-кляйнианцы”, считают Мелани Кляйн величайшей фигурой в психоанализе после Фрейда» [3].

Поскольку базовые идеи М. Кляйн связаны с допущением очень сложной психической жизни с самого рождения, в адрес ее теории и конкретных ее положений обрушилось немало критики. Например, В. Тэхке подвергал критике концепцию частичных объектов, понятие проективной идентификации, переживание собственного Я с самого начала жизни и т. д. [4]. О. Кернбергставил под сомнение идею кляйнианцев о том, что главные этапы развития относятся к первому году жизни, не разделял их мнения о том, что зависть является выражением врожденного инстинкта смерти [5].

Однако, несмотря на аргументированное несогласие многих авторов принимать такое представление о психической жизни младенца, которое предлагала М. Кляйн, и невозможность эмпирической проверки ее теории, всё же есть основания считать ее «жизнеспособной». Имеются данные некоторых авторов (например, Ф. Форнари) о том, что психическая активность возникает еще до рождения, примерно на седьмом или восьмом месяце беременности [3].

С. Даулинг, будучи приверженцем идей А. Фрейд, с иронией пишет: «Если вы последователь Мелани Кляйн, вы обнаружите психологические характеристики, приписываемые параноидно-шизоидной и депрессивной позициям: расщепление, проекцию, проективную идентификацию и примитивные аффекты, а затем, позже, на первом году жизни, – зависть, благодарность и вину, и всё это наряду с врожденной осведомленностью о пенисе, половых сношениях, рождении и эдипальных отношениях [6]. Несмотря на весь скепсис, выражаемый С. Даулингом и частично разделяемый нами, на сегодняшний день есть научные

предположения, которые могут означать (если будут доказаны), что, по крайней мере, есть врожденные предпосылки для зависти (в трактовке М. Кляйн). Так, современный невролог Вилейанур С. Рамачандран высказал гипотезу о существовании врожденной репрезентации пениса и ареала женской груди в коре больших полушарий. Голландский ученый-нейробиолог Д. Свааб, считающий, что большинство черт нашей личности носит врожденный характер, всерьез рассматривает данную гипотезу [7].

Мы находим подтверждение идеям М. Кляйн в клинической практике, особенно при работе с тяжелыми случаями. Как отмечает Коряков, кляйнианские интерпретации зависти хорошо подходят при работе с личностями, функционирующими на пограничном или психотическом уровнях [8].

В данной статье мы не ставили перед собой цель охватить весь спектр мнений кляйнианских аналитиков относительно зависти или подробно осветить теоретические положения теории М. Кляйн. Эта работа – скорее попытка привлечь внимание к важности исследования глубинной природы зависти, которое практически отсутствует в поле психологических исследований.

Новаторский подход М. Кляйн заключался в том, что она предположила существование примитивных бессознательных фантазий у младенцев с самых первых дней жизни.

Кляйн постулировала две ранние «позиции» у младенцев: парапоидно-шизодонную (примерно до полугода) и депрессивную (после шести месяцев и до года). Для первой характерны расщепление материнской груди на «хорошую» и «плохую», а также отсутствие осознания матери как целостного объекта. Для второй характерно осознание матери как целостного объекта и скорбь по поводу кажущейся утраты матери. Однако самым главным ее достижением было открытие нового механизма защиты – проективной идентификации [9]. М. Кляйн пишет, что «зависть – это орально-садистское и анально-садистское выражение деструктивных импульсов, действующих с начала жизни, и что она имеет конституциональную основу» [10]. Она определяла зависть как «злобное чувство, что другой человек обладает и наслаждается чем-то желаемым, завистливый импульс направлен на то, чтобы отобрать или испортить это». Кляйн считала, что в зависти находит свое воплощение так называемый инстинкт смерти. Работа инстинкта смерти дает начало страху уничтожения, и это является первопричиной тревоги преследования, появление же зависти усиливает тревогу преследования [11]. «Я считаю, что тревога, порождаемая действием инстинкта смерти внутри организма, ощущается как страх аннигиляции (смерти) и принимает форму преследования. Этот страх перед деструктивным импульсом, по-видимому, тотчас же прикрепляется к объекту – или, вернее, переживается как страх перед неконтролируемым подавляющим объектом» [12].

В книге «Зависть и благодарность» М. Кляйн описала развертывание проективной идентификации¹ целиком как осуществление завистливых намерений и также как защиту от зависти – например, проникновение в объект и овладение его качествами [12]. Кляйн подчеркивает, что примитивная зависть часто является скрытой, отщепленной и беззвучной. В ситуации переноса такая зависть зачастую существенно ограничивает способность пациента воспользоваться какой бы то ни было аналитической работой и обуславливает тяжелые негативные терапевтические реакции [13]. С точки зрения Кляйн, примитивная зависть – это главное препятствие для интеграции и установления прочного хорошего объ-

¹ Проективная идентификация – проекция на объект невыносимых в себе самое чувств, желаний, намерений, и одновременно идентификация с этим обогащенным своими проекциями объектом, что приводит к нарушению границ между собой и объектом и ощущению внешнего объекта как плохой, преследующей части себя, и наоборот [10].

екта, основы Эго. Если первичный хороший объект не устанавливается, то же проявляется и в ситуации переноса [10]. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о том, насколько важно обнаруживать и правильно интерпретировать зависть.

М. Кляйн разграничивала понятия «зависть», «жадность» и «ревность». Зависть проходит из диадных отношений, ревность же возникает в ситуации триадных. Жадность предполагает «...бурное и ненасытное алканье, которое превышает потребности субъекта и желание и возможности объекта давать...». По ее мнению, в основе жадности и зависти лежат разные защитные механизмы. Зависть она связывает с проекцией и проективной идентификацией, а жадность с деструктивной интроекцией [10]. Многие кляйнианцы считают это разделение клинически важным, о чем будет сказано ниже.

В целом представители данной школы рассматривают зависть как одну из важнейших концепций, имеющую важное клиническое значение.

У. Бион на основе работы с пограничными и психотическими пациентами пришел к выводу о том, что у младенца существует врожденная предрасположенность к приступам зависти относительно способности матери контейнировать те переживания, которые он не может контейнировать [14]. Аналогичным образом подвергаться завистливым нападкам со стороны пациента может способность аналитика контейнировать проекции пациента.

Обсуждая проблему зависти, невозможно не затронуть тему нарциссизма и посмотреть, как соотносятся эти два понятия.

Г. Розенфельд «был первым, кто связал кляйнианский подход к терапии с описательным и характерологическим анализом специфической группы пациентов и создал первую современную теорию патологического нарциссизма» [5]. Розенфельд полагал, что важно различать нарциссические состояния, в которых преобладают либидинозные аспекты, и те, в которых преобладают деструктивные аспекты нарциссизма. Хотя в первом, либидинозном, случае, когда нарциссическая система убеждений получает повреждение, действительно вспыхивают зависть, негодование и месть, анализ улучшает понимание и ослабляет негативизм. Однако при преимущественно деструктивном нарциссизме зависть отличается большей силой и меньше признается и возникает непреодолимое желание разрушить аналитика или самость. В этом, деструктивном, случае, как замечает Розенфельд, «смерть идеализируется как решение всех проблем» [15]. В этой связи интересен взгляд О. Кернберга как одного из самых влиятельных современных исследователей нарциссизма. О. Кернберг, признавая вклад Розенфельда в теорию нарциссизма, не разделяет его мнения о том, что зависть есть выражение инстинкта смерти и не согласен с его тенденцией интерпретировать нарциссические конфликты исключительно как отражение развития на первом году жизни [5].

Г. Розенфельд отмечал у некоторых нарциссических пациентов, функционирующих на пограничном уровне, тенденцию бессознательного «обокрадывания» терапевта в попытке компенсировать относящуюся к нему зависть и утвердить свое патологическое грандиозное Я (например, пациент приписывает себе идеи и установки терапевта, считая их своими собственными, и использует их в повседневной жизни). Соглашаясь с существованием подобного способа обращения с завистью, О. Кернберг предлагает увидеть в этом в основе своей патологическом механизме адаптивные функции, которые выражаются в увеличении автономии пациента и противостоянии негативному влиянию бессознательной зависти [5].

В отличие от М. Кляйн, Р. Бриттон придерживается мнения, что зависть имеет не только антилибидинальные, но и либидинальные источники. Р. Бриттон в своей статье «Нарциссизм и нарциссические расстройства» показывает, что нарциссические объектные отношения могут быть альтернативой стремлению к любви Супер-Эго. Он говорит о том, что к формированию нарциссических объектных отношений побуждает страх перед враждебным Супер-Эго или зависть к мощному, безупречному Супер-Эго [15].

Взгляды Х. Сигал на нарциссизм аналогичны взглядам Г. Розенфельда, однако Х. Сигал считает, что каждый пример стойкого патологического нарциссизма в основном базируется на инстинкте смерти и зависти. Х. Сигал подчеркивает, что нарциссизм можно считать защитой от зависти, в большей мере связанной с действием инстинкта смерти, нежели с либидинальными инстинктами [16]. С точки зрения Х. Сигал, «зависть и нарциссизм – две стороны одной медали. Нарциссизм защищает нас от зависти. В этом и заключается различие. Если вы убеждены в существовании длительной нарциссической стадии, для вас зависть будет производной от краха нарциссической иллюзии» [12].

Г. Этчегоен отмечает, что необходимо тщательно отличать зависть от других форм агрессивности: жадности, ревности и фрустрации. Если аналитик совершает ошибку, интерпретируя фрустрацию там, где на самом деле налицо зависть, он запускает циклический механизм, возвращающий ему его теоретическую ошибку, поскольку анализируемый обычно не завидует ограждам аналитика – он завидует только тогда, когда аналитик прав [17].

Г. Этчегоен, ссылаясь на рекомендации, сделанные Дж. Ривьер и Г. Розенфельдом, говорит о том, что частая интерпретация зависти и негативного переноса может только усугубить ситуацию в анализе. «Однако не следует приходить к выводу, что разумно не интерпретировать зависть, чтобы не вызвать ее или чтобы ее смягчить. Поскольку зависть не интерпретируется, анализируемый объясняет это – и не без причины! – тем, что аналитик ее боится или идеализирует» [17].

Мы коснулись только некоторых аспектов зависти на примере взглядов отдельных кляйнианских аналитиков. Несмотря на то что данные исследования вызывают много вопросов, они, безусловно, заслуживают внимания как с теоретических позиций, так и с точки зрения их практического применения.

Проявляясь завуалированно, в переносно-контрпереносных реакциях, зависть может долгое время оставаться незамеченной и непроинтерпретированной или проинтерпретированной неверно, становясь одной из самых значительных причин появления тупика в терапии или негативной терапевтической реакции. Исследование вклада зависти в формирование негативной терапевтической реакции, изучение особенностей проявления зависти в ситуации переноса/контрпереноса заслуживают отдельного рассмотрения. Решение этих задач имеет явную практическую направленность и связано с эффективностью аналитического процесса. М. Кляйн считала, что «требуется длительная и болезненная работа, прежде чем пациент сможет встретиться со своей завистью и ненавистью в анализе в ситуации переноса». Проработка зависти является эффективным средством повышения стабильности, интеграции и обогащения личности. «Вместе с ненавистью, завистью и деструктивностью возвращаются другие важные части себя, которые прежде были потеряны» [10].

Список источников

1. Britton R. He thinks himself impaired: the pathologically envious personality // Envy and Gratitude Revisited / eds P. Roth and A. Lemma. London: IPA, 2008. P. 124-136.
2. Романов И. Ю. В ритме движений души. Несколько замечаний об эволюции кляйнианского психоанализа [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2006. № 1. URL: <https://psyjournal.ru/articles/v-ritme-dvizheniy-dushi-neskolko-zamechaniy-ob-evolyucii-klyaynianskogo-psichoanaliza> (дата обращения: 22.11.2021).
3. Шторк Й. Психическое развитие маленького ребенка с психоаналитической точки зрения [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2005. № 2. URL: <https://psyjournal.ru/articles/psihicheskoe-razvitiye-malenkogo-rebenka-s-psichoanaliticheskoy-tochki-zreniya> <https://psyjournal.ru/articles/v-ritme-dvizheniy-dushi-neskolko-zamechaniy-ob-evolyucii-klyaynianskogo-psichoanaliza> (дата обращения: 22.11.2021).

4. Тэхкэ В. Психика и ее лечение: психоаналитический подход. М.: Академический Проект, 2001. 576 с.
5. Кернберг О. Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии / пер. с англ. М. И. Завалова. М.: Класс, 2014. 464 с.
6. Даулинг С. Можем ли мы реконструировать довербальные события? [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2009. № 2. URL: <https://psyjournal.ru/articles/mozhem-li-my-rekonstruirovat-doverbalnye-sobytiya> (дата обращения: 19.11.2021).
7. Свааб Д. Мы это наш мозг. От матки до Альцгеймера / пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2020. 544 с.
8. Коряков Я. И. О негативной терапевтической реакции [Электронный ресурс] // Интеграция медицины и психологии в XXI веке: материалы науч.-практ. конф. / под. ред. С. И. Блохиной, Е. Т. Соколовой, Л. Т. Баранской. Екатеринбург: СВ-96, 2007. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/37623/1/imp2007-07.pdf> (дата обращения: 19.11.2021).
9. Николаичев Б. О. Стадия зеркала и проективная идентификация [Электронный ресурс] // Психология и Психотехника. 2013. № 1. URL: https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=23126 (дата обращения: 19.11.2021).
10. Кляйн М. Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников / пер. с англ. Л. Ф. Ускова. СПб.: Б.С.К., 1997. 96 с.
11. Кляйн М. Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни ребенка // Психоанализ в развитии. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. С. 60–97.
12. Хиншелвуд Р. Словарь кляйнианского психоанализа / пер. З. Баблояна, науч. ред. И. Ю. Романова. М.: Когито-Центр, 2007. 566 с.
13. Сигал Х., Белл Д. Теория нарциссизма в работах Фрейда и Кляйн [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2008. № 4. URL: <https://psyjournal.ru/articles/teoriya-narcissizma-v-rabotah-freya-i-klyayn> (дата обращения: 22.11.2021).
14. Старовойтов В.В. Посткляйнианская школа психоанализа в трудах У. Биона // Журнал практической психологии и психоанализа. 2012. № 2. URL: <https://psyjournal.ru/articles/postklyaynianskaya-shkola-psichoanaliza-v-trudah-ubiona> (дата обращения: 22.11.2021).
15. Бриттон Р. Нарциссизм и нарциссические расстройства [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2008. № 4. URL: <https://psyjournal.ru/articles/narcissizm-i-narcissicheskie-rasstroystva> (дата обращения: 22.11.2021).
16. Кинодо Ж. М. Приручение одиночества / пер. с фр. Т. Пушкаревой. М.: Когито-Центр, 2008. 256 с.
17. Interviews with Etchegoyen R. H. // Kharkov Psychoanalytic Society. URL: <http://psychoanalysiskharkov.com/video/> (дата обращения: 22.11.2021).

References

1. Britton R. He thinks himself impaired: the pathologically envious personality // Envy and Gratitude Revisited / eds P. Roth and A. Lemma. London: IPA, 2008. P. 124-136.
2. Romanov I. Ju. V ritme dvizhenij dushi. Neskol'ko zamechanij ob jevoljucii kljajnianskogo psichoanaliza [In the rhythm of soul movements. Several comments on the evolution of Kleinian psychoanalysis]. *Zhurnal prakticheskoy psihologii i psichoanaliza*, 2006, no 1. (In Russ.) Available at: <https://psyjournal.ru/articles/v-ritme-dvizheniy-dushi-neskolko-zamechanij-ob-evolyucii-klyaynianskogo-psichoanaliza> (accessed: 22.11.2021).
3. Shtork J. Psihicheskoe razvitiye malen'kogo rebenka s psichoanaliticheskoy tochki zrenija [Mental development of a young child from a psychoanalytic point of view]. *Zhurnal prakticheskoy psihologii i psichoanaliza*, 2005, no 2. (In Russ.) Available at: <https://psyjournal.ru/articles/psihicheskoe-razvitiye-malenkogo-rebenka-s-psichoanaliticheskoy-tochki-zreniya> (accessed: 22.11.2021).
4. Tjehkje V. Psihika i ee lechenie: psichoanaliticheskij podhod [Psyche and its treatment: a psychoanalytic approach]. Moscov, Akademicheskij Proekt, 2001, 576 p. (In Russ.)
5. Kernberg O. F. Tjazhelye lichnostnye rasstrojstva: Strategii psihoterapii [Severe Personality Disorders: Psychotherapy Strategies]. Per. s angl. M. I. Zavalova. Moscov, Klass, 2014, 464 p. (In Russ.)

6. Dauling S. Mozhem li my rekonstruirovat' doverbal'nye sobytija? [Can we reconstruct the pre-verbal events?]. *Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza*, 2009, no 2. (In Russ.) Available at: <https://psyjournal.ru/articles/mozhem-li-my-rekonstruirovat-doverbalnye-sobytiya> (accessed: 19.11.2021).
7. Svaab D. My jeto nash mozg. Ot matki do Al'czejmera [We're our brains. From uterus to Alzheimer's]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbara, 2020, 544 p. (In Russ.)
8. Korjakov Ja. I. O negativnoj terapeuticheskoy reakcii [About a negative therapeutic reaction]. *Integracija mediciny i psihologii v XXI veke: materialy nauch.-prakt. konf.* Pod. red. S. I. Blohinoj, E. T. Sokolovoj, L. T. Baranskoj. Ekaterinburg, SV-96, 2007. (In Russ.) Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/37623/1/imp2007-07.pdf> (accessed: 19.11.2021).
9. Nikolaichev B. O. Stadija zerkala i proektivnaja identifikacija [Mirror stage and projective identification]. *Psihologija i Psihotekhnika*, 2013, no 1. (In Russ.) Available at: https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=23126 (accessed: 19.11.2021).
10. Kljajn M. Zavist' i blagodarnost'. Issledovanie bessoznatel'nyh istochnikov [Envy and gratitude. Research on unconscious sources]. Per. s angl. L. F. Uskova. St. Petersburg, B.S.K., 1997, 96 p. (In Russ.)
11. Kljajn M. Nekotorye teoreticheskie vyvody, kasajushhiesja jemocional'noj zhizni rebenka [Some theoretical conclusions regarding the emotional life of a child]. *Psihoanaliz v razvitiu*. Ekaterinburg, Delovaja kniga, 1998, pp. 60-97. (In Russ.)
12. Hinshelvud R. Slovar' kljajnianskogo psihoanaliza [Dictionary of Kleinian psychoanalysis]. Moscow, Kogito-Centr, 2007, 566 p. (In Russ.)
13. Sigal H., Bell D. Teoriya narcissizma v rabotah Frejda i Kljajn [The theory of narcissism in the works of Freud and Klein]. *Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza*, 2008, no 4. (In Russ.) Available at: <https://psyjournal.ru/articles/teoriya-narcissizma-v-rabotah-freyda-i-klyayn> (accessed: 22.11.2021).
14. Starovojtov V.V. Postkljajnianskaja shkola psihoanaliza v trudah U. Biona [Postclaynian School of Psychoanalysis in the works of W. Bion]. *Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza*, 2012, no 2. (In Russ.) Available at: <https://psyjournal.ru/articles/postklyaynianskaya-shkola-psihoanaliza-v-trudah-ubiona> (accessed: 22.11.2021).
15. Britton R. Narcissizm i narcissicheskie rasstrojstva [Narcissism and narcissistic disorders]. *Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza*, 2008, no 4. (In Russ.) Available at: <https://psyjournal.ru/articles/narcissizm-i-narcissicheskie-rasstroystva> (accessed: 22.11.2021).
16. Kinodo Zh. M. Priruchenie odinochestva [Taming Loneliness]. Moscow, Kogito-Centr, 2008, 256 p. (In Russ.)
18. Interviews with Etchegoyen R. H. // Kharkov Psychoanalytic Society. URL: <http://psychoanalysiskharkov.com/video/> (дата обращения: 22.11.2021).

Информация об авторе

С. В. Шумкова – младший научный сотрудник кафедры «Психология и педагогика», старший преподаватель кафедры «Психология и педагогика», Прикамский социальный институт.

Information about the author

S. V. Shumkova – Junior Researcher at the Department of Psychology and Pedagogy, Senior Lecturer at the Department of Psychology and Pedagogy, Prikamsky Social Institute.

Статья поступила в редакцию 23.11.2021; одобрена после рецензирования 07.12.2021; принята к публикации 07.12.2021.

The article was submitted 23.11.2021; approved after reviewing 07.12.2021; accepted for publication 07.12.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 112–116.
 Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 112-116.

Научная статья
 УДК 159.9

ШКОЛЬНАЯ НЕУСПЕВАЕМОСТЬ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Маргарита Васильевна Третьякова¹, Анжелика Сергеевна Терскова²

^{1, 2} Прикамский социальный институт, Пермь, Россия

¹ margo-tretyakova@mail.ru

² terskova.anzhelika@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается школьная неуспеваемость как проблема современного образования и ее причины в контексте индивидуально-психологических особенностей учащихся. Результаты исследования могут быть полезны работникам системы общего и профессионального образования и родителям старшеклассников при обсуждении вопросов профессионального самоопределения.

Ключевые слова: академическая успешность, школьная неуспеваемость, мотивация, тип умственной деятельности, процессы возбуждения и торможения в центральной нервной системе, профессиональное самоопределение.

Для цитирования: Третьякова М. В., Терскова А. С. Школьная неуспеваемость как психолого-педагогическая проблема // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 112–116.

Original article

SCHOOL FAILURE AS A PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEM

Margarita V. Tretyakova¹, Angelika S. Terskova²

^{1, 2} Prikamsky Social Institute, Perm, Russia

¹ margo-tretyakova@mail.ru

² terskova.anzhelika@mail.ru

Abstract. The article examines school failure as a problem of modern education and its causes in the context of individual psychological characteristics of students. The results of the study can be useful for employees of the system of general and vocational education and parents of high school students when discussing issues of professional self-determination.

Keywords: academic success, school failure, motivation, type of mental activity, processes of excitation and inhibition in the central nervous system, professional self-determination.

For citation: Tretyakova M. V., Terskova A. S. School failure as a psychological and pedagogical problem. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 112-116. (In Russ.)

Вопросы успешности человека в процессе его жизнедеятельности на разных этапах онтогенеза всегда были значимыми для отечественной психологической и педагогической нау-

ки. К изучению психологических причин школьной неуспеваемости в разное время обращались А. Р. Лuria, В. А. Сухомлинский, Л. И. Божович, И. В. Дубровина, Д. Б. Эльконин и др.

В процессе анализа теоретического материала нами было обнаружено, что индивидуальные особенности старшеклассников, не успевающих в обучении, изучаются значительно реже, чем индивидуальные особенности младших школьников.

И. В. Дубровина полагает, что «неуспеваемость является серьезным противоречием между имеющимися у школьника индивидуальными особенностями и требованиями существующих программ обучения, нормативов. Существующие программы не учитывают индивидуально-типологические особенности школьника, а загоняют всех учащихся под одни стандарты» [1].

По мнению П. П. Блонского, неуспеваемость кроется в противоречиях, существующих в отношениях между учителями, учениками и детской социальной средой. Эти противоречия могут создаваться как самой системой образования, так и лично каждым из участников триады учитель – ученик – детский коллектив. Ведь, по сути, каждый из участников данной схемы имеет свои личностные особенности, которые нельзя заранее запрограммировать или рассчитать. И вероятность несовпадения триадных позиций значительно велика [2].

Л. И. Божович говорит о том, что «неуспеваемость во многом зависит от наличия или отсутствия у ребенка возможностей к школьному обучению. Возможности включают в себя две составляющие – физические и психические» [3].

В связи с тем, что условия современной жизни выдвигают новые требования к уровню подготовки выпускников школ, проблема неуспеваемости обучающихся девятых классов общеобразовательных школ становится всё более актуальной.

Цель исследования: изучение психологических причин школьной неуспеваемости.

Гипотеза исследования. Можно предположить, что в качестве психологических причин школьной неуспеваемости у старшеклассников могут быть: низкий уровень познавательной мотивации, тип мыслительной деятельности, затрудняющий процесс обучения, а также преобладание процессов торможения над процессами возбуждения в центральной нервной системе (далее – ЦНС).

В исследовании приняли участие обучающиеся параллели девятых классов в количестве 50 человек, из них 28 девочек и 22 мальчика.

Вся выборка была поделена на две группы – обучающиеся с хронической неуспеваемостью (группа 1) и девятиклассники, обучающиеся успешно (группа 2).

Для обработки данных, полученных в ходе психологической диагностики и подтверждения гипотезы, мы применили *t*-критериальный анализ по Стьюденту и корреляционный анализ по Пирсону.

Результаты диагностики уровня развития мотивации к обучению представлены на рис. 1.

Из рис. 1 видно, что:

– переменная «уровень развития познавательной мотивации» имеет более высокие значения в выборке школьников, хорошо успевающих в обучении. Неуспевающие учащиеся не проявляют интереса к школьным предметам и наукам, их не привлекают новые знания, нет глубокого стремления к познанию, слабо выражен или совсем отсутствует интерес к логическому анализу нового материала, низкое стремление к достижению успеха в учебе;

– переменная «уровень развития социальной мотивации», наоборот, имеет более высокие значения у неуспевающих школьников. К социальной мотивации старшеклассников можно отнести стремление занять определенную лидерскую позицию в коллективе, быть эмоциональным лидером и заслужить одобрение у одноклассников и учителей через общественную деятельность.

Диагностика типов мышления показала, что значимые различия по *t*-критерию Стьюдента были выявлены только по наглядно-образному мышлению и по креативности (рис. 2).

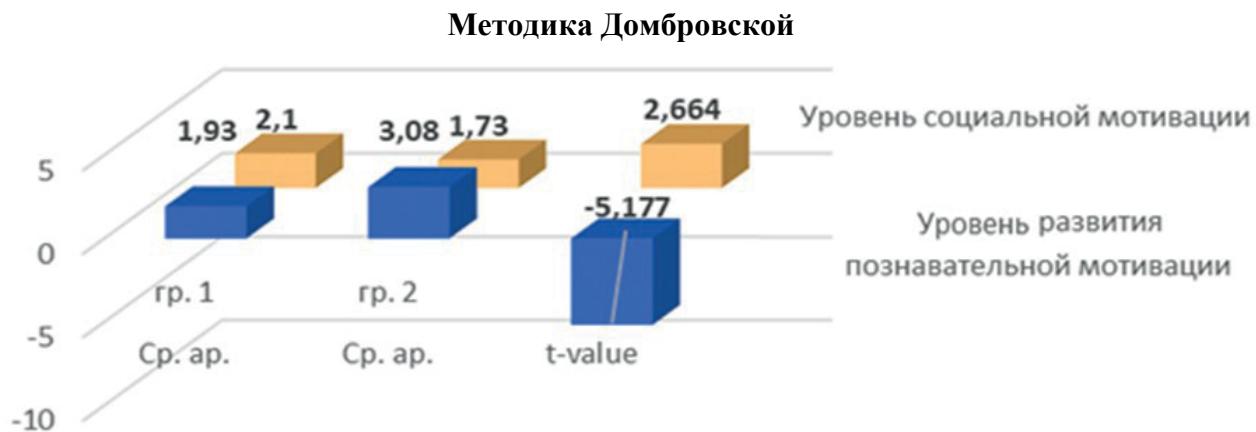

Рис. 1. Мотивация к обучению неуспевающих (гр. 1) и успевающих (гр. 2) обучающихся (ср. ар. – среднее арифметическое)

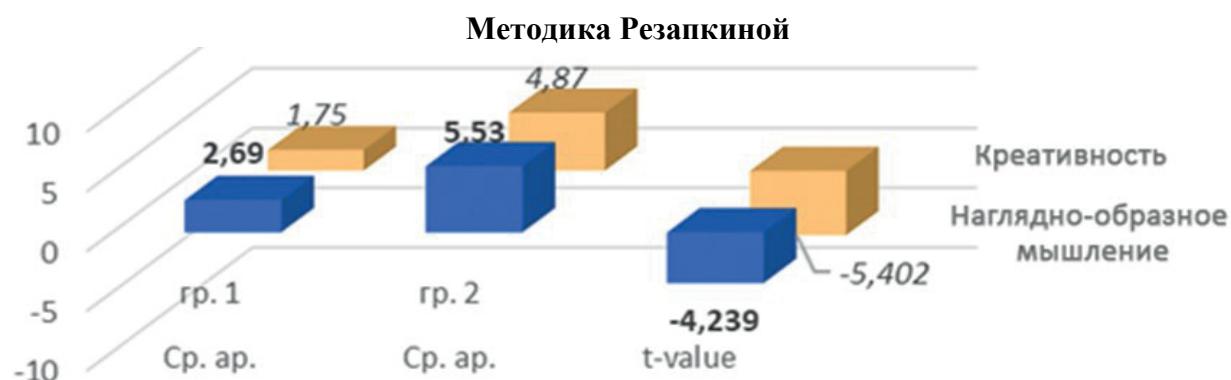

Рис. 2. Результаты сравнения типов мышления неуспевающих (гр. 1) и успевающих (гр. 2) обучающихся (ср. ар. – среднее арифметическое)

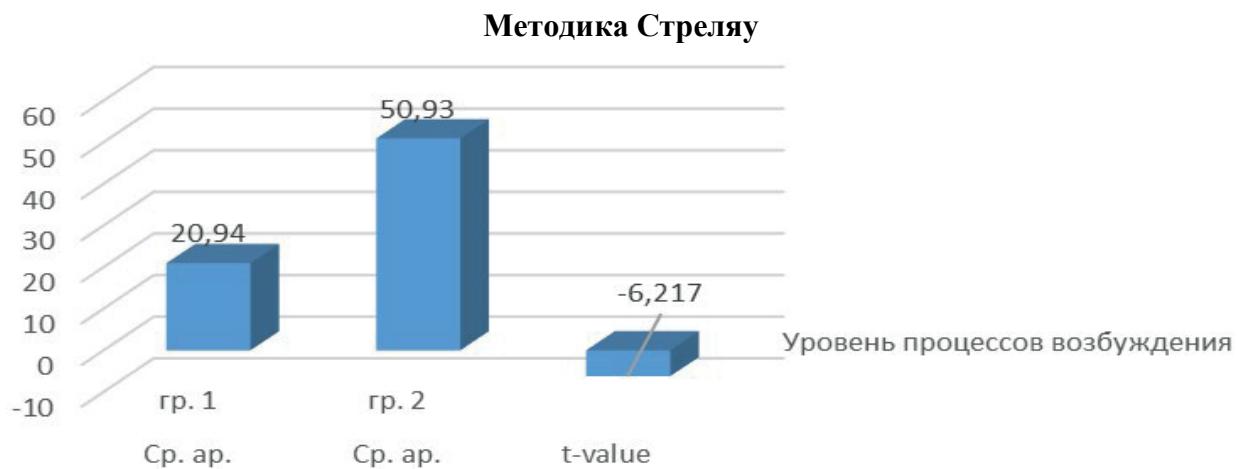

Рис. 3. Результаты сравнения типов нервной деятельности неуспевающих (гр. 1) и успевающих (гр. 2) обучающихся (ср. ар. – среднее арифметическое)

Переменные «наглядно-образное мышление» и «креативность» в большей степени выражены у школьников, обучающихся успешно. Это характеризует их как творческих людей, имеющих нестандартный подход к решению учебных задач. Высокие значения по «креативности» говорят об умении школьников принимать и создавать принципиально новые идеи, нестандартно мыслить, решать проблемы, возникающие в классе, таким образом, чтобы это решение приносило результат.

Что касается сравнения типов нервной деятельности, то значимые различия выявлены только по переменной «уровень процессов возбуждения» (рис. 3).

Информация рис. 3 позволяют говорить о том, что для академической успешности в данной образовательной организации важно преобладание процессов возбуждения. Процессы торможения не имеют значимых различий, так же как и уровень подвижности нервных процессов. Можно предположить, что учащиеся с таким типом нервной деятельности обладают высоким уровнем врабатываемости, они быстро включаются в учебный процесс. При современных темпах учебного процесса школьники с высоким уровнем процессов возбуждения будут чувствовать себя более уверенно.

Корреляционный анализ по Пирсону позволил установить наличие значимых взаимосвязей между изучаемыми параметрами в двух выборках испытуемых и выявить в них как сходства, так и различия. Сходства заключаются в том, что при высоком уровне процессов торможения в обеих выборках преобладает только социальная мотивация обучения в школе.

В выборке респондентов, успешно справляющихся с учебной нагрузкой, в состав взаимосвязей вошли познавательная мотивация, уровень процессов возбуждения и наглядно-образное мышление.

В выборке неуспевающих школьников в состав взаимосвязей вошли социальная мотивация, уровень процессов торможения, словесно-логическое мышление. Учитывая выраженную наглядно-действенного мышления, социального типа мотивации и низкие показатели проявления процессов возбуждения, можно предположить, что эти характеристики являются индивидуальными факторами неуспеваемости.

Имея представление об особенностях личности, которые затрудняют процесс усвоения учебного материала, можно составить индивидуальные коррекционные программы, способствующие повышению уровня академической успешности и выбору образовательной траектории после окончания основного общего образования с учетом готовности к профессиональному самоопределению обучающихся.

Список источников

- Дубровина И. В., Акимова М. К., Борисова Е. М. Рабочая книга школьного психолога [Электронный ресурс]. М.: Просвещение, 1991. 303 с. URL: <http://www.psychologylib.ru/books/item/f00/s00/z0000017/index.shtml> (дата обращения: 09.10.2021).
- Блонский П. П. Развитие мышления школьников // Возрастная и педагогическая психология. Хрестоматия: учеб. пособие / сост. И. В. Дубровина, А. М. Прихожан, В. В. Зацепин. М.: Академия, 2016. С. 131–142.
- Божович Л. И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности // под ред. Д. И. Фельдштейна. М.: Международная педагогическая академия, 2016. 209 с.

References

- Dubrovina I. V., Akimova M. K., Borisova E. M. Rabochaja kniga shkol'nogo psihologa [Working book of school psychologist]. Moscov, Prosveshhenie, 1991, 303 p. (In Russ.) Available at: <http://www.psychologylib.ru/books/item/f00/s00/z0000017/index.shtml> (accessed: 09.10.2021).

2. Blonskij P. P. Razvitie myshlenija shkol'nikov [Developing schoolchildren's thinking]: hres-tomatija: ucheb. posobie. *Vozrastnaja i pedagogicheskaja psihologija*, Moscov, Akademija, 2016, pp. 131-142. (In Russ.)

3. Bozhovich L. I. Izbrannye psihologicheskie trudy. [Selected psychological works. Personality Formation Challenges]. *Problemy formirovaniya lichnosti*. Pod red. D. I. Fel'dshtejna. Moscov, Mezhdunarodnaja pedagogicheskaja akademija, 2016, 209 p. (In Russ.)

Информация об авторах

M. V. Третьякова – старший преподаватель кафедры «Психология и педагогика»,
Прикамский социальный институт;

A. С. Терскова – студентка 4-го курса, направление подготовки «Психология»,
Прикамский социальный институт.

Information about the authors

M. V. Tretyakova – Senior Lecturer at the Department of Psychology and Pedagogy,
Prikamsky Social Institute;

A. S. Terskova – 4th Year Student of the Direction of Training “Psychology”,
Prikamsky Social Institute.

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 26.10.2021;
принята к публикации 26.10.2021.

The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 26.10.2021; accepted for
publication 26.10.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 117–122.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 117-122.

Научная статья
УДК 159.9.075

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ

Вероника Сергеевна Зябрева¹, Валерия Алексеевна Глухова²

^{1, 2} Прикамский социальный институт, Пермь, Россия

¹ zyabrevavs@mail.ru

² valeria.gluhov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена деятельности специалистов социальной сферы в системе «человек – человек», а именно эмоциональному профессиональному выгоранию в сфере обслуживания. Рассматривается гипотеза о том, что существуют различия в уровне эмоционального выгорания сотрудников с различным стажем работы. Результаты исследования, проведенного среди сотрудников предприятий питания KFC, подтверждают гипотезу и позволяют разработать различные методики профилактики профессионального выгорания с учетом стажа работы сотрудников.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, причины эмоционального выгорания, профилактика, исследование, методика, гипотеза.

Для цитирования: Зябрева В. С., Глухова В. А. Психологическая безопасность профессиональной деятельности: эмоциональное выгорание // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 117–122.

Original article

PSYCHOLOGICAL SAFETY OF PROFESSIONAL ACTIVITY: EMOTIONAL BURNOUT

Veronika S. Zyabreva¹, Valeria A. Glukhova²

^{1, 2} Prikamsky Social Institute, Perm, Russia

¹ zyabrevavs@mail.ru

² valeria.gluhov@gmail.com

Abstract. This article is devoted to activities in the social sphere, in the “Man-man” system, namely emotional burnout in the service sector. The hypothesis that there are differences in the level of emotional burnout of employees with different work experience is considered. The results of a study conducted among employees of KFC catering establishments confirm the hypothesis and allow us to develop various methods of preventing professional burnout, taking into account the length of service of employees.

Keywords: emotional burnout, causes of emotional burnout, prevention, research, methodology, hypothesis.

For citation: Zyabreva V. S., Glukhova V. A. Psychological safety of professional activity: emotional burnout. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 117-122. (In Russ.)

Синдром профессионального или эмоционального выгорания является актуальной темой социально-психологических исследований.

По данным Всемирной организации здравоохранения, «синдром хронической усталости», или синдром психоэмоционального выгорания на работе, является одной из главных причин депрессивных и других психических расстройств на почве стресса [1].

Профессиональное выгорание, или синдром эмоционального выгорания является главным фактором, который воздействует на психическое здоровье работников, определяя их профессиональную деятельность в целом [2, с. 48].

Неслучайно проблемам эмоционального профессионального выгорания посвящен целый ряд работ отечественных и зарубежных авторов. Российские ученые Н. Л. Росина, Н. Е. Водопьянова, А. Г. Абрумова, В. В. Бойко, Н. В. Самоукина, М. Ю. Горюхова, Н. А. Аминов, Н. А. Андрушенко и др. исследовали проблемы профессионального выгорания [3]. В числе зарубежных исследователей, изучавших синдром эмоционального выгорания, следует назвать Дж. Фрейденберга, Б. Пельмана и Е. Хартмана, К. Маслач, А. Пайнс, К. Кондо и др. [4].

Теоретический анализ психологических исследований по проблеме профессионального выгорания позволяет говорить о том, что данному синдрому подвержены именно представители коммуникативных профессий, то есть те люди, которые работают в системе отношений «человек – человек». Результаты данных исследований относятся в том числе к деятельности управленцев, работников социальной сферы, сферы обслуживания и сферы «помогающих профессий» – это медицинские сестры, врачи, педагоги, менеджеры и руководители различных организаций.

Следует подчеркнуть, что, по данным социально-психологических исследований синдрома эмоционального выгорания, именно работники в области обслуживания больше всего подвержены профессиональному выгоранию и эмоциональному истощению [5, с. 305].

Наряду с этим исследования позволили обозначить определенные факторы, провоцирующие возникновение синдрома выгорания. К ним относятся в первую очередь неудовлетворенность качеством жизни, в том числе – незащищенность, переживание чувства несправедливости, потеря ролевого и социального статуса (в семье и на работе); коммуникативная нагрузка – сложности в общении с коллегами. Кроме того, в медицине, как ни в одной другой сфере, играют огромную роль негативные особенности людей, с которыми приходится сталкиваться.

Несмотря на ряд выводов относительно причин и характеристик синдрома профессионального выгорания, в этой сфере остается еще достаточно много вопросов, требующих дальнейшего изучения. Исходя из вышесказанного, исследование причин возникновения синдрома эмоционального выгорания и степени его сформированности у работников социальной сферы будет, безусловно, значимо, так как выявление данного синдрома на ранних стадиях поможет организовать программу профилактики.

Для проведения эмпирического исследования были выбраны следующие методики:

1. Диагностика эмоционального выгорания личности (В. В. Бойко).
2. Опросник уровня субъективного контроля (Е. Ф. Бажин).

Выборка исследования – сотрудники предприятия общепита KFC, 30 человек со стажем работы от одного года до семи лет. Возрастной диапазон испытуемых – от 18 до 30 лет.

Цель методики диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко состоит в исследовании ведущих симптомов «синдрома эмоционального выгорания»: напряжения, резистенции, эмоционального истощения, формируемых в процессе выполнения различных видов практической деятельности и опосредованных комплексом отрицательных стресс-факторов [6].

Методика диагностирует симптомы по 12 шкалам. Шкалы группируются в три фазы стресса, определяемые четырьмя симптомами:

1. Фаза напряжения определяется совокупностью показателей по шкалам «Переживание психотравмирующих обстоятельств», «Неудовлетворенность собой», «Загнанность в клетку», «Тревога и депрессия». Фаза напряжения определяет первопричины и механизмы формирования синдрома профессионального выгорания.

2. Фаза резистенции определяет уровень тревожного напряжения, характеризует избегающее поведение в отношении различных эмоциональных факторов посредством эмоционального реагирования: неадекватного избирательного эмоционального реагирования, эмоционально-нравственной дезориентации, расширения сферы экономии эмоций, редукции профессиональных обязанностей.

3. Фаза эмоционального истощения определяется снижением общего уровня энергетического тонуса и ослаблением нервной системы: симптомы «Эмоциональный дефицит», «Эмоциональная отстраненность», «Личностная отстраненность (деперсонализация)», «Психосоматические и вегетативные проявления».

Опросник уровня субъективного контроля предназначен для диагностики интернальности-экстернальности, степени готовности человека брать на себя ответственность за то, что происходит с ним и вокруг него.

По данным, представленным на диаграмме (рис. 1), в группе сотрудников со стажем менее трех лет наиболее выраженный показатель – «Переживание обстоятельств» (13,13). Это может говорить о том, что данные сотрудники испытывают некоторые трудности в адаптации, им приходится быстро обучаться, налаживать социальное взаимодействие с коллективом и покупателями, привыкать к новым условиям труда и требованиям руководства. Все эти аспекты вызывают у работников некоторую тревогу и волнение.

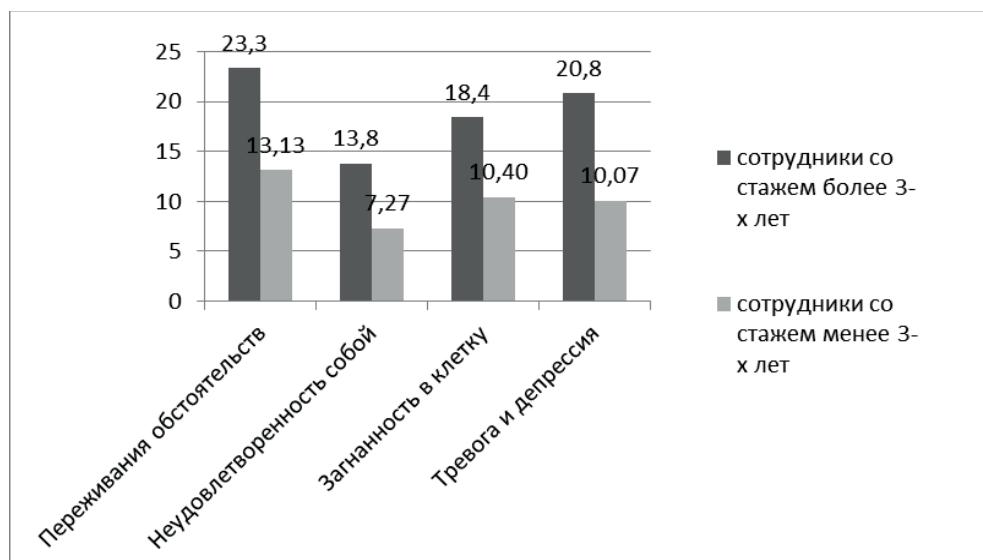

Рис. 1. Распределение показателей эмоционального выгорания по фазе напряжения (по В. В. Бойко)

Если говорить о сотрудниках со стажем работы более трех лет, то у них наиболее выражены показатели по шкалам «Переживание обстоятельств» и «Тревога и депрессия». Данные показатели могут быть признаком достаточно напряженного труда, а также того, что, несмотря на пройденный этап адаптации к новым условиям труда, коллективу и начальству, состояние тревоги всё равно присутствует.

Распределение показателей эмоционального выгорания по фазе резистенции отражено на рис. 2. На нем видно, что в группе сотрудников со стажем менее трех лет показатель

«Неадекватное реагирование» получил самый большой бал – 14,4. Это говорит о том, что в работе присутствует тревожное напряжение, сотрудник испытывает психологический дискомфорт, а также происходит давление внешних обстоятельств на сотрудника. Это может проявляться в неадекватной экономии на эмоциях за счет принципа «хочу или не хочу».

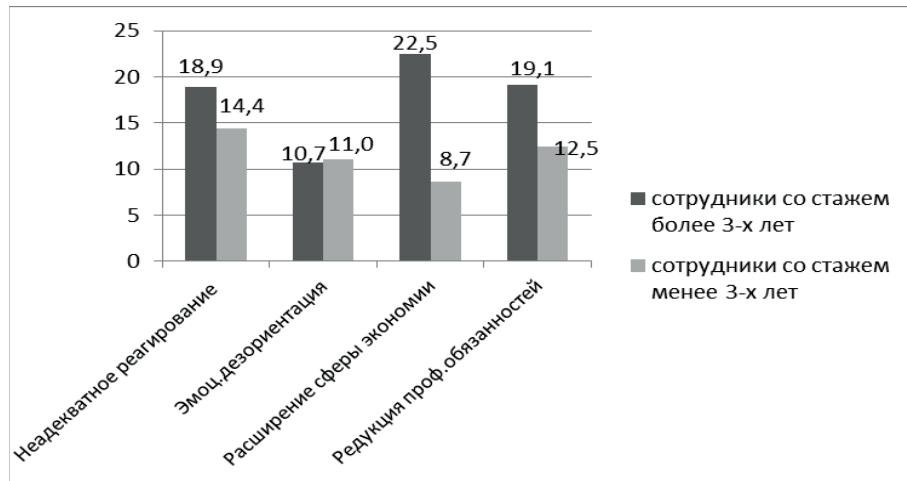

Рис. 2. Распределение показателей эмоционального выгорания по фазе резистенции (по В. В. Бойко)

В группе сотрудников со стажем более трех лет симптом «Расширение сферы экономии эмоций» получил самый высокий бал – 22,5. Данный показатель говорит о том, что сотрудник, устав на работе, не хочет общаться со своими родными и близкими людьми, так как он пресыщен человеческими контактами. Такой специалист дома психологически закрывается, но может и «сорваться» на близких.

На рис. 3 представлены особенности распределения показателей эмоционального выгорания по фазе истощения. Данные демонстрируют, что в группе сотрудников со стажем менее трех лет в средней степени проявлены показатели «Эмоциональный дефицит», «Эмоциональный дискомфорт». Иными словами, можно отметить частичную утрату интереса к человеку – объекту профессионального действия и периодически низкий уровень интереса к социальной работе.

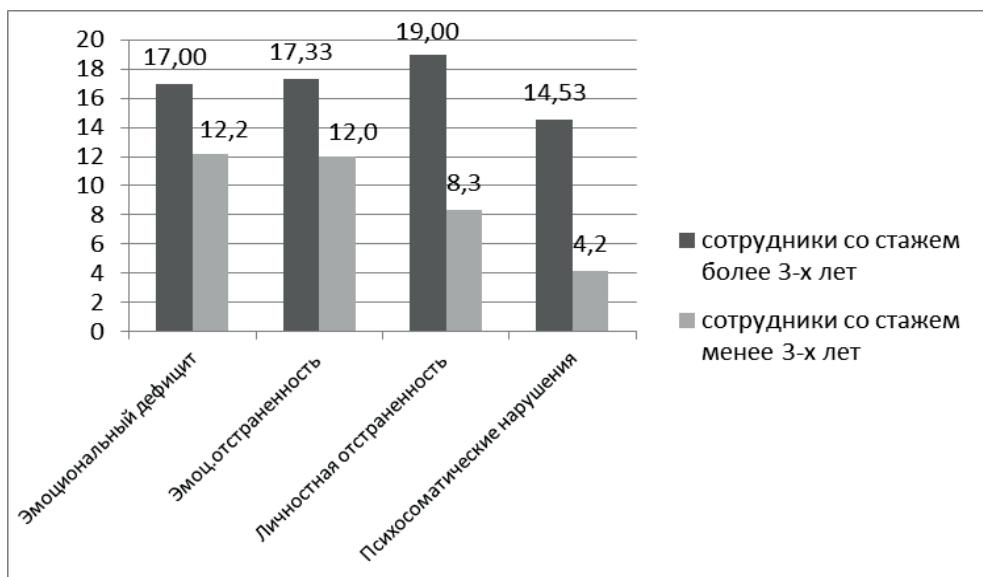

Рис. 3. Распределение показателей эмоционального выгорания по фазе истощения (по В. В. Бойко)

Фаза истощения у сотрудников со стажем более трех лет выражена показателем «Личностная отстраненность» (19 баллов). Сотрудник в таких случаях проявляет антигуманность по отношению к работе. Показатели симптомов «Эмоциональный дефицит» и «Эмоциональная отстраненность» – практически на одном уровне: сотрудник не в силах сочувствовать, переживать за свою команду. Всё чаще проявляются отрицательные эмоции, нежели положительные. Появляется резкость, грубость, раздражительность. Сотрудник почти полностью исключает эмоции из сферы своей деятельности.

Общая шкала интернальности у сотрудников со стажем более трех лет (балл 5,2) соответствует высокому уровню субъективного контроля (рис. 4). Это означает, что данные специалисты имеют интернальный контроль над любыми значимыми ситуациями. Такие сотрудники полагают, что большинство важных событий в их жизни являются результатом собственных действий.

Общая шкала интернальности у сотрудников со стажем менее трех лет (балл 4,8) соответствует экстернальному типу поведения (см. рис. 4). Эти сотрудники не видят связи между своими действиями и значимыми для них событиями жизни, а также не считают себя способными контролировать их развитие.

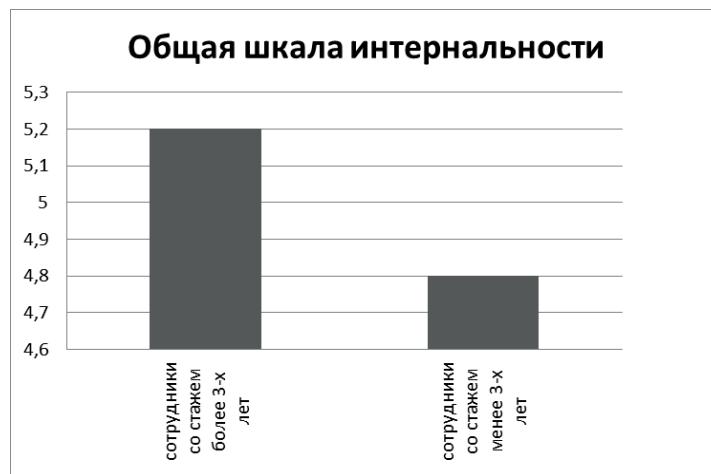

Рис. 4. Результаты данных опросника уровня субъективного контроля (Е. Ф. Бажин)

Для выявления статистически достоверных показателей эмоционального выгорания в группах сотрудников общепита KFC с разным стажем работы был использован *U*-критерий Мана–Уитни (программа SPSS 20.0). Критические значения для *U* 0,05–51; *U* 0,01–64.

Значимые отличия выявлены по шкалам:

- переживание обстоятельств – 29,5, при $p < 0,05$,
 - неудовлетворенность собой – 42,5, при $p < 0,05$,
 - загнанность в клетку – 42, при $p < 0,05$,
 - тревога и депрессия – 47, при $p < 0,05$,
 - расширение сферы экономии – 34,5 при $p < 0,05$,
 - личностная отстраненность – 29,5 при $p < 0,05$,
 - психосоматические нарушения – 32 при $p < 0,05$,
- где p – уровень достоверности.

Таким образом, в результате исследования мы пришли к выводу о том, что профессиональное выгорание проявляется в группах сотрудников с разным стажем работы специфически, имеет свои особенности. Для профилактики возникновения синдрома профессионального эмоционального выгорания необходимо, опираясь на эмпирические данные, использовать различные методы, соответствующие каждой группе работников.

Список источников

1. Колузаева Т. В. Эмоциональное выгорание: причины, последствия, способы профилактики [Электронный ресурс] // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-vygoranie-prichiny-posledstviya-sposoby-profilaktiki> (дата обращения: 03.10.2021).
2. Трунов Д. Г. «Синдром сгорания»: позитивный подход к проблеме [Электронный ресурс]. URL: <http://hpsy.ru/public/x037.htm> (дата обращения: 03.10.2021).
3. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005.
4. Варфоломеева Т. П. Проблема профессиональной деформации у представителей социально обусловленных профессий // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 46–48.
5. Бодров В. А. Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2006.
6. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб., 1999.

References

1. Koluzaeva T. V. Emotsional'noe vygoranie: prichiny, posledstviya, sposoby profilaktiki [Emotional burnout: causes, consequences, methods of prevention]. *Vestnik KhGU im. N. F. Katanova*, 2020, no 1. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-vygoranie-prichiny-posledstviya-sposoby-profilaktiki> (accessed: 03.10.2021).
2. Trunov D. G. «Sindrom sgoraniya»: pozitivnyi podkhod k probleme ["Burnout Syndrome": a positive approach to the problem]. (In Russ.) Available at: <http://hpsy.ru/public/x037.htm> (accessed: 03.10.2021).
3. Vodop'yanova N. E., Starchenkova E. S. Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika [Burnout syndrome: diagnosis and prevention]. Saint Petersburg, Piter, 2005. (In Russ.)
4. Varfolomeeva T. P. Problema professional'noi deformatsii u predstavitelei sotsial'-no obuslovlennykh professii [The problem of professional deformation among representatives of socially determined professions]. *Samarskii nauchnyi vestnik*. 2013, no 4 (5), pp. 46–48. (In Russ.)
5. Bodrov V. A. Psikhologiya professional'noi deyatel'nosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy [Psychology of professional activity. Theoretical and applied problems]. Moscow, Institut psikhologii RAN, 2006. (In Russ.)
6. Boiko V. V. Sindrom «emotsional'nogo vygoraniya» v professional'nom obshchenii [Burnout syndrome in professional communication]. Saint Petersburg, 1999. (In Russ.)

Информация об авторах

B. C. Зябрева – декан факультета психологии и управления,
магистр социальных наук по направлению «Психология»,
Прикамский социальный институт;

B. A. Глухова – студентка 4-го курса факультета психологии и управления,
направление «Психология», Прикамский социальный институт.

Information about the authors

V. S. Zyabreva – Dean of the Faculty of Psychology and Management,
Master of Social Sciences in Psychology, Prikamsky Social Institute;

V. A. Glukhova – 4th Year Student of the Faculty of Psychology and Management,
Direction of Training “Psychology”, Prikamsky Social Institute.

Статья поступила в редакцию 20.10.2021; одобрена после рецензирования 03.11.2021; принята к публикации 03.11.2021.

The article was submitted 20.10.2021; approved after reviewing 03.11.2021; accepted for publication 03.11.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 123–128.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 123-128.

Научная статья
УДК 159.9.075

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ НА СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОТДЕЛА ОХРАНЫ УЧРЕЖДЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Ирина Евгеньевна Пузанкова¹, Ольга Дмитриевна Стоюшко²

¹ Пермская региональная общественная организация по оказанию психологической помощи населению «Психологи Перми», Пермь, Россия, patronazh@yandex.ru

² Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, stoyushcko.olya@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования стрессоустойчивости сотрудников отдела охраны учреждения уголовно-исполнительной системы (на примере Федерального казенного учреждения «Исправительная колония № 29» Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Пермскому краю). Рассматриваются индивидуально-психологические факторы, влияющие на стрессоустойчивость. Выявляются гендерные особенности проявления психоэмоционального напряжения в стрессовых ситуациях у сотрудников уголовно-исполнительной системы, работающих с оружием.

Ключевые слова: сотрудники отдела охраны учреждения Федеральной службы исполнения наказаний, стресс, стресс физический, стресс психологический, стрессоустойчивость.

Для цитирования: Пузанкова И. Е., Стоюшко О. Д. Влияние индивидуально-психологических качеств на стрессоустойчивость сотрудников отдела охраны учреждения Федеральной службы исполнения наказаний // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 123–128.

Original article

THE INFLUENCE OF INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL QUALITIES ON THE STRESS RESISTANCE OF EMPLOYEES OF THE SECURITY DEPARTMENT OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE

Irina E. Puzankova¹, Olga D. Stoyushko²

¹ Perm Regional Public Organization for the Provision of Psychological Assistance to the Population “Perm Psychologists”, Perm, Russia, patronazh@yandex.ru

² Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, stoyushcko.olya@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the stress resistance of employees of the security department of the institution of the penal system (on the example of the Federal state institution “Correctional Colony no. 29” of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service in the Perm Territory). Individual psychological factors influencing stress resistance are considered. Gender characteristics of manifestation of psychoemotional tension in stressful situations among employees of the penitentiary system, working with weapons, are revealed.

Keywords: employees of the security department of the Federal Penitentiary Service, stress, physical stress, psychological stress, stress resistance.

For citation: Puzankova I. E., Stoyushko O. D. The influence of individual psychological qualities on the stress resistance of employees of the security department of the Federal Penitentiary Service. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 123-128. (In Russ.)

Деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) протекает зачастую в условиях крайнего психоэмоционального напряжения. Исходя из этого, необходимо особое внимание уделять сотрудникам, которые несут службу непосредственно с оружием [1]. Таковой является служба отдела охраны. К работникам данной категории предъявляются особые, повышенные требования, главным из которых является психоэмоциональная устойчивость.

Для всех сотрудников отдела охраны характерно накопление психоэмоционального напряжения, создающего определенный фон, на котором протекает служебная деятельность. Задача психологов состоит в том, чтобы помочь сотрудникам избежать этого, помочь научиться поддерживать хорошее самочувствие, так необходимое для выполнения служебных обязанностей, а также своевременно выявлять опасное психологическое состояние сотрудника перед заступлением на службу [2].

Психологическая подготовка работников в организации, учреждении является одним из основных направлений деятельности психолога. Причем особенно важным является адресная работа, направленная на специализированную подготовку сотрудников, в зависимости от особенностей выполняемой деятельности.

Гипотезой нашей исследовательской работы послужило следующие предположение: стрессоустойчивость оказывает существенное влияние на деятельность сотрудников отделов охраны в системе Федеральной службы исполнения наказаний.

Целью работы являлось изучение стрессоустойчивости сотрудников отдела охраны, несущих службу с оружием.

В соответствии с целью были сформулированы задачи исследования:

1. Определить уровень выраженности у сотрудников отдела охраны учреждений Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) такого профессионально значимого качества, как стрессоустойчивость.

2. Выявить специфику выраженности компонентов стрессоустойчивости сотрудников отдела охраны учреждений ФСИН.

Объектом исследования являлись сотрудники отдела охраны Федерального казенного учреждения «Исправительная колония № 29» Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Пермскому краю (далее – ФКУ ИК-29 ГУФСИН России по Пермскому краю); предметом – индивидуально-психологическое и профессионально значимое качество – стрессоустойчивость.

Базой исследования послужило ФКУ ИК-29 ГУФСИН России по Пермскому краю.

Выборка составила 30 человек, из них 16 женщин и 14 мужчин в возрасте от 25 до 50 лет со стажем работы от 1 года до 20+. Исследование проводилось в 2021 году.

При обследовании использовались следующие конкретные методы сбора эмпирических данных:

- 1) для изучения стрессоустойчивости – тест «Готовность к риску» (PSK) Шуберта;
- 2) для изучения личностных свойств – тест Кеттелла 16PF; тест FPI (Фрайбургский личностный опросник).

Обработка результатов проводилась с применением метода *T*-критерий Стьюдента.

Стресс – это давление или напряжение, это состояние человека в ответ на разнообразные воздействия окружающей среды [3]. Все психологические и физиологические факторы, которые действуют на нас, если это действие сверхсильно, являются факторами стресса [4; 5; 6].

Устойчивость человека к возникновению различных форм стрессовых реакций определяется прежде всего индивидуально-психологическими особенностями и мотивационной ориентацией личности [7].

Следует отметить, что экстремальное воздействие далеко не всегда оказывает отрицательное влияние на эффективность выполняемой деятельности. В противном случае вообще было бы невозможно успешное преодоление трудностей, возникающих при усложнении условий. Однако работа в стрессогенной ситуации обязательно приводит к дополнительной мобилизации внутренних ресурсов, что может иметь неблагоприятные отсроченные последствия [8].

Результаты эмпирического исследования. В рамках исследования было проведено сравнение групп «0» (группа женщин) и «1» (группа мужчин) между собой с использованием *T*-критерия Стьюдента для независимых выборок. Данные представлены в таблице.

Таблица

Эмпирические значения *T*-критерия Стьюдента для независимых выборок, полученные в результате исследования стрессоустойчивости в группах мужчин и женщин – сотрудников отдела охраны учреждения ФСИН

Обозначения шкал: 1–12 – тест <i>FPI</i> ; <i>A-FB</i> – тест Кеттлера <i>16PF</i> ; тест «Готовность к риску» (<i>PSK</i>)	Среднее значение в группе «0»	Среднее значение в группе «1»	Эмпирическое значение <i>T</i> -критерия	Уровень значимости
1	$3,25 \pm 1,983$	$1,429 \pm 1,089$	3,168	0,004**
2	$3,25 \pm 1,732$	$3,714 \pm 1,939$	-0,688	0,498
3	$2,688 \pm 1,401$	$2,286 \pm 1,383$	0,789	0,437
4	$4,312 \pm 2,12$	$3,714 \pm 2,867$	0,642	0,527
5	$6,5 \pm 0,966$	$7,286 \pm 0,726$	-2,536	0,017*
6	$7 \pm 1,966$	$7,071 \pm 2,401$	-0,088	0,93
7	$4,562 \pm 1,459$	$4,714 \pm 1,816$	-0,250	0,805
8	$4,25 \pm 2,352$	$2,357 \pm 2,205$	2,274	0,031*
9	$7,312 \pm 2,626$	$5,571 \pm 2,441$	1,881	0,07
10	$5,938 \pm 2,294$	$6,5 \pm 2,066$	-0,707	0,486
11	$2,5 \pm 1,033$	$2,786 \pm 1,369$	-0,638	0,529
12	$6,188 \pm 2,105$	$6,357 \pm 1,55$	-0,253	0,802
<i>A</i>	$12,188 \pm 3,351$	$11,143 \pm 3,302$	0,859	0,398
<i>B</i>	$8,125 \pm 3,686$	8 ± 2	0,117	0,908
<i>C</i>	$16,875 \pm 5,005$	$18,286 \pm 4,177$	-0,841	0,407
<i>E</i>	$11,25 \pm 4,669$	$13,5 \pm 4,165$	-1,395	0,174
<i>F</i>	$11 \pm 3,933$	$12,5 \pm 3,525$	-1,102	0,28
<i>G</i>	$11,625 \pm 3,914$	$14 \pm 2,689$	-1,956	0,061
<i>H</i>	$14,625 \pm 5,5$	$14,214 \pm 5,74$	0,199	0,843
<i>I</i>	$11,312 \pm 2,845$	$7,5 \pm 4,034$	2,952	0,007**
<i>L</i>	$9,062 \pm 4,074$	$7,286 \pm 3,667$	1,257	0,219
<i>M</i>	$10,625 \pm 4,113$	$9,929 \pm 2,586$	0,562	0,579
<i>N</i>	$11 \pm 3,141$	$12,214 \pm 2,607$	-1,157	0,257
<i>O</i>	$9,188 \pm 4,07$	$7,929 \pm 3,269$	0,939	0,356
<i>Q₁</i>	$7,625 \pm 3,594$	$8,857 \pm 2,983$	-1,026	0,314
<i>Q₂</i>	$7,812 \pm 3,763$	$7,857 \pm 3,394$	-0,034	0,973
<i>Q₃</i>	$10,938 \pm 3,395$	$13,786 \pm 3,577$	-2,228	0,034*
<i>Q₄</i>	$7,062 \pm 5,026$	$7,429 \pm 4,014$	-0,222	0,826
<i>MN</i>	$5,812 \pm 2,401$	$6,143 \pm 2,713$	-0,351	0,728
<i>FB</i>	$2,75 \pm 2,082$	$2,643 \pm 1,55$	0,161	0,873
Тест «Готовность к риску» (<i>PSK</i>) Шуберта	$-6,5 \pm 13,624$	$1,214 \pm 12,001$	-1,649	0,11

* – $P < 0,05$; ** – $P < 0,01$; *** – $P < 0,001$.

Остановимся более подробно на результатах исследования по ряду шкал.

Шкала 1: невротичность.

В результате исследования были выявлены значимые различия между группой «0» и группой «1» по шкале 1 ($T = 3,168, p < 0,01$). Среднее значение в группе «0» больше среднего значения группы «1» ($X_1 = 3,25, X_2 = 1,429$).

По полученным результатам можно сделать вывод, что невротичность (раздражительность, легкая возбудимость, тревожность) у группы «0» (женщин) больше среднего значения группы «1» (мужчин). Также можно сделать вывод, что женщины больше подвержены упадку сил и эмоциональному истощению.

Шкала 5: общительность.

Были выявлены значимые различия между группой «0» и группой «1» по шкале 5 ($T = -2,536, p < 0,05$). В группе «0» среднее значение равно 6,5, это меньше среднего значения группы «1», равного 7,286.

По полученным результатам можно сделать вывод, что группа «1» (мужчины) более легко знакомятся, заводят друзей, поддерживают контакты, работают в команде, в отличие от группы «0» (женщин).

Шкала 8: застенчивость.

Были выявлены значимые различия между группой «0» и группой «1» по шкале 8 ($T = 2,274, p < 0,05$). Среднее значение в группе «0» ($X = 4,25$) больше среднего значения группы «1» ($X = 2,357$).

По полученным результатам можно сделать вывод, что группа «0» (женщины) более застенчивы в отличие от группы «1» (мужчины), на основании чего можно предположить: женщины испытывают проблемы с тем, чтобы принять решение или сделать выбор; не любят непредвиденных ситуаций, особенно требующих от них быстрых решений или сиюминутных кардинальных действий.

Шкала I: жестокость – чувствительность.

Были выявлены значимые различия между группой «0» и группой «1» по шкале I ($T = 2,952, p < 0,01$). В группе «0» среднее значение равно 11,312, это больше среднего значения группы «1», равного 7,5.

По полученным результатам можно сделать вывод, что группа «0» (женщины) более чувствительны. Они впечатлительны, артистичны, эмоциональны (причем спектр их эмоций весьма широк), любят творчество и сами творят. У них отлично развито воображение и есть чувство прекрасного. Они хорошо сопереживают и сочувствуют. Отрицательные черты – таких людей считают мечтателями, жеманными, излишне романтичными, мягкими и вследствие этого слабыми.

В свою очередь, жестокость обладателей низких баллов (в нашем случае это группа «1» (мужчины)) не стоит воспринимать буквально. Это не жестокость как таковая, а намного меньшая чувствительность, жесткость, отсутствие эмпатии, слабые сопереживания и сочувствие. Такие люди прямые, рациональны, доверяют только логике и рассуждениям, а не интуиции. Среди их отрицательных черт – они могут представляться черствыми, скучными на эмоции, не понимающими искусство, эстетику.

Шкала Q_3 : высокий – низкий самоконтроль.

Были выявлены значимые различия между группой «0» и группой «1» по шкале Q_3 ($T = -2,228, p < 0,05$). В группе «0» среднее значение равно 10,938, это меньше среднего значения группы «1», равного 13,786.

По полученным результатам можно сделать вывод, что группа «1» (мужчины) обладают более развитой волей, целеустремленны и в большей степени завершают начатые дела. Они контролируют не только себя, свое поведение, но и окружающих, потому что, как правило, они достаточно властны.

У группы «0» (женщины) более низкие баллы по этой шкале, что говорит о слабой силе воли ее представителей, которые не умеют или не хотят противостоять желаниям и эмоциям и просто следуют своему настроению (как правило, часто меняющемуся).

В заключение хотелось бы отметить, что данные, полученные в ходе исследования, помогут психологу при работе с сотрудниками отдела охраны, несущими службу с оружием, правильно поставить перед ними задачу, которая будет заключаться в повышении адаптации личности к нестандартным ситуациям, возникающим в процессе служебной деятельности.

Результаты исследования, а также передовой опыт в сочетании с другими психологическими методами и методиками позволяют не только решать проблемы подготовки сотрудников отделов охраны учреждений УИС к выполнению служебных задач, но и осуществлять психологическую коррекцию их профессионально значимых качеств, в данном случае – стрессоустойчивости.

Полученные данные будут учтены в разработке и применении тренировочных упражнений в работе с личным составом отдела охраны ФБУ ИК-29 ГУФСИН России по Пермскому краю на инструктивных занятиях перед заступлением на службу, и это, надеемся, окажет позитивное воздействие на повышение уровня стрессоустойчивости указанных сотрудников.

Список источников

1. Пестриков Д. В., Полянин Н. А. Формирование психологической готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к применению боевого оружия в экстремальных ситуациях: практические рекомендации / Академия ФСИН России. Рязань, 2016. Кн. 133.
2. Ермасов Е. В. Организация работы по психологическому сопровождению сотрудников, несущих службу с оружием: метод. пособие. Саратов, 2004.
3. Тьюбсинг Д. А. Избегайте стрессовых ситуаций. М., 1993.
4. Богословский В. В. Общая психология. М., 1981.
5. Маклаков А. Г. Общая психология: учебник для вузов. М., 2016.
6. Абрамова Г. С. Практическая психология: учебник для вузов и ссузов. М., 2018.
7. Юнусова С. Г., Розенталь А. Н., Балтина Т. В. Стресс. Биологический и психологический аспекты // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 3. С. 139–150.
8. Леонова А. Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. М., 1984.

References

1. Pestrikov D. V., Polyanin N. A. Formirovanie psikhologicheskoi gotovnosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy k primeneniyu boevogo oruzhiya v ekstremal'nykh situatsiyakh: prakticheskie rekomendatsii [Formation of psychological readiness of employees of the penal system for the use of military weapons in extreme situations: practical recommendations]. Akademiya FSIN Rossii, Riazan, 2016, book 133. (In Russ.)
2. Ermasov E. V. Organizatsiya raboty po psikhologicheskemu soprovozhdeniyu sotrudnikov, ne-sushchikh sluzhbu s oruzhiem [Organization of work on psychological support of employees serving with weapons]: metod. posobie, Saratov, 2004. (In Russ.)
3. T'yubsing D. A. Izbegaitse stressovykh situatsii [Avoid stressful situations]. Moscov, 1993. (In Russ.)
4. Bogoslovskii V. V. Obshchaya psikhologiya [General psychology]. Moscov, 1981. (In Russ.)
5. Maklakov A. G. Obshchaya psikhologiya [General psychology]: uchebnik dlya vuzov. Moscov, 2016. (In Russ.)
6. Abramova G. S. Prakticheskaya psikhologiya [Practical psychology]: uchebnik dlya vuzov i ssuzov. Moscov, 2018. (In Russ.)

7. Yunusova S. G., Rozental' A. N., Baltina T. V. Stress. Biologicheskii i psikhologicheskii aspekty [Biological and psychological aspects]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* 2008, vol. 150, book 3, pp. 139-150. (In Russ.)
8. Leonova A. B. Psikhodiagnostika funktsional'nykh sostoyanii cheloveka [Psychodiagnostics of human functional states]. Moscov, 1984. (In Russ.)

Информация об авторах

- I. E. Пузанкова** – председатель Пермской региональной общественной организации по оказанию психологической помощи населению «Психологи Перми»;
- O. D. Стоюшко** – студентка 4-го курса факультета психологии и управления, направление «Психология», Прикамский социальный институт.

Information about the authors

- I. E. Puzankova** – Chairman of the Perm Regional Public Organization for the Provision of Psychological Assistance to the Population “Perm Psychologists”;
- O. D. Stoyushko** – 4th year Student of the Faculty of Psychology and Management, the Direction of Training “Psychology”, Prikamsky Social Institute.

Статья поступила в редакцию 02.11.2021; одобрена после рецензирования 16.11.2021; принята к публикации 16.11.2021.

The article was submitted 02.11.2021; approved after reviewing 16.11.2021; accepted for publication 16.11.2021.

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 129–136.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 129-136.

Научная статья
УДК 328:[316.66-055.2](417)

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИН-ПАРЛАМЕНТАРИЕВ ИРЛАНДИИ: НА ПУТИ К ГЕНДЕРНОМУ ПАРИТЕТУ?¹

Дарья Борисовна Вершинина

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, daryapros@yandex.ru

Аннотация. На основе данных о женщинах-депутатах нижней палаты ирландского парламента выявляются основные траектории попадания женщин в национальную политику, факторы, обеспечивающие женщинам электоральный успех, а также дается социально-демографический портрет женщин-парламентариев. Утверждается, что современные парламентарии женского пола в основном используют партийный путь продвижения в политику, тесно связаны с локальной политикой, обладают высоким уровнем образования и в большинстве своем попали в представительный орган страны уже после принятия закона о гендерном квотировании.

Ключевые слова: Ирландия, политическое представительство, парламент, выборы, женщины-парламентарии.

Для цитирования: Вершинина Д. Б. Социальный портрет женщин-парламентариев ирландии: на пути к гендерному паритету? // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 129–136.

Original article

SOCIAL PORTRAIT OF FEMALE MEMBERS OF IRISH PARLIAMENT: ON THE WAY TO GENDER PARITY?

Daria B. Vershinina

State National Research University, Perm, Russia, daryapros@yandex.ru

Abstract. Based on the data on women deputies of the lower house of the Irish parliament, the main trajectories of women's entry into national politics, the factors that ensure women's electoral success are identified, as well as a socio-demographic portrait of women parliamentarians is given. It is argued that female parliamentarians mainly use the party path of advancement in politics, they are closely related to local politics, have a high level of education, and most of them got into the parliament after the law on gender quotas has been adopted in Ireland.

Keywords: Ireland, political representation, parliament, elections, female parliamentarians.

For citation: Vershinina D. B. Social portrait of female members of Irish Parliament: On the way to gender parity? Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 129-136. (In Russ.)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31794 «Мобилизация vs самоорганизация: кросснациональный анализ факторов и векторов женского участия в политике».

Представленность женщин в политике является одной из наиболее активно обсуждаемых тем, когда речь заходит о гендерном равенстве. В индексе гендерного неравенства вопросы политического представительства полов являются одним из четырех критериев, по которым определяется степень приближенности страны к идеалу гендерного паритета. Согласно данным 2021 года, Ирландия занимает шестое место среди стран ЕС в индексе Европейского института гендерного равенства [1], что свидетельствует о серьезном прогрессе, который осуществила некогда крайне консервативная и находящаяся под влиянием католической церкви и религии страна. Однако, несмотря на такие высокие показатели (выше, чем в среднем по Европейскому союзу), хуже всего дело в Ирландии обстоит именно с представленностью женщин в сфере принятия решений, прежде всего – политических.

Так, согласно данным, представленным на сайте Европейского института гендерного равенства, страна занимает лишь 17-е место по политической представленности женщин (учитываются три показателя: доля женщин среди министров, членов парламента и членов региональных советов) [2]. Об этом же свидетельствуют разнообразные публикации в ирландских массмедиа, в которых отмечается проблема недостаточной представленности женщин в сфере принятия политических решений. За 100 лет с момента формирования первого состава Дойл Эрен 114 женщин и 1 190 мужчин были депутатами нижней палаты ирландского парламента, что ярко свидетельствует о том, что участие женщин в политике на протяжении всего XX и начала XXI века отличало Ирландию от других западноевропейских стран в худшую сторону.

Между тем от количественного и качественного состава национального парламента зачастую зависит степень ориентированности политики государства на решение проблем женщин, таких, как репродуктивная политика, борьба с домашним насилием, обеспечение мер для сокращения гендерного разрыва в оплате труда.

Учитывая длительный период доминирования в Ирландии патриархальных ценностей, представляется интересным составление социального портрета современных ирландских парламентариев женского пола, что позволит выявить, с одной стороны, насколько политики-женщины отражают гендерные представления ирландского общества в целом, а с другой – насколько находящиеся в национальном парламенте женщины готовы продвигать женскую повестку.

Женщины в ирландском парламенте: история представительства

Первая женщина в составе ирландского парламента появилась как только Дойл Эрен был создан – в 1918 году. Констанс Маркевич, избранная в парламент, была активной участницей ирландской борьбы за независимость. Уже во втором составе парламента к ней добавилось пять женщин, однако постепенная переориентация ирландских мужчин-политиков на сотрудничество с католической церковью привела к тому, что первые успехи на политическом поприще не были закреплены, а в ирландском обществе распространилось католическое социальное учение, закреплявшее доктрину сепаратных сфер и ограничивавшее сферу женской активности браком и деторождением. Неудивительно, что на протяжении следующих пятидесяти лет представленность женщин в нижней палате парламента Ирландии колебалась от 0,5 до 3,5 %, и лишь возрождение феминизма, как и в других странах, в конце 1960-х годов способствовало началу обсуждения вопроса о значимости такого фактора, как представленность женщин в политике. В тот период более всего были готовы к внедрению женской повестки лейбористская партия, находившаяся под влиянием профсоюзов, а потому поднимавшая вопросы женского труда, а также правоцентристская партия «Фианна Файл», которая возникла еще в 1926 году и к этому десятилетию созревшая до продвижения идеи равной оплаты труда равной ценности и разрешения замужним женщинам работать в государственных учреждениях.

Впрочем, вопросы политического представительства женщин едва ли могли всерьез обсуждаться в Ирландии 1970–1980-х годов, так как влияние католической церкви было по-прежнему слишком сильно, о чем свидетельствуют, к примеру, высказывания в Сенате премьер-министра от партии «Фине Гэл» Лиама Косягрива во время обсуждения законо-проекта о разрешении замужним ирландкам устраиваться в государственные учреждения. В 1973 году он заявил, что «подавляющее большинство людей хотят, чтобы институт семейной жизни был сохранен и поддержан. Мы признаем, что это основа нашей цивилизации, что она имеет права и преимущества, которые не могут быть запрещены или ограничены законодательством» [3]. Патриархальные взгляды на роль семьи в жизни женщин определяли отношение политиков ведущих партий к идеи активного проникновения женщин в представительные органы власти на протяжении всего XX столетия и приводили к тому, что ни сами женщины, ни партийные организации не поддерживали активно идею женского участия во всеобщих выборах. Об этом наглядно свидетельствуют данные о количестве кандидатов женского пола на выборах в Дойл Эрен, представленные в табл. 1. Данные наглядно демонстрируют, что, хотя на протяжении 1980–2000-х годов шел постепенный рост представительства женщин в парламенте (впрочем, выборы 2000-х годов продемонстрировали худшие показатели по количеству кандидатов женского пола), реальное изменение количества женщин в нижней палате парламента – Эряхтаса произошло только после принятия в 2012 году бурно обсуждаемого в Ирландии закона о гендерном квотировании.

Таблица 1
Количество кандидатов женского пола на выборах в Дойл Эрен, 1977–2020 годы [4; 5; 6]

Дата всеобщих выборов	Количество кандидатов, чел.	Количество кандидатов-женщин, чел.	Доля кандидатов женского пола, %
1977	376	25	6,6
1981	404	41	10,1
1982, февраль	366	35	9,6
1982, ноябрь	365	31	8,5
1987	466	65	13,9
1989	371	52	14,0
1992	482	89	18,5
1997	484	96	19,8
2002	463	84	18,1
2007	471	82	17,4
2011	566	86	15,2
2016	551	163	29,6
2020	516	160	31

В соответствии с новым законом партии обязаны иметь как минимум 30 % кандидатов каждого пола в общем списке, чтобы не потерять государственное финансирование (с 2023 года – 40 %). Инициаторами закона стали «Фине Гэл» и лейбористы; поддержку законопроекту высказали депутаты от партии «Шинн Файн», а критиковали идею квот представители партии «Фианна Файл». В результате уже выборы 2016 года позволили увеличить примерно в два раза представительство женщин сначала среди кандидатов, а затем – среди депутатов Дойл Эрен.

Гендерные квоты часто являются объектом критики, и ирландское общество не стало исключением. Так, одна из бывших лидеров партии «Фианна Файл» Мэри О'Рурк на протяжении всего обсуждения законопроекта о введении гендерного квотирования выступала

против него, заявляя о несправедливом характере предложения: «Это дискриминация по отношению к женщинам и несправедливость по отношению как к женщинам, так и к мужчинам. С женщинами обращаются как с придатками, которых нужно добавлять туда-сюда только для того, чтобы достичь квоты» [7]. Выражая мнение многих представителей «Фианна Файл», О’Пурк настаивала на том, что «человека следует выбирать для продвижения в качестве кандидата на основе его достоинств и потенциала, а не пола» [7].

В этом отношении интересно составить социальный портрет женщин, баллотировавшихся в Дойл Эрен и ставших депутатами, для того чтобы понять, соответствует ли их квалификация требованиям, предъявляемым к парламентариям. Кроме того, в условиях закона о партийных квотах одним из исследовательских вопросов становится вопрос о путях продвижения женщин в национальный представительный орган: является ли аффилиация с партией основным путем попадания в ирландский парламент?

База данных парламентариев-женщин Ирландии: описание и анализ

Для анализа была составлена база данных, посвященная женщинам-депутатам нижней палаты ирландского парламента – Дойл Эрен. Информация была получена с официального сайта Эряхтаса [8], личных страниц депутатов на сайтах партий [9; 10; 11] или на их собственных сайтах, а также из общедоступной информации в сети Интернет. База данных содержит информацию о возрасте, семейном статусе, наличии или отсутствии детей, уровне образования, опыте активистской или политической деятельности до попадания в Дойл Эрен, длительности пребывания на позиции, а также сетевой активности женщин-депутатов и гендерной повестке в их деятельности.

Из 160 депутатов, избранных в феврале 2020 года, женщины составили всего 22,5 %, получив 36 мест в Дойл Эрен (в июле 2021 года в результате досыборов количество женщин в парламенте увеличилось до 37, или 23 %). Наиболее значительное количество депутатов женского пола – 13 мест из 37, полученных в палате, или 35 %, – среди тройки крупнейших партий Ирландии в нынешнем Дойл Эрен имеет партия «Шинн Файн», которая с 2018 года возглавляется президентом женского пола Мэри Лу Макдональд (р. 1969) и которая в последней редакции своей программы (2020) выступила за увеличение гендерного квотирования на выборах в Дойл Эрен до 50 % и введение квоты в 30 % для министров и младших министров [12].

Второе место по представленности женщин во фракции занимает партия «Фине Гэл», потерявшая по итогам выборов лидирующие позиции и занявшая третье место: из 35 депутатов партии шесть – женщины. «Фианна Файл», которая последнее десятилетие демонстрирует наименьшую приверженность идеям гендерного равенства, имеет фракцию в 38 депутатов, из которых лишь пять женского пола. Из более мелких партий, получивших места в нижней палате Эряхтаса, нельзя не отметить социал-демократов, представленных четырьмя женщинами и двумя мужчинами. Это неудивительно: в 2015 году партию основали и по-прежнему руководят ею Кэтрин Мёрфи (р. 1953) и Рошин Шорталл (р. 1954), ранее входившие в Лейбористскую партию.

Четыре члена Дойл Эрен женского пола являются независимыми депутатами; двое из них были инкубантами на последних выборах, то есть занимали депутатские места с 2016 года (Кэрол Нолан и Кэтрин Коннолли), одна уже имела опыт пребывания в Дойл Эрен с 2002 по 2007 год (Мэриан Харкин), и только одна была избрана в нижнюю палату Эряхтаса впервые (Верона Мёрфи).

Выборы 2020 года показали, что, с одной стороны, наличие государственного закона, требующего от партий выставлять не менее 30 % кандидатов одного пола, заставило ведущие партии сохранить примерно такое же количество кандидатов-женщин, как и на выборах 2016 года, однако в целом они не стремились увеличить это число. Об этом свидетель-

ствуют данные табл. 2, содержащиеся в составленной автором базе. Кроме того, они показывают, что кандидаты женского пола, за исключением кандидатов от «Шинн Фейн» и социал-демократов, выступали на выборах не так успешно, как кандидаты мужского пола.

Таблица 2
Участие кандидатов-женщин в выборах в Дойл Эрен в 2016 и 2020 годах

Партия	Доля кандидатов женского пола на выборах 2016 года, %	Доля депутатов женского пола по итогам выборов 2016 года, %	Доля кандидатов женского пола на выборах 2020 года, %	Доля депутатов женского пола по итогам выборов 2020 года, %
Фианна Файл	31	13,6	31	13
Фине Гэл	30,7	22	30,5	17
Шинн Фейн	36	26	33,3	35
Лейбористская партия	36	28,6	32,3	0
Социал-демократы	42,9	66,6	55	66,6

Из 36 депутатов Дойл Эрен женского пола у четверых не указаны даты рождения; средний возраст остальных – 48,5 лет, что соответствует среднему возрасту ирландских парламентариев в целом. Возраст самой молодой из женщин-депутатов Клэр Керрейн (р. 1992) из «Шинн Фейн» – 29 лет; самой пожилой является уже упомянутая Кэтрин Мёрфи.

Данные о семейном статусе женщин-парламентариев 33-го состава Дойл Эрен (24 парламентария женского пола замужем, шесть не замужем, пятеро разведены, одна – вдова, одна имеет партнера) с учетом упомянутого среднего возраста депутатов свидетельствуют о том, что взросление и выбор жизненной траектории нынешних парламентариев прошел в тот период, когда в Ирландии всё еще были сильны патриархальные стереотипы о семейно-брачном предназначении женщин. Об этом же говорит и тот факт, что на 37 депутатов в сумме приходится 70 детей: лишь семь парламентариев женского пола не имеют ни одного ребенка, а у одиннадцати (то есть 30 %) трое и более детей.

Уровень образования женщин-парламентариев Ирландии с 2020 года достаточно высокий: за исключением трех депутатов, уровень образования которых не указывается в источниках, все остальные члены Дойл Эрен имеют высшее образование, из них по меньшей мере шесть имеют магистерские степени, а одна (Дженнифер Кэррол МакНил, депутат от партии «Фине Гэл») – степень PhD. Этим женщины-депутаты ирландского парламента отличаются от ирландских женщин в целом, уровень образованности которых несколько ниже: согласно данным 2019 года, 51 % ирландок имеют высшее образование [13]. В этом отношении парламентарии представляют более элитарную группу, чем общество в целом. Что касается профессий женщин-парламентариев до попадания в сферу локальной или национальной политики, то превалирующими являются сферы образования, продаж и юриспруденции. Кроме того, среди нынешних членов Дойл Эрен женского пола есть те, кто сразу же был сосредоточен на профсоюзной или активистской работе, что также способствовало росту их узнаваемости и обеспечило в дальнейшем попадание в Эряхтас.

Ирландские женщины-парламентарии: пути рекрутования

В базе данных, составленной в рамках проекта, особое внимание уделялось путям попадания женщин в нижнюю палату ирландского парламента. Исследования демонстрируют, что основным каналом рекрутования женщин в национальные представительные органы являются политические партии. Часто это связано со стремлением партий проде-

монстрировать ориентированность на решение проблем той или иной группы, для чего представители миноритарной группы активно привлекаются в качестве кандидатов и политиков. При этом партии левого фланга в большей степени склонны к конкретным практическим действиям по обеспечению миноритарной группы представительства и голоса в политике, в том числе путем квотирования, а правые партии предпочитают обычно риторические стратегии, поощряющие женщины и другие меньшинства баллотироваться, но не предполагающие реальные действия по продвижению той или иной группы в представительные органы.

Ирландия не является исключением из вышеописанных моделей, и левые партии, такие, как лейбористы, еще в 1980-е годы стали активно привлекать женщин в собственные руководящие органы, брали на себя обязательства по их представленности в процессе принятия партийных решений и в числе кандидатов от лейбористской партии. Что же касается более правых партий, то до начала 2010-х годов они не выступали за гендерное квотирование, что неизбежно отражалось на незначительном количестве кандидатов женского пола на всеобщих выборах от этих партий: если среди лейбористских кандидатов уже в 1997 году было около 27 % женщин, то у «Фине Гэл» их доля до выборов 2016 года не превышала 17 %, а у «Фианны Файл» – 14 % [14].

При этом ирландская избирательная система (пропорциональная система с единственным передаваемым голосом) позволяет избирателям в большей степени, чем партиям, влиять на персональный состав партийных фракций в парламенте, так как при ней избиратели голосуют не за партийные списки, а за конкретных людей. Кроме того, эта система создает более благоприятные условия для победы независимых кандидатов, что в целом демонстрируют ирландские выборы 2020 года: из 160 депутатов, избранных в Дойл Эрен, 19 определяют себя как независимых политиков. Этот результат особенно показателен по сравнению с соседней Великобританией, мажоритарная система которой не позволяет независимым кандидатам получить места в парламенте (хотя на последних британских выборах 2019 года было более 200 независимых кандидатов [15]). При этом доля женщин среди независимых членов Дойл Эрен составляет 21 %, что ниже на 2 % доли женщин среди всех членов нижней палаты Эряхтаса, а значит, независимый путь в политику не является более легким для женщин. Дело в том, что, как отмечают исследователи, в ирландской избирательной системе важны локализм и персонализм [16], но это означает, что независимый кандидат должен (должна) заработать себе узнаваемое имя, чтобы пройти в Дойл Эрен, и в этом смысле партийная машина всё же работает на тех, кто баллотируется через партию, лучше, чем независимая политика.

Другими словами, быть независимым политиком для женщины – это не более легкий, чем партийная дорога, путь попадания в политику. Выборы 2020 года красноречиво свидетельствуют, что больше шансов имеют те кандидаты, которые продвигаются через партии, или те, кто был инкубентом, то есть баллотировался (-лась) на то место, которое уже занимал(а) с предыдущих или более ранних выборов: так, из десяти женщин, победивших в своих округах всех остальных кандидатов, девять шли на выборы от партий (лишь одна – Кэтрин Коннолли – выступала как независимый кандидат), восемь были инкубентами, и лишь две – Рида Кронин и Сорка Кларк (обе – «Шинн Файн») – не были депутатами Дойл Эрен до своей уверенной победы в феврале 2020 года. Учитывая рост популярности «Шинн Файн», засвидетельствованный на этих выборах (партия получила на 10,7 % голосов больше, что конвертировалось в дополнительные 15 мест в парламенте), победа ранее не участвовавших в национальной политике женщин из этой партии не кажется удивительной.

Женский состав Дойл Эрен с февраля 2020 года достаточно ярко свидетельствует об основных путях попадания в национальную представительную политику: из 37 (учитывая побе-

дившую на довыборах июля 2021 года Ивану Бейсик) женщин в нижней палате Эряхтаса 21 до победы на всеобщих выборах работала в местных советах (советах графств). Таким образом, опыт работы на местном уровне напрямую влияет на возможности для женщин попасть на уровень национальной политики. Это также доказывает утверждение исследователей о значимости локализма в ирландской представительной политике, о котором шла речь выше.

Заключение

Итак, анализ базы данных по членам Дойл Эрен 33-го созыва (с 2020 года) позволяет составить следующий социальный портрет женщины-парламентария в современной Ирландии: это замужняя женщина 48 лет с двумя детьми, высшим образованием уровня бакалавриата, работавшая в системе образования, продажах или имевшая юридическую практику, до попадания в нижнюю палату парламента являвшаяся членом совета графства и попавшая в политику через региональное отделение партии.

Список источников

1. Gender Equality Index. Comparing scores for the 2021 edition. URL: <https://eige.europa.eu/gender-equality-index/2021/compare-countries> (дата обращения: 01.11.2021).
2. Gender Equality Index. Comparing Power / Political scores for the 2021 edition. URL: <https://eige.europa.eu/gender-equality-index/2021/compare-countries/power/1/bar> (дата обращения: 01.11.2021).
3. Seanad Éireann debate – Wednesday, 25 July 1973. Commission on the Status of Women: Motion. URL: <https://www.oireachtas.ie/en/debates/debate/seanad/1973-07-25/14/> (дата обращения: 01.11.2021).
4. Is local office a springboard for women to Dáil Éireann? / F. Buckley, M. Mariani, C. McGing & T. White // Journal of Women, Politics & Policy. 2015. No. 36:3. P. 313.
5. Buckley F., Galligan Y. & McGing C. Women and the election: Assessing the impact of gender quotas // How Ireland Voted 2016 / ed. by M. Gallagher & M. Marsh. Palgrave Macmillan, 2016. P. 188.
6. Carswell S. & O'Halloran M. Election 2020: Record share of women running for Dáil seats // The Irish Times. 2020. Jan. 23. URL: <https://www.irishtimes.com/news/politics/election-2020-record-share-of-women-running-for-d%C3%A1il-seats-1.4148409> (дата обращения: 01.11.2021).
7. Debate: Should there be gender quotas in politics? // Independent.ie. 2015. Nov. 15. URL: <https://www.independent.ie/irish-news/politics/debate-should-there-be-gender-quotas-in-politics-34201698.html> (дата обращения: 01.11.2021).
8. TDs and Senators. URL: <https://www.oireachtas.ie/en/members/> (дата обращения: 01.11.2021).
9. Fine Gael. URL: <https://www.finegael.ie/> (дата обращения: 01.11.2021).
10. Fianna Fail. URL: <https://www.fiannafail.ie/> (дата обращения: 01.11.2021).
11. Sinn Fein. URL: <https://www.sinnfein.ie/> (дата обращения: 01.11.2021).
12. Giving Workers and Families A Break. 2020 General Election Sinn Féin Manifesto. P. 100. URL: https://www.tcd.ie/Political_Science/people/michael_gallagher/Manifestoes2020/SFManifesto20.pdf (дата обращения: 01.11.2021).
13. Education At a Glance 2019: OECD Indicators. Ireland. URL: https://www.oecd.org/education/education-at-a-glance/EAG2019_CN_IRL.pdf (дата обращения: 01.11.2021).
14. Culhane L. E. Male Dominance in Political Recruitment: Gender, Power, and Institutions in the Republic of Ireland. School of Social Science, 2017. P. 111. URL: https://www.research.manchester.ac.uk/portal/files/87764993/FULL_TEXT.PDF?page=149&zoom=100,148,676 (дата обращения: 01.11.2021).
15. UK general election 2019: full results. URL: <https://ig.ft.com/uk-general-election-2019-results/> (дата обращения: 01.11.2021).
16. Buckley F. Going alone and taking the independent route: new insights on female candidate emergence // European Journal of Politics and Gender. 2020. Vol. 3, no. 3. Pp. 349–370. URL: https://cora.ucc.ie/bitstream/handle/10468/10124/CORA_Fiona_Buckley_Taking_the_independent_route_Text.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 01.11.2021).

References

1. Gender Equality Index. Comparing scores for the 2021 edition. URL: <https://eige.europa.eu/gender-equality-index/2021/compare-countries> (дата обращения: 01.11.2021).
2. Gender Equality Index. Comparing Power / Political scores for the 2021 edition. URL: <https://eige.europa.eu/gender-equality-index/2021/compare-countries/power/1/bar> (дата обращения: 01.11.2021).
3. Seanad Éireann debate – Wednesday, 25 July 1973. Commission on the Status of Women: Motion. URL: <https://www.oireachtas.ie/en/debates/debate/seanad/1973-07-25/14/> (дата обращения: 01.11.2021).
4. Is local office a springboard for women to Dáil Éireann? / F. Buckley, M. Mariani, C. McGing & T. White // Journal of Women, Politics & Policy. 2015. No. 36:3. P. 313.
5. Buckley F., Galligan Y. & McGing C. Women and the election: Assessing the impact of gender quotas // How Ireland Voted 2016 / ed. by M. Gallagher & M. Marsh. Palgrave Macmillan, 2016. P. 188.
6. Carswell S. & O'Halloran M. Election 2020: Record share of women running for Dáil seats // The Irish Times. 2020. Jan. 23. URL: <https://www.irishtimes.com/news/politics/election-2020-record-share-of-women-running-for-d%C3%A1il-seats-1.4148409> (дата обращения: 01.11.2021).
7. Debate: Should there be gender quotas in politics? // Independent.ie. 2015. Nov. 15. URL: <https://www.independent.ie/irish-news/politics/debate-should-there-be-gender-quotas-in-politics-34201698.html> (дата обращения: 01.11.2021).
8. TDs and Senators. URL: <https://www.oireachtas.ie/en/members/> (дата обращения: 01.11.2021).
9. Fine Gael. URL: <https://www.finegael.ie/> (дата обращения: 01.11.2021).
10. Fianna Fail. URL: <https://www.fiannafail.ie/> (дата обращения: 01.11.2021).
11. Sinn Fein. URL: <https://www.sinnfein.ie/> (дата обращения: 01.11.2021).
12. Giving Workers and Families A Break. 2020 General Election Sinn Féin Manifesto. P. 100. URL: https://www.tcd.ie/Political_Science/people/michael_gallagher/Manifestoes2020/SFManifesto20.pdf (дата обращения: 01.11.2021).
13. Education At a Glance 2019: OECD Indicators. Ireland. URL: https://www.oecd.org/education/education-at-a-glance/EAG2019_CN_IRL.pdf (дата обращения: 01.11.2021).
14. Culhane L. E. Male Dominance in Political Recruitment: Gender, Power, and Institutions in the Republic of Ireland. School of Social Science, 2017. P. 111. URL: https://www.research.manchester.ac.uk/portal/files/87764993/FULL_TEXT.PDF-page=149&zoom=100,148,676 (дата обращения: 01.11.2021).
15. UK general election 2019: full results. URL: <https://ig.ft.com/uk-general-election-2019-results/> (дата обращения: 01.11.2021).
16. Buckley F. Going alone and taking the independent route: new insights on female candidate emergence // European Journal of Politics and Gender. 2020. Vol. 3, no. 3. Pp. 349–370. URL: https://cora.ucc.ie/bitstream/handle/10468/10124/CORA_Fiona_Buckley_Taking_the_independent_route_Text.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 01.11.2021).

Информация об авторе

Д. Б. Вершинина – кандидат исторических наук,
доцент кафедры «История и археология»,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

D. B. Vershinina – Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor at the Department of History and Archaeology,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 02.11.2021; одобрена после рецензирования 17.11.2021; принята к публикации 17.11.2021.

The article was submitted 02.11.2021; approved after reviewing 17.11.2021; accepted for publication 17.11.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 137–144.
 Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 137-144.

Научная статья
 УДК 329.6:316.346.2-055.2

ЭКОФЕМИНИЗМ: МЕЖДУ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ И ГЕНДЕРНЫМ РАВЕНСТВОМ (НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ «ЖЕНЩИНЫ, БОРЮЩИЕСЯ ЗА ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ»)¹

Екатерина Сергеевна Бурмистрова

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
 Пермь, Россия, burmi-k@yandex.ru

Аннотация. Одним из трендов, наблюдаемых в современной общественно-политической жизни, является увеличение женского участия в общественных организациях. На стыке тенденций роста значимости проблем защиты окружающей среды и включения женщин в политическую деятельность особенно выделяется такое движение, как экофеминизм. В рамках распространения движения экофеминизма происходит актуализация женской повестки в общественно-политическом пространстве и сращивание этой повестки с «зелеными» идеологиями, набирающими всё большую популярность. С привлечением материалов, представленных на официальном сайте организации, сообщений в СМИ и публикаций в социальных сетях в статье охарактеризована деятельность одной из крупнейших экофеминистских организаций «Женщины, борющиеся за общее будущее». Автор особо выделяет три направления в деятельности организации: институциональное развитие, политическая деятельность и просветительская работа. Особое внимание уделено активности организации в социальных сетях, способствующей вовлечению женщин в общественно-политический процесс.

Ключевые слова: гендер, политическая мобилизация, активизм, экофеминизм.

Для цитирования: Бурмистрова Е. С. Экофеминизм: между устойчивым развитием и гендерным равенством (на примере организации «Женщины, борющиеся за общее будущее») // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 137–144.

Original article

ECOFEMINISM: BETWEEN SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND GENDER EQUALITY (THE CASE OF THE “WOMEN ENGAGE FOR A COMMON FUTURE” ORGANIZATION)

Ekaterina S. Burmistrova

Perm State University, Perm, Russia, burmi-k@yandex.ru

Abstract. One of the trends observed in modern social and political life is an increase in women's participation in public organizations. Between trends of the growing importance of environmental issues and the inclusion of women in political activity, such a movement as ecofeminism stands out. As part of the spread of the ecofeminism movement, the women's agenda in the socio-political sphere is being actu-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31794 «Мобилизация vs самоорганизация: кросснациональный анализ факторов и векторов женского участия в политике».

alized and this agenda is merging with “green” ideologies that are gaining more popularity. Using materials presented on the organization’s official website, media reports and publications on social networks, the article describes the activities of one of the largest ecofeminist organizations “Women Engage for a Common Future”. The author highlights three areas in the organization’s activities: institutional development, political activity and educational work. Particular attention is paid to the activity of the organization in social networks, contributing to the involvement of women in the socio-political process.

Keywords: gender, political mobilization, activism, ecofeminism.

For citation: Burmistrova E. S. Ecofeminism: between sustainable development and gender equality (the case of the “Women engage for a common future” organization). Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 137-144. (In Russ.)

Важным аспектом включения женщин в политический процесс является мобилизация женщин в активизм через неполитические и политические низовые организации. Н. Бернс, К. Л. Шлозман и С. Верба отмечали особую значимость «роли организационного участия в предоставлении активистам возможностей для приобретения гражданских навыков, установления социальных связей и получения политических сигналов и сообщений» [1, р. 74]. Таким образом, можно говорить о том, что низовой активизм является одним из важных каналов вхождения женщин в политику. Исследователями отмечалось, что организациями, вовлекающими женщин в общественную и политическую деятельность, могут быть как непосредственно женские организации, так и организации, сосредоточивающие свое внимание на прочих общественных проблемах.

В настоящее время проблема защиты окружающей среды активно присутствует в общественно-политической повестке почти всех стран мира. Такие темы, как пластиковое загрязнение, глобальное потепление и переработка бытовых отходов доминируют в медийном пространстве. Среди организаций, предлагающих ответ на подобные вызовы экологической безопасности, особое место занимают организации, действующие в русле экофеминизма – движения, зародившегося в середине XX века и базирующегося на тезисе о том, что эксплуатация и потребительское отношение к природе и женщинам «двуедины» и являются продуктом патриархального общества [2, р. 195].

Внимание к вопросам гендера и окружающей среды значительно возросло в последние десятилетия. В 1972 году в Стокгольме прошла первая Конференция ООН по проблемам окружающей человека среды, а с 1975 года ООН было объявлено Десятилетие женщины (1975–1985). В 1985 году в Найроби состоялась Всемирная конференция для обзора и оценки достижений Десятилетия и параллельно с этим прошел Форум неправительственных организаций (далее – НПО) – события, характеризовавшиеся как «рождение глобального феминизма» [3]. В обоих случаях впервые было обращено внимание на позицию женщин в отношении окружающей среды и ресурсов на международном уровне. Активизация женских организаций экологической направленности была связана с подготовкой к Конференции ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД), прошедшей в Рио-де-Жанейро в 1992 году.

Впоследствии экофеминизм получил национальное и международное признание как прогрессивная и критическая социальная теория и как массовое активистское движение [4, р. 28]. Новизна движения, широта охватываемых им вопросов и разнообразие людей, думающих и пишущих об экофеминизме, – всё это определило популярность этого направления и его широкое распространение в общественно-политической сфере.

«Женщины, борющиеся за общее будущее» на локальном и глобальном уровнях

После Конференции ООН 1992 года европейки начали объединяться на базе идеи, зафиксированной в докладе ООН «Наше общее будущее», о том, что женщины играют активную роль в поддержании устойчивого развития [5]. В 1994 году в Нидерландах была

официально создана организация «Женщины в Европе за общее будущее». Впоследствии организация значительно расширилась и охватила 50 стран. Для отражения глобального контекста деятельности организации она была переименована в «Женщины, борющиеся за общее будущее». В своей деятельности они стремятся обеспечить, чтобы голоса женщин и маргинальных групп были услышаны на политическом уровне, и сочетать это с местными действиями, в которых они реализуют свои приоритеты. Этот двойной подход сочетания действий и защиты интересов оказался очень успешным и стал одним из самых сильных отличительных аспектов организации [6].

«Женщины, борющиеся за общее будущее» (*Women Engage for a Common Future*, далее – *WECF*) представляет собой сеть из более чем 150 женских и гражданских организаций, осуществляющих свою деятельность в Европе, Америке, Африке, Азии и странах Тихоокеанского региона. Сеть работает исходя из принципов солидарности, интерсекциональности и гендерного равенства, а ее кredo – принцип «от локального до глобального» [7]. Головной офис организации располагается в Нидерландах, и еще четыре отделения, обеспечивающих экспертную и финансовую поддержку деятельности организации, находятся в Германии, Франции, Грузии и Швейцарии. Такой широкий охват позволяет организации накапливать знания и обмениваться опытом в масштабах всего мира.

Основные направления работы организации – это институциональное развитие, политическая деятельность и просветительская работа. В рамках институционального развития *WECF* занимается обучением и финансовой поддержкой женщин и организаций, связанных с гендерным равенством, таким образом «поддерживая их в их работе за климатическую справедливость, экологически устойчивое будущее и гендерную справедливость» [6]. В рамках политической деятельности организация путем поддержки организаций-партнеров, региональных и международных движений за гендерное равенство, а также проводя мониторинг политики, выступает за включение «женского взгляда» и гендерной проблематики в политическую повестку как на местном, так и на международном уровнях. И наконец, просветительская работа связана с деятельностью по повышению осведомленности о «важности гендерно-справедливых климатических и экологических решений» [6]. Основные формы такой деятельности – интернет-активизм, открытые письма, грантовая поддержка партнеров, публичные дебаты, уличные акции и церемонии награждений.

В своей деятельности *WECF* выделяет три ключевые проблемы: гендерно справедливое устойчивое развитие, экологическое действие и свободная от токсичности благоприятная для человека среда. Цель устойчивого развития связана с защитой и реализацией прав человека и правом на здоровую окружающую среду для всех, вне зависимости от пола, возраста, расы, сексуальной идентичности, образования, религии, возможностей или социально-экономического статуса. Экологическое действие связано с соблюдением Парижского соглашения и требованиями, чтобы правам и здоровью человека и сохранности окружающей среды отдавался приоритет по сравнению с экономическими интересами корпораций и государств. Цель создания благоприятной окружающей среды связана с принципами, сформулированными на Саммите Земли 1992 года. В первую очередь это пункты о платежах за негативное воздействие на окружающую среду, принцип экологической предосторожности и предоставление возможности всем заинтересованным гражданам участвовать в решении экологических вопросов [8].

Устойчивое развитие в понимании *WECF* тесно связано с тремя темами: гендерное равенство, поддержка прав женщин согласно Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и международная солидарность. Проблема гендерного равенства обусловлена тем, что политическое планирование часто не учитывает интересы женщин, что может привести к негативным последствиям. Для того чтобы исправить это,

WECF на международном, государственном и общественном уровнях работает над созданием институциональных рамок для обеспечения гендерного равенства. В этом отношении главным приоритетом является повышение гендерного баланса на рабочих местах, особенно в технических отраслях, таких, как водоснабжение и энергетика, так как именно в них женщины представлены меньше всего и их позиция учитывается в меньшей степени. Еще один приоритет – это интеграция мер по обеспечению гендерного равенства в законодательство, что особенно важно, с точки зрения *WECF*, для европейских стран, в которых «прогресс в области гендерного равенства застопорился» [9]. Говоря о женских правах, *WECF* отмечает, что, несмотря на то что уже более 60 лет существует конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, она по-прежнему сохраняется [10]. Основными препятствиями для обеспечения равных прав женщинам является то, что женщины в меньшей степени контролируют ресурсы, несут на себе бремя огромного количества неоплачиваемого труда, а также разрыв в оплате труда. На искоренение этих препятствий и направлена деятельность *WECF*. Международная солидарность связана с необходимостью оградить от опасностей защитников женских прав и окружающей среды, в последнее время подвергающихся многочисленным угрозам [11]. Международная солидарность также позволяет создать пространство, в котором голоса всех женщин будут услышаны на всех уровнях, что соотносится с принципом от локального к глобальному.

В защите климата *WECF* выделяет три цели: справедливое решение проблемы климата, безопасная вода и санитария, энергетические технологии. Изменения климата имеют самые тяжелые последствия для уязвимых регионов, поэтому *WECF* опирается на низовой активизм для создания механизмов адаптации к изменениям климата и уменьшения их последствий. Изменения климата особо опасны для женщин, так как, например, 70 % урожая в странах Африки южнее Сахары собирается женщинами, и засуха и неурожай, вызванные парниковым эффектом, больнее всего бьют по ним, а наводнения в Азии, Африке и на Балканах чаще всего уносят жизни женщин, что связано с их гендерными ролями [12]. Именно поэтому *WECF* направляет свою деятельность на то, чтобы обеспечить представление женских интересов в отношении климата в политике как на местном, так и на международном уровне. Одним из них является проблема создания системы санитарной очистки воды, решение которой в первую очередь предполагает обеспечение доступа к чистой воде в домах и школах по всему миру. Помимо проблемы доступа к питьевой воде, *WECF* обращает внимание на то, что миллионы девочек пропускают 25 % школьных занятий, поскольку в их школах не оборудованы туалеты и во время менструации они вынуждены оставаться дома [13]. Для решения этих проблем *WECF* была разработана программа по Планированию защиты воды и санитарных зон, в рамках которой они помогают школам строить безопасные уборные, которые не загрязняют источники питьевой воды. В отношении энергетических технологий *WECF* опирается на исследование, согласно которому для внедрения новых технологий, которые позволят снизить последствия изменения климата, в энергетических компаниях необходимо избавиться от гендерного дисбаланса [14]. Среди энергетических технологий, которые позволяют экономить деньги, снизить загрязнение воздуха и распространение респираторных заболеваний, *WECF* выделяет биогаз и солнечную энергию.

Первым шагом для создания благоприятной для человека среды, по мнению *WECF*, должно стать принятие законодательства, которое обяжет заменить пластик, пестициды и другие вредные химические вещества безопасными альтернативами. Еще один компонент – это здоровый образ жизни. *WECF* осуществляет программу, уделяя в ней особое внимание молодежи, в рамках которой предоставляет информацию о том, как выявлять вредные химические вещества и избегать их [15]. Кроме того, в рамках стремления к здо-

ровому образу жизни *WECF* поддерживает экопредпринимательниц, которые занимаются производством многоразовых нетоксичных средств женской гигиены. Это тесно связано с их мероприятиями по поддержке здоровой гигиены менструального периода, что является важной частью репродуктивного здоровья женщин и девочек.

В рамках решения этих трех ключевых проблем *WECF* осуществляет несколько программ, реализуемых по принципу снизу вверх. Опираясь на низовой активизм в различных регионах мира, они предлагают экспертную и финансовую помощь в осуществлении конкретных мероприятий, необходимых регионам. Так, в сотрудничестве с секретариатом Базельской, Роттердамской и Стокгольмской конвенций *WECF* осуществляет программу по изучению вредных воздействий от пластиковых, электронных и других промышленных отходов на территории Нигерии, Индонезии, Боливии и Киргизии [16]. На территории Украины, Молдавии, Грузии и Армении *WECF* вместе с тремя местными организациями курирует программу «Энергоэффективность: создание коалиций на местах», направленную на создание секторного регионального партнерства между организациями гражданского общества, а также на повышение потенциала НПО в сфере энергоэффективности [17]. На европейском уровне *WECF* является одним из координаторов проекта «Сделаем Европу экологически безопасной для всех» [18]. Программа призвана претворять Цели устойчивого развития и положения Парижского соглашения в жизнь. В рамках участия в этой программе *WECF* организует информационные кампании, дебаты с политиками, оказывают грантовую поддержку местных организаций, проводящих пропагандистские мероприятия, направленные на укрепление охраны окружающей среды, а также способствуют объединению европейских женских организаций в более широкое движение. Еще одной программой по претворению в жизнь Целей устойчивого развития является платформа «Женщины 2030». Эта программа работает в 52 странах в различных регионах мира. Целью этой программы является наращение потенциала женских общественных организаций и вовлечение их в политический процесс. Методы, используемые в этой программе, во многом перекликаются с деятельностью *WECF* и включают в себя просветительскую деятельность, стратегическое сотрудничество и информационно-разъяснительную работу.

Помимо участия в программах на международном уровне, *WECF* также активно принимает участие в интернет-кампаниях. Платформой для этих кампаний становятся страницы во всех актуальных социальных сетях – *Facebook* (4,8 тыс. подписчиков) [19], *Instagram* (1,9 тыс. подписчиков) [20], *Twitter* (5,9 тыс. подписчиков) [21]. Некоторые из кампаний перекликаются с программами, в которых *WECF* выступает в качестве куратора. Так, например, кампания *#GoodFood4All* проводилась в социальных сетях в рамках программы «Сделаем Европу экологически безопасной для всех». Кампания была призвана обратить внимание на то, что в современном мире продукты питания становятся площадкой для химических экспериментов и что пришло время переосмыслить производство, перераспределение и потребление продуктов питания. Одним из самых частых призывов во время этой кампании был призыв перестать перевозить огромные количества продуктов по всему миру и начать питаться тем, что фермеры выращивают на местах. В рамках своей цели международного сотрудничества *WECF* принимали участие в кампании *#HandsOffWHRDs*, посвященной защите активистов, которые продолжают рисковать своей жизнью, бесстрашно работая, чтобы продвигать права женщин и защищать климат в своих общинах и странах [22].

В ходе подготовки к выборам в Европарламент 2019 года *WECF* проводили в социальных сетях кампанию *#ecofeministsscorecard*, направленную на повышение осведомленности голосующих об экофеминистичности партийной политики. Основываясь на программах партий, *WECF* составила таблицу, в которой можно было оценить, насколько интересы экофеминизма представлены в политической повестке. Степень приверженности

принципам экофеминизма прослеживается по семи категориям. Радикальные действия в отношении изменения климата, справедливый в гендерном отношении энергетический поворот, отказ от токсичных химикатов, безопасная вода для всех, доступность средств женской гигиены, противодействие одноразовым пластиковым продуктам и микропластику, снижение темпов моды и гендерное квотирование. В карточке, подготовленной *WECF*, была проанализирована риторика семи фракций, представленных в Европарламенте [23]. Каждый пункт оценивается по шкале «полностью поддерживают», «частично поддерживают», «не поддерживают». Из таблицы, подготовленной *WECF*, следует, что самыми экофеминистичными являются «Европейские зеленые» и «Партия европейских социалистов», а «Европейская народная партия» почти не заинтересована в «зеленой» повестке. Суть кампании заключалась в том, чтобы создать подобную карточку для политических партий и движений всех европейских стран, для того чтобы голосующие могли принимать осознанное и информированное решение о том, за кого отдать свой голос.

Выводы

В тренде увеличения женского участия в общественных и политических организациях особо можно выделить сеть экофеминистских организаций, ставящих своей основной целью обеспечение устойчивого развития и гендерного равенства. В рамках распространения движения экофеминизма происходит актуализация женской повестки в общественно-политическом пространстве и сращивание этой повестки с «зелеными» идеологиями, набирающими всё большую популярность. Одним из наиболее ярких примеров таких организаций является организация *WECF*, охватывающая 50 стран и занимающаяся как институциональной, так и политической и просветительской деятельностью.

Исходя из позиции, согласно которой ухудшение состояния окружающей среды и угнетение женщин связаны между собой и являются продуктом патриархата, *WECF* настаивает на том, чтобы увеличить женское представительство в областях политики и промышленности, связанных с природой. Уделяя особое внимание гендерным аспектам экологии, *WECF* настаивает на том, что только сбалансированное присутствие женщин и мужчин за столом переговоров позволит защитить природу и человечество. В своей деятельности *WECF* сосредоточивается на просветительской деятельности и финансовой поддержке организаций на местах. Уделяя внимание локальным процессам и сотрудничая с региональными организациями, *WECF* удается помогать решать проблемы на местах. На глобальном уровне *WECF* сотрудничает с крупнейшими экологическими организациями и политиками и продвигает экофеминистскую повестку дня на самом высоком уровне. Отдельного внимания заслуживает и активность *WECF* в социальных сетях. Их интернет-кампании охватывают самые широкие слои населения и повышают осведомленность о путях гендерно справедливой охраны окружающей среды, а также способствуют вовлечению женщин в общественно-политический процесс.

Список источников

1. Burns N., Schlozman K. L., Verba S. *The Private Roots of Public Action: Gender, Equality, and Political Participation*. Harvard University Press. 2001. 470 p.
2. Merchant C. *Radical Ecology: The Search for a Livable World*. Routledge, 2012. 302 p.
3. Гендерное равенство // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/gender-equality/> (дата обращения: 7.11.2021).
4. Lahar S. *Ecofeminist theory and grassroots politics* // Hypatia.1991. T. 6, no. 1. P. 28–45.
5. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future // United Nations. URL: <http://www.un-documents.net/our-common-future.pdf> (дата обращения: 07.11.2021).
6. Our story // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/about-us/#our-story> (дата обращения: 7.11.2021).

7. Our Partners // Women Engage for a Common Future URL: <https://www.wecf.org/our-partners/#tab-1549985782-2-24> (дата обращения: 7.11.2021).
8. Our work // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/our-work/> (дата обращения: 7.11.2021).
9. Gender equality // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/gender-equality/> (дата обращения: 7.11.2021).
10. Women's rights in Agenda 2030 // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/womens-rights/> (дата обращения: 7.11.2021).
11. International solidarity // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/womens-rights/> (дата обращения: 7.11.2021).
12. Climate justice // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/climate-justice/> (дата обращения: 7.11.2021).
13. Safe water & sanitation // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/safe-water-sanitation/> (дата обращения: 7.11.2021).
14. Lack of women in energy ‘holding back fight against climate change’ // The Guardian. 11 February 2018. URL: <https://www.theguardian.com/business/2018/feb/11/the-energy-industrys-power-problem-too-few-women> (дата обращения: 7.11.2021).
15. Healthy green living // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/healthy-green-living/> (дата обращения: 7.11.2021).
16. Gender & chemicals // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/brs-gender-and-chemicals/> (дата обращения: 7.11.2021).
17. CLEEN // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/programmes/cleen/> (дата обращения: 7.11.2021).
18. Make Europe sustainable for all. URL: <https://makeeuropeustainableforall.org/> (дата обращения: 7.11.2021).
19. WECF International on Facebook. URL: https://www.facebook.com/pg/WECF.INTERNATIONAL/community/?ref=page_internal (дата обращения: 7.11.2021).
20. WECF International on Instagram. URL: https://www.instagram.com/wecf_international/ (дата обращения: 7.11.2021).
21. WECF International on Twitter. URL: https://twitter.com/WECF_INT (дата обращения: 7.11.2021).
22. Women human rights defenders // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/handsoffwhrds/> (дата обращения: 7.11.2021).
23. #ecofeministsscorecard EU Parties. URL: <https://www.wecf.org/wp-content/uploads/2019/05/Ecofeminist-scorecard-EU-updated.pdf> (дата обращения: 7.11.2021).

References

1. Burns N., Schlozman K. L., Verba S. The Private Roots of Public Action: Gender, Equality, and Political Participation. Harvard University Press. 2001. 470 p.
2. Merchant C. Radical Ecology: The Search for a Livable World. Routledge, 2012. 302 p.
3. Gendernoe ravenstvo [Gender equality]. *Organizatsiya Ob'edinennykh Natsii*. (In Russ.). Available at: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/gender-equality/> (accessed: 7.11.2021).
4. Lahar S. Ecofeminist theory and grassroots politics // Hypatia. 1991. T. 6, no. 1. P. 28–45.
5. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future // United Nations. URL: <http://www.un-documents.net/our-common-future.pdf> (дата обращения: 7.11.2021).
6. Our story // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/about-us/#our-story> (дата обращения: 7.11.2021).
7. Our Partners // Women Engage for a Common Future URL: <https://www.wecf.org/our-partners/#tab-1549985782-2-24> (дата обращения: 7.11.2021).
8. Our work // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/our-work/> (дата обращения: 7.11.2021).
9. Gender equality // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/gender-equality/> (дата обращения: 7.11.2021).

10. Women's rights in Agenda 2030 // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/womens-rights/> (дата обращения: 7.11.2021).
11. International solidarity // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/womens-rights/> (дата обращения: 7.11.2021).
12. Climate justice // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/climate-justice/> (дата обращения: 7.11.2021).
13. Safe water & sanitation // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/safe-water-sanitation/> (дата обращения: 7.11.2021).
14. Lack of women in energy 'holding back fight against climate change' // The Guardian. 11 February 2018. URL: <https://www.theguardian.com/business/2018/feb/11/the-energy-industries-power-problem-too-few-women> (дата обращения: 7.11.2021).
15. Healthy green living // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/healthy-green-living/> (дата обращения: 7.11.2021).
16. Gender & chemicals // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/brs-gender-and-chemicals/> (дата обращения: 7.11.2021).
17. CLEEN // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/programmes/cleen/> (дата обращения: 7.11.2021).
18. Make Europe sustainable for all. URL: <https://makeeuropeustainableforall.org/> (дата обращения: 7.11.2021).
19. WECF International on Facebook. URL: https://www.facebook.com/pg/WECF.INTERNATIONAL/community/?ref=page_internal (дата обращения: 7.11.2021).
20. WECF International on Instagram. URL: https://www.instagram.com/wecf_international/ (дата обращения: 7.11.2021).
21. WECF International on Twitter. URL: https://twitter.com/WECF_INT (дата обращения: 7.11.2021).
22. Women human rights defenders // Women Engage for a Common Future. URL: <https://www.wecf.org/handsoffwrds/> (дата обращения: 7.11.2021).
23. #ecofeministsscorecard EU Parties. URL: <https://www.wecf.org/wp-content/uploads/2019/05/Ecofeminist-scorecard-EU-updated.pdf> (дата обращения: 7.11.2021).

Информация об авторе

E. С. Бурмистрова – ассистент кафедры «История и археология»,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

E. S. Burmistrova – Assistant at the Department of History and Archeology,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 09.11.2021; одобрена после рецензирования 24.11.2021;
принята к публикации 24.11.2021.

The article was submitted 09.11.2021; approved after reviewing 24.11.2021; accepted for publication 24.11.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 145–151.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 145-151.

Научная статья
УДК 323.2-055.2(410)

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНЩИН В ПОВЕСТКЕ БРИТАНСКИХ ПРОТЕСТОВ 2016–2020 ГОДОВ¹

Сергей Алексеевич Снигирев

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия, sergey199719@mail.ru

Аннотация. На основе материалов женских протестных движений и акций на территории Великобритании было проанализировано влияние глобальных протестных кампаний, проведенных в период 2016–2020 годов. В статье предпринята попытка определить то, каким образом эти глобальные акции смогли повлиять на актуализацию проблем женщин в повестке британских протестов.

Ключевые слова: Великобритания, протесты, женский активизм, аборты, домашнее насилие, #MeToo.

Для цитирования: Снигирев С. А. Проблемы женщин в повестке британских протестов 2016–2020 годов // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 145–151.

Original article

WOMEN'S PROBLEMS IN THE BRITISH PROTEST AGENDA 2016-2020

Sergey A. Snigirev

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
sergey199719@mail.ru

Abstract. Based on the materials of women's protest movements and actions in the UK, the influence of global protest campaigns committed in the period 2016-2020 was analyzed. The article attempts to determine how global protests were able to influence the mainstreaming of women's issues on the agenda of British protests.

Keywords: UK, protests, women's activism, abortion, domestic violence, #MeToo.

For citation: Snigirev S. A. Women's issues on the agenda of British protests 2016-2020. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 145-151. (In Russ.)

Введение

Протест в условиях реалий современного мира имеет весьма обширную инструментализацию для высказывания мыслей, накопившихся проблем и способов их решений. С развитием цифровых устройств, а также мессенджеров и социальных сетей интересующая информация становится доступной в любой точке мира, в результате чего частный случай недовольства некой проблемой может стать триггером привлечения внимания к аналогичным ситуациям в других регионах. Информационно-технологические условия складываются в пользу такого явления, как глобализация протестов, выражающаяся при

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31794 «Мобилизация vs самоорганизация: кросснациональный анализ факторов и векторов женского участия в политике».

помощи солидарности проблемы активистов из других стран, а также попытки решения аналогичных проблем в своих регионах. Использование информационно-технологических средств позволяет людям быть в курсе всех событий, происходящих в мире, а также является хорошим способом мобилизации людей для протестов.

Многие проблемы британских женщин в период 2000-х – первой половины 2010-х годов замалчивались или не привлекали достаточного внимания общественности. Во многом благодаря сетевым инструментам британские активистки смогли обратить внимание на проблемы женщин, заданные глобальными тенденциями, и консолидироваться вокруг проблем, остро стоящих только на территории Великобритании. Каким образом глобальные акции протестов смогли повлиять на актуализацию проблем женщин в Великобритании?

Глобальные акции протестов: триггер для британских активисток

Женский марш на Вашингтон 2017 года, организованный в знак протesta против выборов президентом США Дональда Трампа в 2016 году, сумел консолидировать множество различных протестующих групп, каждая из которых преследовала свои цели, в единую. Данная акция стала своего рода триггером для всех активистов, несогласных с действующим положением дел в мире. Спустя два года женщины из более чем тридцати стран приняли участие в крупномасштабных шествиях, призванных привлечь внимание к насилию в отношении женщин. Помимо гендерных вопросов, на данных акциях поднимались и такие глобальные проблемы, как окружающая среда, изменение климата планеты, иммиграционные процессы и т. д. [1].

В 2017 году появляется движение #MeToo (*MeToo*), которое стало свидетельством расущей решимости говорить и требовать возмещения за действия, совершенные влиятельными, занимающими высокие должности мужчинами против женщин. Именно это движение, благодаря социальным сетям, смогло из частного скандала трансформироваться в глобальное движение за права женщин, пострадавших от сексуального домогательства. Успех #MeToo способствовал развитию таких цифровых проектов, как #everydaysexism, #freethenipple, #yesallwomen и #BeenRapedNeverReported, которые смогли быстро стать международными цифровыми движениями, дающими возможность пострадавшим женщинам со всего мира поделиться своими травмами, приобретенными на почве сексуального домогательства/насилия, а также найти для себя поддержку благодаря цифровому активизму [2].

Новый виток глобальных протестов был вызван инцидентом, связанным с расовой несправедливостью. Марши в поддержку *Black Lives Matter (BLM)* летом 2020 года снова стали причиной новых акций протеста по всему миру. В Великобритании данная кампания подняла важные вопросы о памятниках, поставленных историческим деятелям, которые были рабовладельцами, а также множество вопросов об институциональном расизме, черты которого и на сегодняшний день остаются не решенными во многих сферах государства и общества. Гендерные повестки также были интегрированы в кампанию *BLM*, что позволило обратить внимание мира на проблемы темнокожих женщин [3].

Перечисленные акции проходили в период 2016–2020 годов и во многом повлияли на протестные движения в национальных государствах. Для активистов в Великобритании эти акции стали своеобразным триггером, способствовавшим новой актуализации проблем британских женщин, потерявших популярность в период 2000-х – начала 2010-х годов.

Проблемы женщин в Великобритании в повестке протестов

Женский марш на Вашингтон вдохновил множество женщин и женских групп на открытые, массовые демонстрации по всему миру, в ходе которых прозвучали призывы к расовому и гендерному равенству, требования доступного здравоохранения, права на аборт и пр. В каждой стране были заострены собственные наиболее животрепещущие проблемы. В Великобритании протестующие акцентировали внимание на следующих волнующих их

вопросах: голосование за Брексит; нарастание антииммиграционной риторики в обществе и государстве; проблемы домашнего насилия; право на аборт для североирландских женщин [4]. Последние две проблемы, относящиеся к женским, остаются не решенными в полной мере уже на протяжении нескольких десятилетий, несмотря на то что государство поэтапно вводило инструменты их законодательного регулирования.

АбORTы на территории Великобритании, кроме Северной Ирландии, были легализованы принятым в 1967 году законом. Однако на территории Северной Ирландии действует закон «О преступлении против личности», по которому преждевременное прерывание беременности является уголовно наказуемым деянием [5]. В течение нескольких десятилетий проблема оставалась нерешенной. Ситуация ухудшилась в 2015 году, когда Верховный суд Белфаста заявил о несовместимости британского закона о правах человека 1998 года и законодательства Северной Ирландии, связанного с ситуацией с абортаами. Поданные в 2017 году апелляции, рассматривающие ситуации легализации аборта в случаях изнасилования, были отклонены [6].

Эти события нашли отражение в активистской деятельности организаций, женских групп, выступающих за легализацию данной процедуры. К таким группам относятся «Активисты движения за аборты» (AHA), «Сеть поддержки аборта» (ASN), а также базирующаяся в Нидерландах организация *Womens on Web* [7]. Перечисленные движения, организации состоят из политических активистов, работающих над поиском обходных юридических путей для совершения аборта женщинами Северной Ирландии. Основной целью перечисленных активистских движений является привлечение внимания британской общественности к проблеме североирландских женщин, желающих иметь возможность преждевременного прерывания беременности. Второстепенной задачей подобных групп является поддержка политиков, настроенных решить проблему легализации аборта в положительную сторону [8].

В чём же проявляется британская черта в решении данной проблемы? Она возникла в Великобритании еще в XIX веке, когда ирландские женщины отправлялись в Англию в поисках услуг по прерыванию беременности. С принятием закона 1967 года поиск услуг был облегчен. Самым популярным маршрутом для совершения данной процедуры стал Белфаст–Ливерпуль, который был организован и поддержан в 1980-е годы такими проектами, как «Ливерпульская служба поддержки аборта» (LASS) и «Эскорт» (Escort) [9]. В задачи данных активистских проектов входили организация переезда женщин, помощь в предоставлении им временного жилья в Ливерпуле, организация транспорта до клиники и обратно, а также эмоциональная поддержка на всём этапе совершения процедуры прерывания беременности. Последняя организация в конце 1990-х – начале 2000-х годов переориентировалась на оказание помощи беженцам и мигрантам, ищающим убежища, и вскоре получила статус благотворительной группы. На сегодняшний день ранее поставленные задачи в сфере помощи женщинам продолжают выполнять активисты ASN [10].

Массовые митинги 2017 года нашли отклик в поддержке государства по вопросу помощи женщинам Северной Ирландии, желающим сделать аборт. В августе того же года была внесена поправка к тронной речи королевы, в которой говорилось о государственном финансировании аборта для североирландских женщин. Данная инициатива в виде поправок была предложена Стеллой Кризи, депутатом от лейбористской партии, и поддержана большей частью парламента. Согласно этой инициативе государство должно выделять гранты для медицинских учреждений, готовых предоставить услуги по прерыванию беременности [11]. Таким образом, удалось заручиться поддержкой государства по данному вопросу, но его решение остается актуальным и дискуссионным в Великобритании и на сегодняшний день.

Домашнее насилие также является весьма актуальной женской проблемой в повестках британских протестов. В течение нескольких десятилетий XX века вопрос о домашнем насилии считался семейным делом, в которое не должны вмешиваться правоохранительные органы. Внимание общества и государства к данной проблеме смогли привлечь журналисты и независимые исследователи, публикующие данные о совершенных в британских семьях преступлениях. В период с 1990-х по 2010-е годы государство принимает меры по решению данного вопроса при помощи разработки законов, переработки кодексов правонарушений, в которые вводится категория домашних преступлений. Благодаря принятым государственным мерам удалось снизить количество совершенных преступлений, среднее число которых составляло ~1,7 млн случаев в год в 2000-е годы [12]. Однако агентством *Crime Survey for England and Wales (CSEW)* в 2014/2015 годах было выявлено увеличение количества судебных преследований за совершенные преступления в форме домашнего насилия, направленные против женщин и девочек: их число возросло до 2,5 млн случаев в год [13]. В 2016 году активистки стали требовать от государства решения данной проблемы, рассматривая ее на гендерной основе, так как за предыдущее десятилетие от рук супругов/сожителей пострадало в 13 раз больше женщин, чем мужчин. Выступления проводились под лозунгом «Сделать женоненавистничество преступлением». В результате объединения усилий активисток с депутатом Стеллой Кризи удалось добиться регистрации женоненавистничества как мотивирующего фактора преступлений, совершенных на почве домашнего насилия [14].

В 2020 году, во время пандемии коронавирусной инфекции, уровень домашнего насилия возрос до 2,1 млн человек, на это повлияла политика правительства под лозунгом *Stay home*, уменьшая шанс потенциальных жертв скрыться от насилия. Число звонков на горячую линию фонда помощи женщинам *Refuge* увеличилось на 700 %, а также возросло количество убийств женщин и детей, связанных с домашним насилием. Общественные активисты стали проводить акции в поддержку жертв домашнего абызова с соблюдением всех санитарных норм [15]. Самой известной становится кампания *Some Women Need To Walk*, которая была проведена в нескольких городах и целью которой стало привлечение внимания правительства и британской общественности к данной проблеме. Эту акцию активно поддерживали в социальных сетях, с помощью которых 78 000 человек смогли принять в ней участие, не рискуя собственным здоровьем. А созданный хэштег #*YouAreNotAlone* стал впоследствии средством обращений пострадавших от домашнего насилия, которые нуждались в поддержке, и был профинансирован государством. В результате проведенной кампании государство приняло во внимание новые трудности в решении проблемы, на что из бюджета дополнительно было выделено 70 млн фунтов стерлингов [16]. Таким образом, было доказано, что комбинированные формы протеста, использование уличных и сетевых способов привлечения внимания являются весьма эффективными для достижения поставленных задач.

Стоит также обратить внимание на распространение и освещение кампании *#MeToo* в британском обществе, которое осуществлялось при помощи прессы. Именно британские газетные издания, такие, как *Daily Mail*, *The Guardian*, *The Independent*, *The Sun* смогли раскрыть суть проблемы, выйдя за рамки социальных сетей, и привлечь к ней новых читателей. Так, в первые шесть месяцев с начала кампании в британских газетах было опубликовано 363 материала, сосредоточенных непосредственно на сексуальных домогательствах [17]. Это свидетельствовало о том, что СМИ продолжали играть ключевую роль в распространении глобальных новостей, информации о проблемах и возникающих спорах для национальной аудитории. СМИ также помогли рассказать свои истории пострадавшим от сексуальных домогательств на работе, что помогло консоли-

дировать пострадавших от данной проблемы. Например, несколько газет опубликовали эксклюзивные сообщения сотрудниц о сексуальных домогательствах руководства таких организаций, как *Oxfarm*, *Save the Children*. Помимо перечисленного, освещение #MeToo в прессе способствовало возрождению и усилению позиции феминистских движений, таких, как *Million Women Rise*, *Slutwalk*, которые уже давно находились на периферии, сосредоточивались на более мягких вопросах и не проявляли активности в организованной социальной мобильности [17].

Исходя из представленного материала, можно сказать, что влияние глобальных акций/кампаний, созданных против дискриминаций, домогательств и насилия в отношении женщин, сыграло важную роль в актуализации проблем британских женщин. Происходящие мировые протесты смогли привлечь внимание подданных Великобритании к неактуальной проблеме абортов в Северной Ирландии, показали количество совершенных преступлений против женщин на почве домашнего насилия и сексуальных домогательств на рабочих местах. Применение информационных инструментов, таких, как социальные сети и мессенджеры, позволило размещать больше данных о планируемых акциях протеста, а также их координировании. Удалось выявить интересное явление, связанное с официальными британскими СМИ, которые также внесли свой вклад в распространение информации о проблемах, с которыми сталкиваются женщины в Великобритании. Освещая глобальные женские протесты, национальные СМИ освещали похожие истории и проблемы, волнующие британских женщин. Благодаря этому удалось привлечь внимание широких масс британцев к проблемам женщин, что, в свою очередь, привело к актуализации забытых проблем и оказанию помощи пострадавшим британкам.

Список источников

1. Fisher D., Andrews K. The science of contemporary street protest: New efforts in the United States [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6810161/> (дата обращения: 08.11.2021)
2. Wild J. #Metoo and the task of coalition building to combat violence against women [Электронный ресурс]. URL: <https://gender-studies.leeds.ac.uk/metoo-and-the-task-of-coalition-building-to-combat-violence-against-women/> (дата обращения: 08.11.2021)
3. Sharpton A., Eulogy Transcript, George Floyd's Memorial Service, June 4, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/reverend-al-sharpton-eulogy-transcript-at-george-floydmemorial-service#:text=The%20reason%20why%20we%20are,do%20whatever%20we%20can%20be.> 2020, September, 18 (дата обращения: 07.11.2021).
4. Wilkinson S. This is what a socially distanced protest against domestic violence looks like [Электронный ресурс]. URL: https://www.huffingtonpost.co.uk/entry/socially-distanced-protest-against-domestic-violence-looks-like_uk_5eaa8152c5b648d16202d2b1 (дата обращения: 07.11.2021)
5. 5 reasons to decriminalise abortion // We Trust Women: The campaign to decriminalise abortion across the UK [Электронный ресурс]. URL: <https://wetrustwomen.org.uk/5-reasons-to-decriminalise-abortion/> (дата обращения: 08.11.2021)
6. Саша Сулим. В Северной Ирландии запрещены абORTы. Теперь ее жительницы смогут бесплатно прерывать беременность в Великобритании [Электронный ресурс] // Meduza. 30.07.2017. URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/30/v-severnoy-irlandii-zaprescheny-aborty-teper-ee-zhitelnitsy-smogut-besplatno-preryvat-beremennost-v-drugih-chastyah-velikobritanii> (дата обращения: 07.11.2021).
7. Deirdre D. From feminist anarchy to decolonisation: Understanding abortion health activism before and after the repeal of the 8th Amendment [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0141778919895498> (дата обращения: 06.11.2021).
8. Pierson D. What happens when women have to travel: abortion, care and lessons from Ireland. Manchester Metropolis Blog [Электронный ресурс]. URL: <https://mcrmetropolis.uk/blog/what-happens-when-women-have-to-travel-abortion-care-and-lessons-from-ireland/> (дата обращения: 06.11.2021)

9. Kasstan B., Crook S. Reproductive rebellions in Britain and the Republic of Ireland: contemporary and past abortion activism and alternative sites of care [Электронный ресурс] URL: <https://www.lectitopublishing.nl/download/reproductive-rebellions-in-britain-and-the-republic-of-ireland-contemporary-and-past-abortion-3885.pdf> (дата обращения: 06.11.2021).
10. Rossiter A. Ireland's hidden diaspora: the 'Abortion Trail' and the making of a London-Irish underground, 1980–2000, P. 87 [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books/about/Ireland_s_Hidden_Diaspora.html?id=_htZPgAACAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 04.11.2021).
11. Greening J. Access to abortion services in England, 29 June 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/news/access-to-abortion-services-in-england> (дата обращения: 06.11.2021).
12. Strickland P., Grahame A. Domestic violence in England and Wales [Электронный ресурс]. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06337/SN06337.pdf> (дата обращения: 05.11.2021).
13. Safety and justice: the Government's proposals on domestic violence [Электронный ресурс]. URL: <https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20131205100653/http://www.archive2.official-documents.co.uk/document/cm58/5847/5847.pdf> (дата обращения: 05.11.2021).
14. Phipps A. White tears, white rage: Victimhood and (as) violence in mainstream feminism [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1367549420985852> (дата обращения: 05.11.2021).
15. Elks S. Despite #MeToo, one in four UK women hesitate to report work harassment [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-britain-women-metoo-idUSKBN1WT2JO> (дата обращения 05.11.2021).
16. Some women need to walk [Электронный ресурс]. URL: <https://www.loveandpower.co.uk/somewomenneedtowalk-campaign> (дата обращения: 06.11.2021).
17. Benedictis S. #MeToo, popular feminism and the news: A content analysis of UK newspaper coverage [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1367549419856831> (дата обращения: 08.11.2021).

References

1. Fisher D., Andrews K. The science of contemporary street protest: New efforts in the United States [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6810161/> (дата обращения: 08.11.2021)
2. Wild J. #Metoo and the task of coalition building to combat violence against women [Электронный ресурс]. URL: <https://gender-studies.leeds.ac.uk/metoo-and-the-task-of-coalition-building-to-combat-violence-against-women/> (дата обращения: 08.11.2021)
3. Sharpton A., Eulogy Transcript, George Floyd's Memorial Service, June 4, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/reverend-al-sharpton-eulogy-transcript-at-george-floydmemorial-service#:text=The%20reason%20why%20we%20are,do%20whatever%20we%20can%20be.> 2020, September, 18 (дата обращения: 07.11.2021).
4. Wilkinson S. This is what a socially distanced protest against domestic violence looks like [Электронный ресурс]. URL: https://www.huffingtonpost.co.uk/entry/socially-distanced-protest-against-domestic-violence-looks-like_uk_5eaa8152c5b648d16202d2b1 (дата обращения: 07.11.2021)
5. 5 reasons to decriminalise abortion // We Trust Women: The campaign to decriminalise abortion across the UK [Электронный ресурс]. URL: <https://wetrustwomen.org.uk/5-reasons-to-decriminalise-abortion/> (дата обращения: 08.11.2021)
6. Sasha Sulim. V Severnoj Irlandii zapreshheny aborty. Teper' ee zhitel'nicy smogut besplatno preryvat' beremennost' v Velikobritanii [Abortion is prohibited in Northern Ireland. Now her residents will be able to terminate their pregnancy in the UK for free]. *Meduza*. 30.07.2017. (In Russ.) Available at: <https://meduza.io/feature/2017/06/30/v-severnoy-irlanidii-zaprescheny-aborty-teper-ee-zhitelnitsy-smogut-besplatno-preryvat-beremennost-v-drugih-chastyah-velikobritanii> (accessed: 07.11.2021).
7. Deirdre D. From feminist anarchy to decolonisation: Understanding abortion health activism before and after the repeal of the 8th Amendment [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0141778919895498> (дата обращения: 06.11.2021).

8. Pierson D. What happens when women have to travel: abortion, care and lessons from Ireland. Manchester Metropolis Blog [Электронный ресурс]. URL: <https://mcrmetropolis.uk/blog/what-happens-when-women-have-to-travel-abortion-care-and-lessons-from-ireland/> (дата обращения: 06.11.2021)
9. Kasstan B., Crook S. Reproductive rebellions in Britain and the Republic of Ireland: contemporary and past abortion activism and alternative sites of care [Электронный ресурс] URL: <https://www.lectitopublishing.nl/download/reproductive-rebellions-in-britain-and-the-republic-of-ireland-contemporary-and-past-abortion-3885.pdf> (дата обращения: 06.11.2021).
10. Rossiter A. Ireland's hidden diaspora: the 'Abortion Trail' and the making of a London-Irish underground, 1980–2000, P. 87 [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books/about/Ireland_s_Hidden_Diaspora.html?id=_htZPgAACAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 04.11.2021).
11. Greening J. Access to abortion services in England, 29 June 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/news/access-to-abortion-services-in-england> (дата обращения: 06.11.2021).
12. Strickland P., Grahame A. Domestic violence in England and Wales [Электронный ресурс]. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06337/SN06337.pdf> (дата обращения: 05.11.2021).
13. Safety and justice: the Government's proposals on domestic violence [Электронный ресурс]. URL: <https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20131205100653/http://www.archive2.official-documents.co.uk/document/cm58/5847/5847.pdf> (дата обращения: 05.11.2021).
14. Phipps A. White tears, white rage: Victimhood and (as) violence in mainstream feminism [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1367549420985852> (дата обращения: 05.11.2021).
15. Elks S. Despite #MeToo, one in four UK women hesitate to report work harassment [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-britain-women-metoo-idUSKBN1WT2JO> (дата обращения: 05.11.2021).
16. Some women need to walk [Электронный ресурс]. URL: <https://www.loveandpower.co.uk/somewomenneedtowalk-campaign> (дата обращения: 06.11.2021).
17. Benedictis S. #MeToo, popular feminism and the news: A content analysis of UK newspaper coverage [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1367549419856831> (дата обращения: 08.11.2021).

Информация об авторе
C. A. Снигирев – аспирант,
Институт всеобщей истории РАН.

Information about the author
S. A. Snigirev – Postgraduate Student,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 09.11.2021; одобрена после рецензирования 24.11.2021; принята к публикации 24.11.2021.

The article was submitted 09.11.2021; approved after reviewing 24.11.2021; accepted for publication 24.11.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 152–157.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 152-157.

Научная статья
УДК 372.893

ПРЕПОДАВАНИЕ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Никита Вадимович Тихомиров

Московская государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии – МВА имени К. И. Скрябина, tihomirov_n@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению исторического образования как значимого фактора обеспечения национальной безопасности России. Для достижения данной цели автором решаются следующие задачи: 1) определить место исторического образования в системе обеспечения национальной безопасности; 2) проанализировать социально-воспитательную функцию исторического образования; 3) дать оценку некоторым актуальным изменениям в подходах к реализации учебных программ по отечественной истории.

Ключевые слова: национальная безопасность, историческое образование, историческая память, новейшая история, общественное сознание.

Для цитирования: Тихомиров Н. В. Преподавание новейшей истории России в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 152–157.

Original article

TEACHING THE NEWEST HISTORY OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF ENSURING NATIONAL SECURITY

Nikita V. Tikhomirov

Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K. I. Skryabin,
tihomirov_n@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of historical education as a significant factor in ensuring the national security of Russia. To achieve this goal, the author solves the following tasks: 1) determine the place of historical education in the system of ensuring national security; 2) analyze the social and educational function of historical education; 3) to assess some of the current changes in approaches to the implementation of curricula in Russian history.

Keywords: national security, historical education, historical memory, recent history, public consciousness.

For citation: Tikhomirov N. V. Teaching the newest history of Russia in the context of ensuring national security. Bulletin of Prikamsky Social Institut. 2021. No. 3 (90). Pp. 152-157. (In Russ.)

Обеспечение национальной безопасности составляет смысловой стержень внутренней и внешней политики суверенного государства. На официальном уровне понятие национальной безопасности раскрыто президентским Указом «О стратегии национальной

безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021. Согласно ему, под национальной безопасностью следует понимать «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»¹. Обеспечение национальной безопасности предполагает реализацию стратегических национальных приоритетов, в число которых, согласно тому же документу, входят сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, государственная и общественная безопасность, информационная безопасность, экономическая безопасность, научно-технологическое развитие, экологическая безопасность и рациональное природопользование, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество².

Из приведенных положений следует, что категория национальной безопасности, среди прочего, охватывает сферу духовной жизни человека и общества. К этому в первую очередь отсылают упоминания о защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. К названной сфере, безусловно, принадлежат вопросы исторического образования как непосредственно влияющего на формирование личности и ее отношение к миру. Рассмотрим, как они связаны с обеспечением защищенности «общества и государства от внутренних и внешних угроз».

А. Н. Фукс отмечает: «Содержание школьного исторического образования является ключевым направлением в идеологическом обеспечении политики национальной безопасности страны» [1, с. 21]. Данную формулировку уместно распространить также на историческое образование в высших учебных заведениях, а равно на информационную политику государства в области исторического просвещения общества. Для гуманитарного научного исследования анализ материалов, «относящихся к организации учебного процесса в учреждениях высшего образования, представляет источниковой и теоретический интерес» [2, с. 89]. То же справедливо по отношению к материалам школьных образовательных программ.

Историческое знание служит важным звеном системы представлений человека о себе, обществе и мире в целом. Также оно занимает значительное место в структуре общественного сознания. Устойчивые, широко разделяемые представления о прошлом формируют историческую память общества, которая существенно влияет на складывание гражданской идентичности, воспитание патриотизма. Данное понятие мы склонны толковать как индивидуально сознаваемую сопричастность развитию общества и личную ответственность за происходящее с ним в настоящем и будущем.

Историческая память выполняет три важных культурных функции: познавательную, воспитательную и интегративную. В познавательном отношении историческая память обеспечивает членов общества необходимым набором сведений о предшествующих ступенях коллективного развития, дает представления о преемственности ступеней исторического становления общества. В воспитательном отношении память о прошлом снабжает поколения людей образцами нравственного поведения, воплотившимися в государствен-

¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 23.09.21).

² О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 23.09.21).

ной мудрости, воинской доблести и трудовых подвигах. Историческая память содержит важные уроки для будущего общественного строительства. Наконец, интегративная функция исторической памяти выражается в том, что представляет универсальную основу для выстраивания коллективной идентичности, выработки национального сознания. Именно на этом основании созидается комплекс патриотических представлений, определяющих ценностные и волевые установки человека в его отношении к обществу, стране, государству. В патриотически ориентированном сознании Родина, Отечество есть не только объект приложения творческих сил личности, но и существенное условие выбора определенной модальности социального поведения. Восприятие человеком идеи родины и, как следствие, выработка личного отношения к ней определяется сложным комплексом идейных представлений, отраженных в индивидуально воспринятом образе прошлого.

Учебный курс отечественной истории представляет этот образ в развитии, причем в развитии длящемся и незавершенном. Построение образа прошлого, а значит – исторической памяти, осуществляется в рамках исторической концепции. Концепция представляет собой систему идей, теорий и подходов, посредством которых раскрывается внутреннее содержание исторического процесса. Это, с одной стороны, способ упорядочения и организации громадного массива явлений и событий прошлого, а с другой – теоретическая модель, объясняющая прошлое, наделяющая его смыслом. История отечественной исторической науки дает множество примеров различных концепций, востребованных в разное время и дававших различные образы прошлого.

Почему так важен этот образ? Как указывал Аристотель, «человек – по природе существо общественное» [3, с. 63]. А значит, для него жизненно важно определить свою принадлежность некоторой группе – идентифицировать себя как ее часть. Механизм идентификации формируется по мере становления личности человека, то есть в ходе социализации. Данный процесс включает в себя усвоение групповых представлений, навыков и форм поведения. При этом в структуре личности выделяются две фундаментальные составляющие: индивидуальная и общественная. С одной стороны, любой человек есть носитель неповторимой совокупности черт и качеств: телесных, умственных и духовных. С другой стороны, любому человеку присуще разделять определенный набор групповых представлений, предопределяющих его миропонимание в целом. Нравы, образ мышления, идеалы, групповая ориентация, самоопределение, – всё это принадлежит к числу коллективно формируемых представлений или того, что в классическом психоанализе было принято называть «сверх-Я».

Каждый человек выстраивает свою идентичность по многим критериям: родовым, семейным, профессиональным и т. д. Один из таких критериев – национальный. Национальная идентичность является сложным продуктом современной культуры. Б. Андерсон называет нации «воображаемыми сообществами» [4, с. 31]. Под этим понимается такой способ определения принадлежности коллективу, который не обусловливается непосредственным контактом с его членами лицом к лицу. В условиях существования современных многомиллионных сообществ людей непосредственное взаимодействие всех со всеми принципиально невозможно, потому коллективная идентичность выстраивается как идейный конструкт. Его созидание требует организованного систематического распространения социально значимых представлений, значительную часть которых составляют образы коллективного прошлого.

Основой формирования массовых представлений о прошлом служит школьное историческое образование, именно оно призвано заложить основы исторического мышления индивида, насытить смыслами общезвестные факты исторического процесса. Историческое знание «в виде структурированных представлений о прошлом неизбежно связано с идеино-

нравственными установками своей эпохи, в немалой степени является их формальным воплощением» [5, с. 87]. В этой связи остро стоят вопросы о фактическом содержании школьной программы изучения отечественной истории, подходах к познанию прошлого, трактовках ключевых событий. В ходе освоения общеобразовательного курса истории человек воспринимает коренные идеи о характере и особенностях национальной истории, месте и роли своей страны в мировой истории. Этим обеспечивается духовно-нравственное воспитание личности, становление крепких начал зреющего гражданско-гражданского сознания.

Современная система школьного исторического образования пребывает в непрерывном развитии. В последние годы было сделано немало для усовершенствования учебных программ и учебного процесса в целом. Среди важнейших мероприятий следует отметить разработку Историко-культурного стандарта, Концепции нового учебно-методического комплекса (2014) и Концепции преподавания российской истории в рамках общеобразовательных программ (2020)¹. Определенно удачным является переход к линейному принципу изучения истории в школе, при котором учебные программы старших классов (10–11-х) полностью посвящены преподаванию отечественной истории XX столетия. Чтобы выяснить, в чём состоит преимущество такого подхода, следует проанализировать специфику самого учебного материала, то есть особенности исторического процесса в названный период с точки зрения формирования системы исторической памяти.

Во-первых, объем фактического материала, составляющего содержание исторического процесса в XX столетии, существенно превышает объем фактического материала предшествующих веков (как взятых в отдельности, так зачастую и нескольких разом). Обширная документальная база и высокая общественно-политическая динамика создают громадное событийное поле, которое, помимо фактов отечественной истории, с необходимостью включает факты всеобщей истории, без учета которых затруднительно понять суть и логику национального исторического процесса.

Во-вторых, изучаемый период характеризуется особой сложностью и значимостью событий ввиду их актуальности для современного российского общества. Вопросы революционной смены общественного строя в начале минувшего века, масштабных социальных потрясений, индустриального рывка 1930-х годов, Великой отечественной войны, распада СССР и др. прочно связаны с проблемой формирования национального самосознания и гражданской идентичности нынешних поколений. Потому такого рода вопросы нуждаются зачастую в куда более тщательном разборе и прояснении, нежели вопросы, касающиеся событий более ранних веков. Стоит отметить, что в перечне «трудных вопросов истории», включенном в историко-культурный стандарт, 17 из 31 посвящены проблематике XX века.

В-третьих, период новейшей истории (в широком смысле, то есть от начала прошлого века до настоящего времени) сопряжен со значительным числом событий, неоднозначно трактуемых современной исторической наукой. Решение ряда вопросов, касающихся развития нашей страны за минувший век, имеет определяющее значение для формирования исторической памяти и общественного сознания в целом. При этом в условиях широкой открытости и высокой информационной насыщенности современного общества остро встает проблема соперничества многочисленных трактовок и подходов к оценке исторических фактов. Далеко не всегда распространенные в информационном пространстве суждения отвечают критериям объективности, достоверности, добросовестной работы с истори-

¹ Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/> (дата обращения 23.09.2021).

ческим материалом. К сожалению, в наличных условиях нередко распространение предрассудков и откровенных манипуляций, служащих прямо или косвенно дисเครดитации национального прошлого, разрушению идейно-нравственных оснований гражданского сознания, идентичности, девальвации идей патриотизма.

В этой связи события новейшей истории России требуют обстоятельного и кропотливого подхода в изучении, что может быть обеспечено в рамках двухгодичного курса, как то предусмотрено Концепцией преподавания курса «История России» в рамках осуществления общеобразовательных программ. Данное обстоятельство способствует и большей эффективности освоения курса истории в рамках программы высшей школы. На сегодняшний день курс истории России включен в качестве обязательного общеобразовательного компонента в учебные планы всех высших учебных заведений и осваивается студентами на ранних курсах (если не брать профильных исторических факультетов), то есть непосредственно после завершения школьного курса. В недавнем прошлом, в условиях реализации принципа концентрического обучения, на 10–11-е классы школы приходилось, по сути, повторение материала предшествующих лет в заметно сокращенной форме. После чего поступившие в вузы выпускники вновь повторяли полный цикл отечественной истории, но в еще более урезанном виде. При таком подходе к организации исторического образования заметно страдал важнейший принцип преемственности в деле познания прошлого. Вместо того чтобы в старшей школе сложить прочную базу фактических знаний, а затем в рамках вузовского курса углубить теоретические представления о важнейшем периоде отечественной истории, учащиеся занимались двукратным повторением одного и того же материала. XX век проходил в образовательной программе всех уровней, по сути, скороговоркой (с учетом соотношения учебных часов и совокупного объема значимой информации), чем закреплялась фрагментарность представлений о комплексе событий высочайшей значимости: от событий Октябрьской революции 1917 года до распада СССР в 1991 году.

Сейчас же представляется возможным в средней и старшей школе наработать обширный пласт конкретных представлений о фактах исторической действительности, а затем достроить его более сложным проблемно-теоретическим уровнем в рамках вузовской образовательной программы. При переходе со средней на высшую ступень образования учащиеся сохраняют знания о ключевых событиях новейшей истории в актуализированном виде. С опорой на эту базу они способны воспринимать и осваивать более сложные теоретические положения, предлагаемые вузовской программой исторического обучения. В свою очередь, профессорско-преподавательский состав вузовских кафедр освобождается от необходимости решать проблему заполнения лакун в знании вчерашними школьниками элементарного фактического материала.

Высшее образование в России в текущий момент «пребывает в процессе длящегося преображения, связанного с общественно-политическими, экономическими и общекультурными изменениями последней четверти века» [1, с. 19]. Это касается не только перестройки нормативно-правовой базы, но и методической стороны организации учебного процесса. В свете приведенных выше соображений можно рассчитывать на дальнейшее плодотворное развитие вузовского преподавания истории (в учебных заведениях всех профилей подготовки) как составной части единой системы исторического образования и гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения.

Список источников

1. Фукс А. Н. Значение школьных учебников отечественной истории для идеологического обеспечения национальной безопасности // Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки. 2015. № 1. С. 21–32.

2. Тихомиров Н. В. Отражение борьбы за новую концепцию истории СССР в программах курсов истории СССР для вузов (1930-е гг.) // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 1. С. 88–95. DOI: 10.30914/2411-3522-2021-7-1-88-95
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 288 с.
5. Тихомиров Н. В. Проблема создания Русского государства в учебниках истории конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Запад–Восток. 2020. № 13. С. 85–98. DOI: 10.30914/2227-6874-2020-13-85-98
6. Тихомиров Н. В. Проблемы и динамика высшей школы в контексте осуществления социально-экономических задач национального развития // Научная мысль. 2019. № 3. С. 19–24.

References

1. Fuks A. N. Znachenie shkol'nyh uchebnikov otechestvennoj istorii dlja ideologicheskogo obespechenija nacional'noj bezopasnosti [Importance of school textbooks of Russian history for the ideological provision of national security]. *Vestnik MGOU. Ser.: Istorija i politicheskie nauki*, 2015, no 1, pp. 21–32. (In Russ.)
2. Tihomirov N. V. Otrazhenie bor'by za novuju koncepciju istorii SSSR v programmakh kursov istorii SSSR dlja vuzov (1930-e gg.) [Reflection of the struggle for a new concept of the history of the USSR in the programs of courses in the history of the USSR for universities (1930s)]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki. Juridicheskie nauki*, 2021, vol. 7, no 1, pp. 88–95. DOI 10.30914/2411-3522-2021-7-1-88-95. (In Russ.)
3. Aristotel' [Aristotle]: sochinenija, in 4 tons., vol. 4, Moscow, Mysl', 1983, 830 p. (In Russ.)
4. Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranenii nacionalizma [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow, KANON-press-C, Kuchkovo pole, 2001, 288 p.
5. Tihomirov N. V. Problema sozdaniya Russkogo gosudarstva v uchebnikah istorii konca 1930-h – nachala 1950-h gg. [The problem of creating the Russian state in history textbooks of the late 1930s – early 1950s]. *Zapad-Vostok*, 2020, no 13, pp. 85–98. DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-85-98. (In Russ.)
6. Tihomirov N. V. Problemy i dinamika vysshej shkoly v kontekste osushhestvlenija social'no-jekonomiceskikh zadach nacional'nogo razvitiya [Problems and dynamics of higher education in the context of the implementation of the socio-economic objectives of national development]. *Nauchnaja mys'*, 2019, no 3, pp. 19–24. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. В. Тихомиров – старший преподаватель

кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки»,
Московская государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии – MBA имени К. И. Скрябина.

Information about the author

N. V. Tikhomirov – Senior Lecturer

at the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
Moscow State Academy of Veterinary Medicine
and Biotechnology named after K. I. Skryabin.

Статья поступила в редакцию 24.09.2021; одобрена после рецензирования 08.10.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 24.09.2021; approved after reviewing 08.10.2021; accepted for publication 08.10.2021.

Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 158–162.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). P. 158-162.

Научная статья
УДК 340.1

ПЕРСПЕКТИВЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРОГРАММ АСПИРАНТУРЫ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА БЕЗОПАСНОСТИ

Елизавета Олеговна Титкина

Российская таможенная академия, Люберцы, Россия, elizavetatitkina@mail.ru

Аннотация. На основе системного метода и метода сравнительного анализа дается оценка изменений, касающихся института аспирантуры с 1 сентября 2021 года. С помощью метода толкования сравнивается терминология Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и нововведений в него. Приводится обоснование взаимосвязи научного потенциала государства с национальной безопасностью, экономической составляющей и обороной страны. Раскрывается идея нововведений для совершенствования перспективных высоких технологий, научно-исследовательских центров, системы высшего образования.

Ключевые слова: национальная безопасность, аспирантура, научные кадры, высшее образование, ученая степень.

Для цитирования: Титкина Е. О. Перспективы усовершенствования концепции программ аспирантуры в контексте развития правовых основ национального пространства безопасности // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 3 (90). С. 158–162.

Original article

PROSPECTS FOR IMPROVING THE CONCEPT OF POSTGRADUATE PROGRAMS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL FRAMEWORK OF THE NATIONAL SECURITY SPACE

Elizaveta O. Titkina

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, elizavetatitkina@mail.ru

Abstract. On the basis of the system method and the method of comparative analysis, an assessment is made of the changes related to the Institute of postgraduate studies from September 01, 2021. Using the method of interpretation, the terminology of the Federal Law “On Education in the Russian Federation” and its innovations are compared. The article substantiates the relationship between the scientific potential of the state and national security, the economic component and the defense of the country. The article substantiates the idea of innovations for improving promising high technologies, research centers, and the higher education system.

Keywords: national security, postgraduate studies, scientific personnel, higher education, academic degree.

For citation: Titkina E. O. Prospects for improving the concept of postgraduate programs in the context of the development of the legal framework of the National Security Space. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2021. No. 3 (90). Pp. 158-162. (In Russ.)

30 декабря 2020 года Государственной думой Федерального собрания Российской Федерации принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, который вступил в действие с 1 сентября 2021 года. Основная задача, заложенная в нём, по мнению законодателя, состоит в смещении акцента с формальной оценки соответствия программ аспирантуры федеральным государственным образовательным стандартам к оценке уровня научной работы аспирантов и ее результативности, а также качества подготовленных диссертаций на соискание ученой степени. Рассмотрим основные изменения. Согласно указанному закону интеграция образовательной и научной (научно-исследовательской) деятельности в высшем образовании в рамках реализации программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) обеспечивается путем проведения итоговой аттестации в форме оценки диссертации (вместо государственной итоговой аттестации) на соискание ученой степени кандидата наук и последующего ее представления к защите. Лицам, успешно прошедшим итоговую аттестацию, выдается заключение о соответствии диссертации на соискание ученой степени кандидата наук установленным критериям и свидетельство об окончании аспирантуры (адъюнктуре). Программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре разрабатываются на основе федеральных государственных требований, при этом понятие «федеральные государственные требования» дополняется также обязательными требованиями к программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре и срокам освоения этих программ. Окончанием аспирантуры, итоговой аттестацией является представление заключения о соответствии подготовленной диссертации определенным требованиям. Тем самым вводится обязательная предзащита как критерий для итоговой аттестации. Правительство Российской Федерации наделено полномочиями по утверждению положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров, особенностей организации и осуществления образовательной деятельности по данным программам, порядка проведения итоговой аттестации, а также порядка сопровождения лиц, успешно прошедших итоговую аттестацию, при представлении ими диссертации на соискание ученой степени кандидата наук к защите. Правительство РФ устанавливает и порядок контроля за подготовкой научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре.

Также законодатель включает новые положения, касающиеся проведения государственной аккредитации программ аспирантуры, которая с момента вступления в силу новых изменений в законодательстве отменяется, но при этом сохраняются все академические права обучающихся по указанным программам. Итоговая аттестация проводится в период непосредственного освоения образовательной программы либо по ее завершении в форме оценки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук на предмет ее соответствия критериям, установленным в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике»². Предполагается, что данное изменение направлено на повышение требований к диссертации, а также сближения понятий «наука» и «аспирантура». При этом взимание платы с обучающихся за проведение такой итоговой аттестации не допускается.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2020 № 517-ФЗ (с послед. изм.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 1. Ст. 56.

² О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (с послед. изм.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 35. Ст. 4137.

В Указе Президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹ одним из стратегических национальных приоритетов выделено научно-технологическое развитие, а в числе задач в рамках реализации этого направления названа подготовка научных и научно-педагогических кадров, высококвалифицированных специалистов по приоритетным направлениям научно-технологического развития Российской Федерации. Это не случайно: развитие научных знаний, разработка новых направлений в науке, а вместе с этим, безусловно, и выпуск в российских высших учебных заведениях магистров, специалистов, аспирантов широкого профиля влияют на совершенствование технологий, появление нового в важных сферах человеческого существования. Защита кандидатских и докторских диссертаций, участие студентов в научно-исследовательских работах, разработка монографий и научных публикаций способствуют повышению качества общего, профессионального и высшего образования, а также положительно влияет на развитие фундаментальных научных исследований. Отрицательное влияние на науку в целом оказывают такие явления, которые происходят в современном обществе, как запаздывание развития высоких технологий и инновационных продуктов, выпуск необходимого высокотехнологичного оборудования за рубежом, также можно наблюдать, что профессия преподавателя перестала быть привлекательной для молодых выпускников высших учебных заведений. Можно предположить, что данная причина является одной из основополагающих для внесения в институт высшего образования, третьего его уровня – аспирантуры, соответствующих изменений. В государстве должны быть научные кадры во всех сферах, необходима разработка принципиально новых знаний в каждой области, требуются наблюдения и открытия нового в условиях постоянного развития и совершенствования сфер жизнедеятельности общества. В совокупности это влияет на престиж государства, его место в системе образования и, безусловно, на национальную безопасность. Для того чтобы не допустить утечки кадров, повысить количественный показатель по защите диссертаций на соискание степеней доктора наук и кандидата наук, поддерживать достаточный уровень бюджетных мест по программам подготовки в аспирантуре вводится обязательное написание диссертации по соответствующим критериям, установленным в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике». Изменения касаются также и терминологического аспекта. Вводится понятие научных кадров, а также разграничиваются определения научных и научно-педагогических кадров. Под научными кадрами понимаются специалисты, деятельность которых направлена на получение и применение новых знаний с помощью фундаментальных, прикладных, поисковых научных исследований. Лицам, успешно прошедшим итоговую аттестацию по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) и защитившим в установленном законодательством о науке и государственной научно-технической политике порядке диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук, присуждается ученая степень по соответствующей научной специальности и выдается диплом кандидата наук.

При этом необходимо отметить, что было высказано достаточно большое количество различных мнений на стадии рассмотрения данного законопроекта. В том числе в экспертном заключении Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства² отмечалось, что «возврат престижа аспирантуры (адъюнктуре), а во многом и ее смысла, как важнейшей формы подготовки науч-

¹ О стратегии национальной безопасности: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² Об обеспечении деятельности Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства: указ Президента Российской Федерации от 29.10.2003 № 1267 (с послед. изм.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 44. Ст. 4294.

ных и педагогических кадров высшей категории, заключается в принципиальном отказе от аспирантуры как от третьего уровня высшего образования, изъятии всех правовых норм об аспирантуре (адъюнктуре) из Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации” и внесении необходимых изменений и дополнений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике”» [1].

Вячеслав Никонов, являвшийся во время обсуждения вышеперечисленных изменений в законодательство председателем комитета Государственной думы по образованию и науке, высказывал мнение, что итоговая аттестация аспирантов увеличит количество желающих защищать диссертацию по окончании аспирантуры, так как сейчас «это большая проблема» [1]. На заседании президиума Государственного совета Российской Федерации и Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию в Москве Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что на сегодняшний момент только 12 % аспирантов защищают кандидатские диссертации [2]. Однако развитие системы высшего образования необходимо как в столице, так и в регионах. Увеличение количества бюджетных мест, реализация национальных проектов в сфере образования и науки позволят ускорить процесс формирования системы научных кадров. С 2018 года существует национальный проект «Наука» [3], ключевые цели которого заключаются в обеспечении присутствия Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития, обеспечение привлекательности работы в Российской Федерации для ведущих российских и зарубежных ученых и молодых перспективных исследователей, увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки. Нацпроект рассчитан на период до 31 декабря 2024 года и предполагает увеличение количества молодых исследователей в возрасте до 39 лет до 50,4 % от общего числа российских ученых. Возможно, модернизация института аспирантуры позволит решить эту проблему. На сегодняшний день законодательного или правительенного положения о научной аспирантуре не сформировано. Согласно концепции, которая заложена в нововведениях, вузам и научным институтам должна быть предоставлена свобода в выборе структуры подготовки и условий ее реализации. Кардинальных отличий этих положений в сравнении с правилами приема в аспирантуру в предыдущие годы не выявлено, возможно, данный процесс еще в стадии согласования.

Таким образом, реформирование института аспирантуры направлено на повышение уровня требований к оценке научных работ аспирантов, достижения максимально возможного уровня эффективности и результативности, практической значимости научных, проектных и научно-технологических организаций. От этого непосредственно зависит национальная экономика, оборона страны, государственная и общественная безопасность. Важным становится внедрение научных результатов в производство в соответствии с преимуществами социально-экономического, научного и научно-технического развития. Факт значимости научной проблемы, которую разрабатывает аспирант в своей диссертации, будет проверяться при ее оценке, последующем представлении к защите. Возможно, это создаст благоприятные условия для серьезной научной деятельности, а не послужит лишь причиной отсрочки какого-либо юридического действия в жизни будущего аспиранта. Выпускник вуза, желающий продолжить обучение в аспирантуре, должен увидеть прогресс в своей научной деятельности, повышать свой уровень знаний, стремясь к мировым стандартам и передовым технологиям. Только в этом случае можно совершенствовать перспективные высокие технологии, научно-исследовательские центры, систему высшего образования. Возможно, в этом заключается основная идея нововведений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и в этом – одно из направлений развития национального пространства безопасности.

Список источников

1. Аспирантура в России будет третьей ступенью в системе высшего образования // Российская газета. 24.12.2020. URL: <https://rg.ru/2020/12/24/aspirantura-v-rossii-budet-tretej-stupeniu-v-sisteme-vysshego-obrazovaniia.html> (дата обращения: 01.06.2021).
2. Острое аспирантурное заболевание // Коммерсантъ. № 22. 07.02.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4244017> (дата обращения: 01.06.2021).
3. Паспорт национального проекта «Наука» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам): протокол от 24.12.2018 № 16. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

References

1. Aspirantura v Rossii budet tret'ej stupen'ju v sisteme vysshego obrazovanija [Graduate school in Russia will be the third stage in the higher education system]. *Rossijskaja gazeta*. 24.12.2020. (In Russ.) Available at: <https://rg.ru/2020/12/24/aspirantura-v-rossii-budet-tretej-stupeniu-v-sisteme-vysshego-obrazovaniia.html> (accessed: 01.06.2021).
2. Ostroe aspiranturnoe zabolevanie [Acute postgraduate disease]. *Kommersant*, no 22. 07.02.2020. (In Russ.) Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4244017> (accessed: 01.06.2021).
3. Pasport nacional'nogo proekta «Nauka» (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskому razvitiyu i nacional'nym proektam) [Passport of the national project "Science" (utv. Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects)]: protokol ot 24.12.2018, no 16. (In Russ.)

Информация об авторе

E. O. Титкина – магистрантка направления подготовки «Юриспруденция»,
Российская таможенная академия.

Information about the author

E. O. Titkina – Master's Student of the Direction of Training “Jurisprudence”,
Russian Customs Academy.

Статья поступила в редакцию 09.09.2021; одобрена после рецензирования 24.09.2021; принятa к публикации 24.09.2021.

The article was submitted 09.09.2021; approved after reviewing 24.09.2021; accepted for publication 24.09.2021.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

В научном журнале «Вестник Прикамского социального института» публикуются материалы, которые связаны с анализом социально-экономических и правовых отношений, посвящены актуальным проблемам развития общества и личности, носят как теоретический, так и экспериментальный характер, обобщают результаты исследований ученых и распространяют опыт практики работы специалистов в указанных отраслях. Приоритетное исследовательское направление – теоретические и практические вопросы совершенствования системы обеспечения национальной безопасности и реализации стратегических национальных приоритетов.

Подача материалов в журнал «Вестник Прикамского социального института» означает согласие автора (ов) на их публикацию в журнале и размещение в режиме свободного доступа в Интернете.

Публикация в журнале и рассылка электронного экземпляра – бесплатная. Печатный экземпляр журнала предоставляется при условии оплаты – 450 руб. за один экземпляр. Иногородние авторы оплачивают также почтовую пересылку – 250 руб.

Рукописи принимаются в порядке поступления. Количество статей в журнале ограничено. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов, проверки их на оригинальность текста с помощью системы «Антиплагиат» и редактирования статей для публикации. Статьи, написанные не по тематике журнала, оформленные не по правилам, не рассматриваются.

К рукописи прилагается заявка на публикацию статьи:

Фамилия, имя, отчество на русском языке	
Фамилия, имя, отчество на английском языке	
Место работы на русском языке	
Место работы на английском языке	
Должность на русском языке	
Должность на английском языке	
Адрес для переписки (с почтовым индексом)*	
Телефон с указанием кода города*	
Электронная почта	
DOI статей автора в базах Scopus и Web of Science (при наличии)	
Необходимость печатного экземпляра журнала (Да/нет)	

* Адрес и телефон в журнале не печатаются.

Статьи и заявки направляются в электронном виде по адресу: psi.nauka@mail.ru или представляются по адресу: Пермь, ул. Куйбышева, 98А, Прикамский социальный институт, каб. 205, научный отдел. Телефон редакции – (342) 214-26-76.

1. Для создания статей используется текстовый редактор Microsoft Office Word. Шрифт **Times New Roman 14**, межстрочный интервал – **1,5**, рекомендуемый объем – **до 15 страниц** (до 30 тыс. знаков). Все поля – **2 см**.

2. В начале статьи указывается **УДК**.

3. Далее указываются сначала **на русском, затем на английском языке**:

– на первой строке полужирным шрифтом прописными буквами с выравниванием по центру – **название** статьи;

– на второй строке слева полужирным шрифтом – **имя, отчество и фамилия автора(ов)**;

- на третьей строке слева через запятую – **наименование организации (учреждения)**, где работает или учится автор(ы), **адрес организации (учреждения)**, где работает или учится автор(ы) (**город и страна**), **электронный адрес автора(ов) (e-mail)**;
- далее с выравниванием по ширине – **аннотация (авторское резюме)**, то есть изложение основного содержания и результатов исследования. Объем аннотации – до 200 слов, не более 2 тыс. знаков с пробелами. Аннотация должна отражать предмет, цель, методологию, результаты исследования и выводы. Аннотация (авторское резюме) к статье является основным источником информации в информационных системах и базах данных, индексирующих журнал;
- ниже с выравниванием по ширине – **ключевые слова** (5–10 слов);
- ниже с выравниванием по ширине – **информация для цитирования**: указываются полные выходные данные статьи на русском и английском языках для облегчения ее цитирования (автор (ы), название статьи, место и год издания, номер выпуска).

4. **Список источников** приводится в конце статьи, оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. Литература и электронные источники помещаются в списке в порядке упоминания или цитирования в статье; нумерация списка – автоматическая. В статьях, включенных в список, указываются все страницы публикации, например: Гуреева А. Н. Медиаактивность российской молодежи как драйвер медиатизации политики // Век информатизации. 2020. № 2. С. 31–36.

В список источников включаются литература и электронные ресурсы, а ссылки на нормативные правовые акты (в том числе из сети Интернет или справочно-правовых систем) и архивные источники размещаются в форме автоматических постраничных сносок (внизу страницы с новой нумерацией на каждой странице, шрифт сносок – Times New Roman 10).

При описании электронных ресурсов из сети Интернет указывается электронный адрес цитируемой веб-страницы, а не сайта в целом; после электронного адреса необходимо в круглых скобках указать дату обращения к документу, например: (дата обращения: 01.02.2021).

В списке источников помещаются **только те ресурсы, на которые в тексте статьи есть ссылки**.

5. **Ссылки** на источники из списка даются внутри текста статьи в квадратных скобках с указанием страниц, на которых расположен цитируемый текст: [2, с. 312; 3].

6. В конце статьи помещается (с выравниванием по ширине, на русском и английском языках) дополнительная информация об авторе(ах): **И. О. Фамилия автора(ов), ученые степень и звание, должность** (по желанию автора(ов)); **наименование организации (учреждения), ее подразделения**, где работает или учится автор(ы).

Пример оформления статьи

УДК 351.74

Владимир Викторович Шилов

Березниковский филиал Пермского национального исследовательского
политехнического университета, Березники, Россия, Vvvs595959@mail.ru

Татьяна Николаевна Сергеева

Березниковский филиал Пермского национального исследовательского
политехнического университета, Березники, Россия, garri_62@mail.ru

**ПРЕСТУПНОСТЬ И РАБОТА ПОЛИЦИИ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ
УРАЛА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА
В ГОРОДЕ БЕРЕЗНИКИ ПЕРМСКОГО КРАЯ)**

Аннотация. На основе прикладного социологического исследования и статистической информации дается оценка криминогенной ситуации и работы сотрудников межмуниципального отдела полиции Министерства внутренних дел Российской Федерации «Березниковский» Пермского края. Методом социологического опроса определен уровень доверия жителей города Березники и Усольского муниципального района Пермского края к представителям правоохранительных органов. Проводится утверждение, что для достижения правопорядка полиция должна быть ориентирована не только на милитаризованные структуры, наряду с репрессивными мерами должна набирать силу ориентация на социальное обслуживание населения.

Ключевые слова: реформа, гражданское общество, свобода, ответственность, сотрудничество.

Для цитирования: Шилов В. В., Сергеева Т. Н. Преступность и работа полиции в индустриальном центре Урала (по результатам социологического опроса в городе Березники Пермского края) // Вестник Прикамского социального института. 2021. № ... С. ...

Vladimir V. Shilov

Berezniky branch of the Perm National Research Polytechnic University, Berezniky, Russia,
Vvvs595959@mail.ru

Tatiana N. Sergeeva

Berezniky branch of the Perm National Research Polytechnic University, Berezniky, Russia,
garri_62@mail.ru

**CRIME AND POLICING IN NHE INDUSTRIAL CENTER OF THE URALS
(BY RESULTS OF SOCIOLOGICAL SURVEY IN BEREZNIKI, PERM TERRITORY)**

Abstract. On the basis of applied social research and statistical evaluation are given the crime situation and the work of the staff of inter-municipal police department of the Interior Ministry “Berezniki” Perm territory. The method of the sociological survey determined the level of trust and the residents of the city of Berezniki and Usolye municipal district of the Perm territory to representatives of law enforcement agencies. States that in order to achieve the right order and the police must be focused not only on the militarized structure, but also, along with repressive measures, should be a growing trend, oriented towards the social service of the population.

Keywords: reform, civil society, freedom, responsibility, cooperation.

For citation: Shilov V. V., Sergeeva T. N. Crime and policing in the industrial center of the Urals (by results of sociological survey in Berezniki, Perm Territory). 2021. No. ... Pp. ... (In Russ.)

Защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности – эти вопросы всегда находятся в центре внимания политиков и общественности [1].

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства¹.....

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]// Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 04.11.2021).

Список источников

1. Аналитический обзор зарубежных исследований о практике изучения и формирования общественного мнения о полиции / ВНИИ МВД России. М., 2003.
2. Ипакян А. П. Оценка деятельности органов внутренних дел в механизме налаживания их взаимодействия с населением // Проблемы взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями по охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности: материалы «круглого стола» 27 янв. 2006 г. в Акад. управления МВД России / Акад. управления МВД России. М., 2006. С. 96–97.
3. Заманихина Т. Участковые стали «писателями». Сенаторы обещали законодательную поддержку МВД // РОС. газета. 2013. 31 окт.
4. Владимир Колокольцев: «Полиция должна заслужить доверие граждан» // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. 2012. 12 июля. URL: <https://mvd.ru/news/item/150545> (дата обращения: 12.03.2021).
5. Бунов Е. Г. Сотрудники органов внутренних дел об эффективности их деятельности // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 87–89.

Информация об авторах

В. В. Шилов – кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Общенаучные дисциплины»,
член Правления Российского общества социологов (Пермское отделение),
Березниковский филиал Пермского национального исследовательского
политехнического университета;

Т. Н. Сергеева – старший преподаватель кафедры «Общенаучные дисциплины»
Березниковский филиал Пермского национального исследовательского
политехнического университета.

Information about the authors

V. V. Shilov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Scientific Disciplines,
a Member of the Board of the Russian Society of Sociologists (Perm branch),
Berezniky branch of the Perm National Research Polytechnic University;
T. N. Sergeeva – Senior Lecturer at the Department of Scientific Disciplines
Berezniky branch of the Perm National Research Polytechnic University.

Статья поступила в редакцию 24.09.2021; одобрена после рецензирования 08.10.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 24.09.2021; approved after reviewing 08.10.2021; accepted for publication 08.10.2021.

Автономная некоммерческая
организация высшего и
профессионального образования

ПРИКАМСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
ПОДГОТОВКИ
(БАКАЛАВРИАТ):**

- Психология,
- Экономика,
- Менеджмент,
- Юриспруденция.

ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

Очная, заочная, очно-заочная

**ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ**

Общеразвивающие программы
для детей и взрослых.

**ПОВЫШЕНИЕ
КВАЛИФИКАЦИИ**

По всем реализуемым
образовательным программам.
Подробнее на сайте института.

ПЕРЕПОДГОТОВКА КАДРОВ

Оказание бесплатной юридической
помощи гражданам.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КЛИНИКА

Кризисный центр психологической
помощи людям, попавшим в сложные
жизненные ситуации.

**ЦЕНТР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ПОМОЩИ**

**г. Пермь, ул. Куйбышева, 98А
тел.: (342) 214 26 16**

**e-mail: pkpsi@yandex.ru
сайт: www.psi.perm.ru**

Автономная некоммерческая организация
профессионального образования

ПЕРМСКИЙ ГУМАНИТАРНО- ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ КОЛЛЕДЖ

**Среднее
профессиональное
образование**

Техник-программист

Бухгалтер

Юрист

Специалист по рекламе

Дизайнер

ПРИЁМ НА БАЗЕ

ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

г.Пермь,
ул.Куйбышева, 98А
сайт: www.pgtk-perm.ru

СПЕЦИАЛЬНОСТИ:

- Программирование в компьютерных системах
- Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)

- Право и организация социального обеспечения

- Реклама

- Дизайн (по отраслям)

9 и 11 классов

Очная, вечерняя, заочная

Приёмная комиссия

тел.: (342) 214 26 16

e-mail: pkpsi@yandex.ru

16+